

АНДРЕ НОРТОН

Колдовской Мир

РОГАТЫЙ ВЕНЕЦ

Звезды новой фэнтези

Андрэ Нортон

Колдовской мир. Год Единорога

«Азбука-Аттикус»

1965, 1972, 1981

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Нортон А.

Колдовской мир. Год Единорога / А. Нортон — «Азбука-Аттикус», 1965, 1972, 1981 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-19604-9

Перу американской писательницы Андрэ Нортон, «великой леди фантастики» XX столетия, принадлежит более 130 книг. Критики, увы, не спешили поддержать ее, а сама она была слишком скромным человеком, чтобы пробивать себе дорогу к пьедесталу. Тем не менее талант ее сиял так ярко, что не остался незамеченным. В нашей стране имя писательницы стало известно после выхода романа «Саргассы в космосе», блистательно переведенного Аркадием и Борисом Стругацкими. А в 1963 году в США вышла книга под названием «Колдовской мир» – так был создан один из известнейших фэнтези-миров в истории жанра. Во второй том цикла «Колдовской мир» вошли два романа и сборник, объединенные местом действия. Эту гористую землю по неизвестной причине покинули люди Древней расы, а те, кто пришел сюда, назвали ее Высшим Холлаком в честь своей утраченной родины. В этот новый мир можно было пройти только через магические Ворота. До Великого Вторжения Высший Холлак наслаждался миром и закон царил в его пределах. Но благословенные времена подошли к концу. Лорды Высшего Холлака, теснимые врагами, были вынуждены искать подмоги у таинственных Всадников-оборотней – и взамен те потребовали в первый день года Единорога привести им тринадцать девушек благородного происхождения...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19604-9

© Нортон А., 1965, 1972, 1981
© Азбука-Аттикус, 1965, 1972, 1981

Содержание

Год Единорога[1]	7
1	7
2	14
3	20
4	27
5	33
6	40
7	46
8	53
9	59
10	65
11	70
12	75
13	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Андрэ Нортон
Колдовской мир. Год Единорога

Andre Norton
YEAR OF THE UNICORN
Copyright © 1965 by Andre Norton
SPELL OF THE WITCH WORLD
Copyright © 1972 by Andre Norton
HORN CROWN
Copyright © 1981 by Andre Norton
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора и Ethan Ellenberg Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Иллюстрация на обложке Ольги Закис

© Е. И. Клипова, перевод, 2021
© Ю. Р. Соколов, перевод, 2021
© Н. К. Омелянович, перевод, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Год Единорога¹ *Роман*

1

Ветер перемен

Кому из нас дано предугадать, чем обернется для него очередная превратность судьбы?

Обретаясь на клочке земли, отгородившемся от всего мира глухими стенами, волей-неволей начинаешь желать перемен – любых перемен, лишь бы избавиться от привкуса пыли во рту, плотной пеленой висящей над иссохшим руслом реки времени. Если забраться на колокольню аббатства Норстед – никто уже и не припомнит звона ее колоколов, – взору предстанет лишь бесконечная рябь Долин, простирающаяся до самого Гребня – серо-голубой изломанной линии на горизонте. В ясные дни, когда солнечные лучи истончают завесу тумана, можно еще рассмотреть на западе кромку леса, за которым начинается Фалтингдейл, да на востоке – Когти Сокола, пронзающие небесный свод. Но кроме них, докуда хватает взгляда, – лишь Долины с их вековой отстраненностью от человека и его дел. Они были такими до его прихода; они останутся такими же и после его ухода. И стоит поселиться здесь человеку, как он теряет страсть к движению и суетливость, присущие его племени от рождения, и сам становится подобен этим вековым холмам.

Однако еще недавно эта земля была охвачена пламенем войны. Звенела сталь, раскалывавая надвое щиты, воздух дрожал от свиста стрел и предсмертных криков. Передышка на пару лет – и вновь война. Сначала открытое противостояние, потом – борьба с мелкими вражескими отрядами, укрывшимися в горах и лесах. Наконец последние остатки войск захватчика были отброшены к побережью и разбиты наголову, и наступил мир, сбивший с толку тех, кто родился в это лихолетье и с колыбели привык слышать только лязг мечей да известия с полей сражений.

Нам в Норсдейле все это известно лишь понаслышке – от тех, кто чудом пережил ужасы погромов и стучался в ворота нашего аббатства в поисках убежища. Мы никогда не видели

---

¹ Перевод Е. Клиповой.

Гончих Алисона, которые гнались за ними, и за это дамы Норстеда день и ночь возносили в часовне благодарственные молитвы.

Я тоже оказалась в аббатстве из-за войны. Иногда я чувствовала, что задыхаюсь, что не могу больше жить этой безмятежной жизнью, среди людей, совершенно чуждых мне и по крови, и по духу. Остановите любого, гуляющего по этим ровным дорожкам внизу, и спросите обо мне – в ответ вы услышите одно и то же:

– О, так это же Гиллан, помощница почтенной дамы Алусан. Лет восемь назад приехала сюда вместе с госпожой Фризой – была ее горничной. Ну, что еще сказать? Немного разбирается в травах, людей сторонится. Ни красоты у бедняжки, ни родословной. В часовне бывает исправно, и утром, и вечером; иногда можно застать ее за шитьем в компании служанок, но сама служить в аббатстве не желает. А еще от нее слова не дождешься...

Да-да, все вы правы: она почти не разговаривает – зато много думает. И пытается вспомнить. Хотя никому здесь до этого нет никакого дела. Ибо Гиллан не из Высшего Холлака.

Помню корабль. Помню высокие волны, бьющиеся о борт и жаждущие уничтожить творение рук человеческих. Корабль был из Алисона, это я тоже хорошо помню. Но я не была из Алисона. Не помню, почему я оказалась на борту, но на то была причина. Причина, которая меня, тогда совсем еще малышку, ужасала. Со мною был какой-то мужчина – это он привел меня на корабль. Он погиб – на него обрушилась сломанная мачта, а больше там не было ни одного человека, кому была бы известна цель моего путешествия.

Это случилось как раз в то время, когда лорды Высшего Холлака нанесли сокрушающий удар по Гончим и заняли порт, в который приходили корабли Алисона с припасами и людьми. Так я и очутилась в руках лорда Фурло.

Думаю, он догадывался о моем прошлом, поэтому и отправил меня к своей жене, поручив ей как следует заботиться обо мне. Я стала их приемной дочерью, но счастье мое длилось недолго. Могущество Алисона крепло, он гнал армии лордов все дальше от побережья. Помню, как мы отступали на север, по опустошенным, скованным морозом долинам. Почти сразу после того, как мы добрались до Норстеда, леди Фриза скончалась, а жизнь лорда Фурло оборвала стрела, пронзившая ему горло, и свои догадки обо мне он унес с собой в могилу. И снова я была брошена на произвол судьбы.

Мне хватило одного-единственного взгляда в зеркало, чтобы уяснить раз и навсегда: с женщинами, рожденными в Холлаке, у меня нет ничего общего. У них светлая кожа и румянец на щеках, а волосы желтые, как мелкие цветочки, что по весне распускаются вдоль тропинок в саду, либо того же коричневого оттенка, что и крылышки сладкоголосых птичек, живущих в кронах деревьев по берегам ручьев. Я же смуглая и бледная, а волосы мои, которые я научилась заплетать в тугую косу вокруг головы, чернее беззвездной ночи. Вдобавок эти странные мысли... Однако еще в детстве, играя роль приемыша, я заметила, что стоит мне открыть рот, как людям становится не по себе, и потому быстро смекнула, что лучше держать язык за зубами.

За все годы, проведенные в Норстеде, я повстречала лишь двух особ, в обществе которых я не чувствовала себя чужой. Первой была почтенная дама Алусан – пожилая женщина, предпочитавшая компании своих сестер по ордену общение с травами. Все свое время она проводила в саду или в мастерской, где неустанно что-то толкла, варила, перегоняла и смешивала, чтобы наполнить очередную склянку чудотворным зельем. Мастерство ее было известно далеко за пределами Норстеда, и нередко разбойничьи отряды, прячущиеся в горах, посылали к даме Алусан самых быстроногих из своих гонцов за мазями от нарывов и микстурами от кашля, лихорадки и прочих хворей, неизбежно сражающих человека, избравшего своим обиталищем продуваемые всеми ветрами ущелья.

Когда я впервые попалась ей на глаза, почтенная дама Алусан смерила меня пронзительным взглядом, которым удостаивала лишь диковинные, неведомые ей растения. Она взяла

меня под свое крыло и принялась за мое обучение. Училась я охотно и следующие несколько лет провела, жадно впитывая и применяя на практике новые знания.

А потом произошла вторая судьбоносная встреча, нарушившая спокойное течение моей жизни. Я выпалывала сорняки в саду, когда сквозь монотонное жужжание вечных тружениц пчел услышала странный звук, словно кто-то тихо напевал себе под нос. Мелодия показалась мне смутно знакомой, но как бы я ни напрягала слух, пытаюсь вспомнить, откуда могу ее знать, ничего не выходило – моя память молчала.

И тогда я поднялась с земли и, послушная зову этой мелодии, направилась через арку вглубь сада, ту его часть, что предназначалась исключительно для отдыха. Здесь был выкопан прудик, в центре которого бил фонтан и росли цветы. У прудика стояло кресло, наполовину скрытое в тени деревьев, а в кресле, утопая среди подушек, закутавшись в многочисленные шали, хотя день был теплый и солнечный, сидела одна из тех почтенных дам, что почти все свое время проводят в затворничестве в своих кельях и чьи имена вызывают благоговейный трепет среди юных обитательниц аббатства.

Ее лицо, обрамленное складками капюшона, казалось совсем маленьким и белым, а морщинки в уголках глаз и вокруг рта говорили не только о преклонном возрасте, но и о привычке с улыбкой встречать любые невзгоды. Ее сморщенные руки неподвижно лежали на коленях, а на одном из скрюченных от старости пальцев сидела крошечная ящерка. Ящерка, подняв головку, глядела блестящими глазками на свою хозяйку – казалось, будто эти двое вели приятную, им одним понятную беседу.

Пение оборвалось, и женщина, по-прежнему не отрывая взгляда от своей маленькой компаньонки, тихо произнесла:

– Приветствую тебя, дочь моя. Какой чудный день.

И пусть в словах этих не было ничего особенного – я слышала их чуть ли не каждый день, – мне отчего-то тут же стало необычайно тепло и спокойно на душе. Я подошла к креслу и опустилась на колени. Так я повстречалась с аббатисой Малвинной. Как и почтенная дама Алусан, она многому меня научила, но ее наука касалась не растений, а всевозможных тварей – крылатых, четвероногих, ползучих, – среди которых у человека много и друзей, и врагов.

Однако жизнь аббатисы клонилась к закату, а потому, как ни горько, нашей дружбе было суждено продлиться совсем недолго. Она, единственная во всем Норстед, знала мою тайну. Ума не приложу, чем я выдала себя, скажу лишь, что аббатиса восприняла новость о моих способностях совершенно спокойно. Последняя наша встреча состоялась в ее келье. Она лежала в кровати – неподвижная хрупкая оболочка, сдерживающая свободолюбивый дух, – и впервые за все время нашего знакомства засыпала меня вопросами. Что за жизнь у меня была до того, как я очутилась на корабле Ализона? Помню ли я хоть что-то? И когда поняла, что отличаюсь от остальных? На все ее вопросы я отвечала без утайки.

– Дочь моя, ты очень умна для столь юного создания, – прошептала она, когда я закончила. – Такова уж наша природа – мы боимся того, чего не в силах постичь. Я слышала, за морем есть страна, где живут женщины, обладающие чудесной Силой, и страну эту Ализон ненавидит так же сильно, как нашу. Может статься, это и есть твой дом.

– О матушка аббатиса! – воскликнула я. – Умоляю, скажите, где эта страна? Как мне...

– Попасть туда? Никак. Даже не думай об этом. Если ты рискнешь отправиться туда, где Ализон сможет вновь наложить на тебя руки, поверь, ты будешь умолять о скорой смерти. Не омрачай свои годы напрасными желаниями. Не мучай себя. На все воля Тех, кто разжег Пламя. – Тут она улыбнулась мне одними глазами. – Неблагодарное это дело – обещать лучшую долю юному созданию, но пусть это будет моим последним даром тебе, доченька. Пламя мне свидетель, скоро ты найдешь то, что ищешь, и пустота в душе твоей заполнится.

Однако миновало уже три зимы с того дня, как было дано мне это обещание. Война закончилась, и в аббатстве царил необычайное оживление: лорды возвращались в Норстед за

своими женами, сестрами и дочерьми. Единственное, что занимало сейчас умы обитательниц узких комнатшек в башне, – близившийся сезон свадеб, который уже давно окрестили Великой Сделкой.

Случилось это в год Грифона: лорды Высшего Холлака, теснимые Ализоном, пребывали в бедственном положении и потому были вынуждены искать подмоги у Всадников-оборотней. В первые дни весеннего половодья лорды явились в соляные дюны для переговоров.

Те, кто откликнулся на их призыв, имели человеческий облик, однако людьми не были. Но они были великими воинами. Никто не ведал, сколь многочисленно их войско, но не было никаких сомнений в том, что Всадники обладают сверхъестественной Силой.

Их называли оборотнями, колдунами и шаманами, но, кем бы они ни были на самом деле, Всадники никогда не нарушали данных ими клятв. Они заявили, что будут сражаться за Высший Холлак, но лишь под командованием собственных вождей и придерживаясь собственной тактики.

Война продолжалась в течение года Огненного Дракона и следующего за ним года Шершня. Наконец Ализон был выбит с побережья, которое он когда-то захватил, и лишился доступа к морю.

Война закончилась, и настало время расплаты по договору. Всадники обещали лордам не только свою помощь: они поклялись навсегда уйти с пустошей, позволив людям стать полновластными хозяевами всех освобожденных земель. Однако не раньше, чем лорды выполнят свою часть соглашения – дадут им прекрасных женщин.

Как ни странно, но женщин среди Всадников никогда не было. Послы, которых лорды время от времени отправляли в их лагерь еще до заключения Великой Сделки, говорили, что не видели там и ни одного ребенка. Быть может, эти существа обитали здесь с начала мира и время попросту не имело над ними власти?

Как бы то ни было, они потребовали тринадцать девушек – не вдов и не монахинь – не моложе восемнадцати и не старше двадцати лет, здоровых и благородного происхождения. В первый день года Единорога лорды обязались привезти тринадцать избранниц к границе пустошей и оставить их там на милость их новой, непостижимой судьбы.

Несомненно, думала я, этим тринадцати будет очень страшно – как говорила аббатиса Малвинна, мы боимся того, чего не понимаем. Однако для некоторых эта неизвестность станет желанным спасением от заведомо печальной участи. Ведь у многих девушек нет ни богатого приданого, ни красоты – чтобы отвлечь внимание от этого прискорбного недостатка, – ни любящих родственников, готовых взять их под свое крыло, зато предостаточно злопыхателей, и потому Великая Сделка для них – меньшее из двух возможных зол.

В Норстеде жили пять подходящих девушек. Однако две из них были помолвлены и с нетерпением ожидали весны, чтобы наконец соединиться священными узами со своими избранниками. Третья, леди Толфана, благодаря своей блистательной родословной была попросту обречена на союз с аристократом, и ни ее посредственная внешность, ни острый язычок не могли бы этому помешать. Что до четвертой, умницы и красавицы Мэрим, никто не сомневался, что влиятельный дядюшка увезет ее отсюда и подыщет ей супруга на собственное усмотрение. А последняя, Сассия...

Как же мне описать Сассию?.. Она была старше остальных, обладала живым умом и охотно поддерживала любую беседу, вот только о себе самой она не говорила никогда. Интересно, замечал ли ее скрытность еще кто-нибудь, кроме меня? Сассия происходила из знатного рода, ее семья владела землей на побережье, но Сассия не помнила отчего дома, потому что ее отправили в Норстед сразу после рождения. Она состояла в родстве с хозяином Норстеда, но навряд ли в столь близком, чтобы позволить ему вмешиваться в ее судьбу... И потому – да, Сассия вполне могла стать одной из невест. Вот только как она себя поведет, если выбор падет

на нее? Спокойно воспримет новость – или наконец сбросит маску спокойной любезности и покажет свое истинное лицо?

– Гиллан!

Кутаясь в шаль, я глянула вниз. Снежок, запорошивший сад, ослепительно сиял на солнце, но холодный зимний ветер пронизывал до костей. Под моим балконом стояла почтенная дама Алусан.

Неслыханное дело – моя хозяйка пришла за мной самолично! Во мне вдруг шевельнулось странное, давно забытое чувство. После всех этих лет... возможно ли, что я вновь ощутила дуновение ветра перемен?

За все время, проведенное в аббатстве, я научилась передвигаться неспешной поступью, в соответствии с заведенным порядком, однако сейчас нетерпение мое было слишком велико. Я со всех ног бросилась вниз по ступенькам и, лишь оказавшись внизу, степенным шагом направилась к дверям.

– Да, госпожа?

Она ответила на мой учтивый поклон быстрым кивком.

– До нас дошли кое-какие вести, всем приказано собраться в общем зале, – объяснила мне наставница, хмурясь. – Ступай в мастерскую, закончи дистилляцию, иначе вся моя работа пойдет насмарку.

И, взявшись руками за развевающиеся концы своей вуали, она двинулась в аббатство с видом человека, твердо решившего побыстрее покончить с формальными обязанностями и вернуться к прерванному занятию.

Вести? Но кто их принес? Через Долины никто не проезжал – всадника я бы заметила. Может, птица? Когда я поднималась по ступеням башни, мне послышалось хлопанье крыльев. Вероятно, это и был посланник – аббатиса Малвинна рассказывала, что в свое время она занималась обучением птиц. Но что за вести принес этот крылатый глашатай? Неужто снова разразилась война и Гончие готовятся осадить Норстед?

Однако времени на размышления у меня не было: если не поспешу – мне крепко достанется, и не важно, царит ли по-прежнему на нашей земле мир, или же враг стоит у самых ворот.

Мастерская встретила меня привычной густой смесью ароматов, от сосуда для дистилляции распространялось чарующее благоухание, и я с наслаждением принялась за работу. Эта задача была выполнена, жидкость благополучно разлита по бутылочкам, аппарат трижды промыт, как было заведено, наступил уже ранний зимний вечер, а почтенная дама Алусан все еще не вернулась. Я задула огонь в лампах, заперла дверь на задвижку и поспешила в главный зал аббатства.

Щебетание голосов, доносившееся до меня, с каждой минутой становилось все пронзительнее, как нередко бывает, когда разговаривают только женщины. Я вошла в зал: у камина собрались все девушки, нашедшие приют в стенах Норстеда; две послушницы накрывали на стол, однако ни одной из почтенных дам здесь не было.

Я повесила шаль на крючок у двери и подошла к огню. В этом сборище я не была своей, – думаю, никто из обитательниц нашего аббатства толком не понимал, как ко мне относиться: то ли как к приемной дочери высокородного лорда, то ли как к послушнице, хотя я и не носила вуаль и чепец. Как бы то ни было, сейчас им было не до меня: девушки тараторили без умолку, и даже те, что обычно бывали скупы на слова, из кожи вон лезли, чтобы перекричать остальных. Воистину горностай попал в наш курятник!

– Гиллан, тебе уже сказали? – Прекрасное личико Мэрим пылало от возбуждения. – К нам едут гости! Они будут здесь уже к часу Пятого пламени!

Вот оно что – воины возвращаются с поля боя! Но почему почтенные дамы до сих пор совещаются? Обычно они пережидают наплыв гостей в кельях и не покидают своих скромных жилищ до тех пор, пока в аббатстве остается хоть один мужчина.

– Гости? Это твой дядюшка, лорд Имгри?

– Да, но не он один! С ним невесты, Гиллан! Невесты для Всадников! Они направляются к границе пустошей по северному тракту и остановятся у нас на ночь! О Гиллан, мы должны помолиться за этих бедняжек!

– Зачем? – своим обычным невозмутимым тоном спросила Сассия.

Я невольно залюбовалась ею. Она не могла сравниться красотой с Мэрим, но обладала кое-чем несравнимо более ценным – особой, поистине королевской грацией, которая, в отличие от красоты, с годами не меркнет.

– Зачем? – с негодованием повторила Мэрим. – Неужто сама не понимаешь? Их ведь везут на верную гибель!

И тут Сассия сказала то, о чем думала и я сама:

– А может, все совсем наоборот: и ждет их не гибель, а спасение? Не у каждой из нас есть теплое, надежное гнездышко, птичка моя.

Сассия словно говорила о себе. Но с чего она взяла, что завтра на рассвете именно она покинет эти стены?

– Да я скорее умру, чем соглашусь выйти замуж за какое-то чудовище! – воскликнула Мэрим.

Я попыталась ее успокоить:

– Ну что ты, тебе нечего бояться.

Я видела, как страх сгущается вокруг нее черной тенью, и опасалась, что она вполне способна исполнить свою угрозу.

Сассия, стоявшая за спиной Мэрим, бросила на меня странный взгляд. Неужели она и правда что-то знает? Мне вдруг стало не по себе, я почувствовала, как густеет воздух, напоенный благоуханием листьев, подбрасываемых в огонь. Что-то грядет.

– Мэрим, Мэрим, пойди сюда!

Это окликнули ее девушки, которые были обручены. Мэрим не заставила себя упрашивать и поспешила покинуть нашу компанию. Казалось, рядом с этими счастливицами она чувствует себя спокойнее, словно их безопасность давала защиту и ей самой. Сассия же продолжала смотреть на меня, и лицо ее по-прежнему было непроницаемо.

– Пригляди за ней сегодня. Я с нее тоже глаз не спущу, – произнесла она.

– Но зачем?

– Потому что ее выбрали.

Я уставилась на нее в немом изумлении, хотя в глубине души знала, что Сассия говорит правду.

– Но... откуда...

– Откуда я знаю? – быстро зашептала она, уводя меня в сторону. – На днях я получила письмо... Не скрою, я была уверена, что тринадцатой выберут меня, – на то были все основания, – но вдруг оказалось, что моя семья передумала. Пока шла война, у меня не было и клочка земли – теперь же я мало того что хозяйка нескольких замков, так еще и единственная наследница своего рода. – Ее тонкие губы скривились в ухмылке. – А значит, слишком ценное сокровище. Уже весной меня выдадут замуж, но только в долину. Ты спросишь: почему Мэрим привлекает мужчин, хотя у нее нет приданого, чтобы наполнить кошелек или выстроить особняк? Потому что мужчин влечет красота. А если мужчина захочет власти – он найдет способ заполучить ее и без кошелька жены. У лорда Имгри власти предостаточно, но ему все мало – он готов на любой риск, лишь бы получить еще немного. Всадники оказали ему услугу – и он отдает им свою племянницу. Остальные его выбор одобряют: конечно, ведь в этом букете она – самый прекрасный цветок.

– Они ее не заставят...

– Заставят, вот увидишь. Но, испив эту чашу, она умрет.

Я бросила быстрый взгляд на Мэрим. Лицо ее разругалось, она что-то говорила, оживленно размахивая руками. Была в ее облике какая-то нездоровая, лихорадочная веселость, которая мне не понравилась. Ну да кто я, чтобы вмешиваться в дела этих девиц, чуждых мне и по крови, и по духу?

– Она умрет, – упрямо повторила Сассия. – Если лорд Имгри вознамерился отдать ее Всадникам – и его выбор был одобрен, – участь ее решена.

– Но ведь часто бывает и так, что, прислушавшись к женщине, мужчина отказывается от своего решения.

– Не в этот раз. Никто не согласится взять вместо Мэрим другую – второй-то такой красавицы днем с огнем не сыщешь.

Говоря это, она продолжала многозначительно смотреть на меня, как будто я была способна проникнуть в ее мысли, понять, что на самом деле стоит за ее словами. Я же в этот момент думала о Норстеде: что я делаю в этом застывшем, покрытом вековечной пылью мире, где один день неотличим от другого?.. А пока я размышляла, леди Сассия выпустила мою руку и отошла в сторону.

Я взглянула на нее – вновь холодную и невозмутимую – и вдруг разозлилась. «Да она попросту воспользовалась мною!» – мелькнула неприятная догадка, однако уже через мгновение вся моя злость испарилась. Не важно, какой способ выбирает Провидение, твое дело – смотреть внимательно, не позволяя гневу застять твой взор. В аббатство приедут двенадцать невест, а поутру отсюда уедут тринадцать... Что ж, да будет так.

Как это устроить? Я много знала об аббатстве и его обитателях и могла бы в ближайшие часы узнать еще больше, на что-то ведь даны мне глаза и уши.

2

Невесты: двенадцать и одна

Я быстро шагала по темному, холодному коридору. Настенные лампы почти не давали света, но я так хорошо знала все местные закоулки, что могла бы пройти здесь хоть с закрытыми глазами. Массивная дверь зала собраний была заперта – почтенные дамы давно разошлись по кельям, расположенным в крыле аббатства, куда не было доступа гостям.

Гости... Лорд Имгри, предводитель этой компании, оказался человеком с суровым, жестким лицом; в его аккуратно подстриженной бороде и на висках уже серебрилась седина. При одном взгляде на него становилось ясно, что он безжалостен, глух к мольбам и уступит лишь в случае, если это обещает хорошую выгоду.

С ним были трое мужчин, тоже благородного, но не столь высокого происхождения. Солдаты, беспрекословно выполняющие свой долг, однако было заметно, что им это не по душе. Остальная часть отряда разместилась в деревне.

И конечно же, невесты. До этой поры мне доводилось видеть невест лишь на деревенских свадьбах, на которые меня брала с собой почтенная дама Алусан, в чьи обязанности входило благословлять союз влюбленных. Это были сплошь веселые, улыбающиеся лица, а если кто и плакал, то лишь от счастья.

Однако невесты, которых я встретила сегодня, не улыбались и не выглядели счастливыми. Все они были одеты одинаково: юбка для верховой езды, теплый плащ, под ним – еще один, короткий, с вышитым фамильным гербом, – и ни малейшего намека на праздничный наряд.

Говорят, все невесты в день свадьбы прекрасны. Что ж, две или три девушки отличались особенной красотой – они говорили нарочито громко, глаза их блестели, а на щеках играл лихорадочный румянец. Однако остальные сидели тихо, как мышки, пряча заплаканные глаза.

Я слышала, как леди Толфана прошептала на ухо соседке:

– Хорошенькая? Не то слово. Леди Гралия теперь вздохнет свободно. Ходят слухи, ее любовник лорд Джеррет – тот, что ни одной юбки не пропустит, – начал засматриваться на ее сестричку.

Килдас была одной из тех девушек, что говорили без умолку. Ее каштановые волосы в свете ламп отливали бронзой; природа наградила ее миловидным личиком, пухлыми губками и прекрасной фигурой, очертания которой угадывались даже под теплым плащом. Этого оказалось достаточно, чтобы разжечь страсть развратного лорда Джеррета и отправить Килдас подальше от отчего дома. Рядом с нею сидела бледная, худенькая девушка. Вышивка на ее накидке была истинным произведением искусства, но сам наряд уже выцвел и пообтрепался, и было ясно, что достался он ей с чужого плеча. Веки ее покраснели и припухли, она почти ничего не ела, зато часто припадала губами к своему бокалу.

Как же ее звали? Алианна? Нет, Алианна – это миниатюрная девушка, сидевшая в дальнем конце зала. Ну конечно, Солфинна! Если Килдас была одета как королева – по-видимому, таким образом родственники попытались заглушить муки совести, – то наряд Солфинны поражал убожеством. Она происходила из древнего, но обнищавшего рода и согласилась стать невестой в обмен на обещание лордов взять под защиту ее семью.

Пусть не все девушки могли похвастать особой красотой, как Килдас, ни одну из них бы не назвала дурнушкой. Что бы там ни говорила Сассия, каждая из невест была по-своему очаровательна. Кажется, лорды Высшего Холлака честно выполнили свою часть договора. Увы, самих невест этот факт не делал счастливее, ну да в Холлаке браки между древними домами редко заключались по любви – в первую очередь это были союзы, обещавшие выгоду обеим

сторонам. А потому как знать: может, судьба, уготованная этим девушкам, была ничуть не хуже той, что ожидала бы их на родине?

Так я и думала, пока не увидела Мэрим. От ее былой веселости не осталось и следа. Она сидела неподвижно, словно птичка, парализованная взглядом змеи. Время от времени она смотрела на лорда Имгри, но, стоило ему повернуть голову в ее сторону, тут же отводила глаза. Сначала я подумала, что он рассказал ей правду, но быстро отбросила эту мысль: Мэрим никогда не славилась умением держать себя в руках. Если уж она способна из-за ничтожного пустяка устроить истерику, страшно предположить, что нас ждет, когда дядюшка сообщит ей о своем намерении.

Когда это мрачное торжество подошло к концу, я схватила первую попавшуюся шаль – искать свою означало бы привлечь к себе ненужное внимание – и быстро выскользнула из зала. Шаль была не серой, как моя, а бледно-зеленого цвета, но я рассудила, что в темноте меня все равно никто не заметит.

Оказавшись на улице, я бросилась бежать через сад к мастерской. Снег падал с неба огромными хлопьями – еще один добрый знак! В мастерской, которая еще не простыла, по-прежнему витали упоительные ароматы. Я не стала терять времени даром и принялась за дело.

Не зажигая лампу, я сняла с крюка одну из сумок с многочисленными кармашками внутри и осторожно двинулась вглубь комнаты. За бессчетные часы, проведенные в мастерской за работой, я изучила здесь каждый уголок и потому, пробираясь сейчас на ощупь между шкафами, сундуками и столиками, даже ни разу не споткнулась. Я двигалась очень медленно, по пути рассовывая по кармашкам пузырьки, склянки и коробочки, пока наконец в моей сумке не оказалась полная коллекция снадобий, которыми почтенная дама Алусан снабжала военные отряды, скрывающиеся в горах. После этого я направилась к шкафу у дальней стены. Дверцы его были заперты на наборный замок, шифр которого мне, верной и надежной помощнице, был давным-давно известен. Пробежав пальцами по ряду стеклянных бутылок, я отсчитала нужное количество и, остановившись на нужной, вынула пробку и принялась.

Ноздри защекотал слабый кислый аромат, похожий на запах яблочного уксуса, и я поняла, что не ошиблась. Наполнить крошечную баночку содержимым громоздкой увесистой посуды было сейчас задачей невыполнимой, поэтому я крепко зажала бутылку под мышкой и заперла шкаф.

Вполне могло случиться так, что почтенная дама Алусан решила бы проверить мастерскую перед сном, а потому всю дорогу до своей комнаты я озиралась по сторонам, опасаясь разоблачения. И все же в глубине души я твердо знала, что сегодня удача всецело на моей стороне!

Моя спальня находилась как раз между кельями почтенных дам и покоями, отведенными для гостей. Из-под некоторых дверей пробивалась тусклая полоска света, но в самом коридоре, едва освещенном одной-единственной лампой, не было ни души. Я тихонько пробралась к себе и наконец выдохнула: получилось! Однако медлить было нельзя.

Я зажгла лампу и поставила тяжелую бутылку на стол, где уже стоял поднос с рюмкой для микстур и ложкой. Потом наполнила содержимым бутылки маленький стеклянный пузырек, а следом капнула в него шесть капель нужного мне зелья. Затаив дыхание, я смотрела, как темные капли растворяются в прозрачной жидкости, пока наконец снадобье не приобрело равномерный зеленоватый цвет.

Теперь оставалось лишь ждать. Говоря откровенно, меня поражала собственная самоуверенность. Что, если мои многолетние попытки подавить в себе Силу – если можно так назвать мои странные способности – увенчались успехом и я попросту заблуждаюсь?.. Я подошла к узкому окну. Горстка дрожащих огоньков указывала на таверну, где расположились на ночлег люди лорда Имгри, а дальше простиралась тьма – через весь Норсдейл до пустошей, куда завтра

отправятся невесты, до Димдейла и Кастербрука, до самого Воронова ущелья и еще дальше, до неведомых нам земель...

В то же время я напряженно вслушивалась в тишину, пытаюсь уловить хоть какой-нибудь звук, однако не слышала ничего, кроме бешеных ударов собственного сердца.

И вдруг из-за двери, которую я нарочно оставила приоткрытой, до меня донесся шелест ткани и легкий стук каблуков. Первым моим порывом было броситься к двери и распахнуть ее настежь, но я совладала с собой. Наконец кто-то тихо царапнул ногтями по дереву – и только после этого неспешными шагами я отправилась открывать.

Конечно же, на пороге стояла леди Сассия. Казалось, она тоже ничуть не удивилась, застав меня в полной готовности.

– Мэрим нужна помощь лекаря, Гиллан.

Ее взгляд скользнул по комнате и остановился на подносе. Сассия едва заметно улыбнулась, снова посмотрела на меня и кивнула.

– Удачи тебе, – тихо произнесла она.

И мы обе знали, что говорит она вовсе не о помощи Мэрим.

Через минуту я стояла у покоев Мэрим с подносом в руках. Дверь была приоткрыта, и я услышала разговор. Один из собеседников говорил так тихо, что слов я разобрать не смогла, однако от самого звука этого голоса я застыла на месте. Уверенность, подпитывавшая мои силы весь этот вечер, вмиг испарилась.

Аббатиса Юлианна!

Управлять любым аббатством – трудная задача, требующая ума, проницательности и силы характера. И все это с избытком имелось у аббатисы Юлианны, что делало ее грозным противником. Такого поворота я не ожидала, но отступать было поздно.

– ...Глупые девичьи страхи, вот что это такое...

– Да, госпожа аббатиса, я с вами согласен. Мы отправляемся на рассвете, и она поедет с нами, как и было условлено. И потрудитесь избавить нас от этих оглушительных воплей. Насколько мне известно, среди вас есть недурные лекари – так пусть дадут ей какого-нибудь зелья, чтобы успокоилась. А если не поможет – поедет завтра привязанная к седлу и с кляпом во рту. Наши союзники получат то, что им обещано.

Лорд Имгри говорил холодным, властным тоном человека, привыкшего к тому, что его воля – закон для всех и каждого. Но не такова была аббатиса, чтобы уступить ему без боя.

– Мой лорд, целителей среди нас нет. Увезете ее отсюда силой – и по дороге бедняжка окончательно сойдет с ума от страха. Неужто вы хотите, чтобы...

– Полноте, аббатиса, вы сгущаете краски. Она испугана, потому что наслушалась всяких небылиц – только и всего. Свои глупые прихоти пусть оставит при себе, ее судьба – составить выгодную партию, здесь или где бы то ни было еще. Через три дня наши союзники ожидают тринадцать невест. И они их получают, всех до одной.

Воспользовавшись наступившей тишиной, я постучала. Раздался чей-то возглас, потом дверь отворилась, и передо мной возник лорд Имгри. Я присела в глубоком реверансе.

– В чем дело?

– Леди Сассия сказала мне, здесь требуется лекарь, – спокойно произнесла я.

Я хотела услышать, что скажет на это аббатиса. Ее вуаль была слегка откинута назад, так что я хорошо видела ее лицо, но оно не выражало ровным счетом ничего. Лорд Имгри посторонился, давая мне пройти:

– Тогда входите и принимайтесь за дело... – Он осекся, не зная, как ко мне обратиться.

Ни вуали, ни чепца на мне не было, а поверх непритязательного платья я надела нарядный плащ из дорогой ткани, на котором вместо фамильного герба – откуда ему взяться у такой, как я? – красовалась сложная вышивка – творение моих собственных рук и фантазии.

Не обращая внимания на лорда Имгри, я смотрела на аббатису, сосредоточив на своем желании всю силу воли, на какую была способна. Так лучник, задумав убить предводителя вражеского войска, выпускает в него стрелу за стрелой, не видя больше никого вокруг. Вот только я задумала не обезвредить врага, а склонить его на свою сторону и, как знать, может, даже сделать своим другом.

– Она не похожа на ваших знахарок, – заявил лорд Имгри.

Я испугалась, что аббатиса с ним согласится и выгонит меня вон, но вместо этого она отступила на шаг в сторону и жестом пригласила меня приблизиться.

– Это Гиллан – помощница и ученица почтенной дамы, сведущей в целительстве. Вы забыли, мой господин, что уже пробил час Последнего света и в часовне скоро начнется ночная служба. Целительницу можно вызвать лишь в случае, если больному грозит смертельная опасность.

Лорд Имгри что-то прорычал сквозь зубы, но спорить не посмел: в этих стенах действовали свои порядки, против которых даже он был бессилён.

– А сейчас, милорд, вам лучше удалиться, – продолжала аббатиса. – Если Мэрим проснется и увидит вас, нам снова придется слушать оглушительные вопли, которые вам не по вкусу.

Лорд Имгри, однако, не двинулся с места. В его лице не было раздражения или злости, только линии у рта стали глубже и четче. Выждав несколько секунд, аббатиса снова заговорила, и на сей раз голос ее был чужим и зловещим. Мне уже доводилось слышать его раньше.

– Вы ее опекун по закону и по крови, господин. Мы хорошо знаем закон, и, пусть ваше решение нам не по душе, препятствовать вам мы не станем. Вам нечего бояться – Мэрим отсюда никуда не денется. Или вы желаете услышать от меня торжественную клятву? Наверяд ли в этом есть необходимость.

И тем не менее она произнесла эти слова с такой убедительностью, что они прозвучали как самая настоящая клятва. Лорд Имгри, которого пронизательность аббатисы застала врасплох, выглядел слегка сконфуженным.

– Дочь моя. – Аббатиса посмотрела мне в глаза. Если она и догадалась, для чего я здесь, то не подала виду. – Делай свое дело. И если понадобится – посиди у ее постели всю ночь.

Я присела в реверансе и поклонилась ей – с большим почтением, чем до этого своему господину. Она направилась к двери, и лорд Имгри, до этого стоявший на пороге, не зная, на что решиться, наконец вышел из комнаты. Аббатиса последовала за ним, захлопнув за собой дверь.

Мэрим застонала. Лицо ее горело, как в лихорадке, дышала она тяжело, урывками. Я поставила поднос на стол, с помощью мерной ложечки наполнила рюмку и, взяв ее в руку, остановилась. После того, что я сделаю, назад пути не будет: либо мой план увенчается успехом, либо меня разоблачат и накажут – сурово накажут... Ну да прочь сомнения! Обняв Мэрим за плечи, я приподняла ее с подушек. Глаза ее были приоткрыты, она что-то пробормотала, но я не поняла ни слова. Я поднесла рюмку к ее губам, и Мэрим безропотно проглотила содержимое.

– Умница.

Я обернулась – и увидела Сассию. Дверь за ее спиной была плотно закрыта. Сассия шагнула ко мне:

– Тебе понадобится союзник.

Это я и сама знала, вот только зачем...

– Зачем мне это, Гиллан? – закончила мою мысль Сассия. – Во-первых, мне не безразлична судьба этой наивной пташки. – Она подошла к изножью кровати и взглянула на Мэрим. – Такие, как она, боятся вылетать в большой мир, уверенные, что первый же порыв ветра переломает им крылышки. А вот мы... мы с тобой птицы совсем другой породы...

Я снова уложила Мэрим на подушки и поднялась с кровати, держа в пальцах опустевшую рюмку. К моему большому облегчению, рука у меня не дрожала.

– А во-вторых, Гиллан, я знаю тебя намного лучше, чем ты думаешь. Норстед для тебя хуже тюрьмы. Останешься здесь – и...

– ...покроюсь вековечной пылью, как и эти стены, – невольно сорвалось с моих губ.

Я не осознавала, что говорю вслух, пока не услышала тихий смешок Сассии.

– Вернее и не скажешь.

– Но, госпожа, почему вас так заботит моя судьба?

Она нахмурилась:

– Не знаю, Гиллан. Мы с тобой никогда не были близки, но отчего-то именно тебе я хочу помочь. Ты выбрала опасный путь. Я поступила бы точно так же, будь на то моя воля.

– Неужели?

Она улыбнулась:

– Я тебя удивила?

По правде говоря, ничуть. Я тут же представила себе, как Сассия, не проронив ни слезинки, садится в седло, готовая без раздумий расстаться с привычной жизнью и отправиться навстречу неведомому.

– Мы с тобой одного поля ягоды, – сказала Сассия. – Жизнь в аббатстве не для тебя, а раз уж в Высшем Холлаке у тебя больше ничего нет...

– Ничто не мешает мне с легким сердцем уехать отсюда и выйти замуж за колдуна-оборотня?

– Точно, – снова улыбнулась Сассия. – Я так тебе завидую. Ты представь только, какое славное приключение тебя ждет!

В этом она была права.

– А теперь к делу, – сказала она поспешно. – Сколько продлится действие зелья? И каков твой план?

– Это снотворное. Чуть позже я дам ей еще. Она проспит сутки, может, дольше, а когда проснется – будет спокойна и полна сил.

– Но если она останется здесь... – Сассия с задумчивым видом прижала палец к губам.

– Ее обнаружат и сразу заподозрят неладное. Поэтому я уведу ее к себе – сразу же, как пробьет час Великого молчания.

Сассия кивнула:

– Отлично придумано. Ты выше, чем Мэрим, но в утренних сумерках этого никто не заметит. Наденешь ее плащ, а на лицо опустишь вуаль. Наверяд ли лорд Имгри станет требовать, чтобы ты выставила на всеобщее обозрение заплаканное лицо. Однако у дверей часовни будет ждать аббатиса, чтобы благословить невест...

– В темноте она меня не узнает, а если снегопад не прекратится, то и подавно. Ничего не попишешь – иногда приходится уповать на счастливый случай.

– Пусть так, – согласилась она. – Но все, что в моей власти, я исполню сама, не дожидаясь милости судьбы!

Уложив Мэрим на кровать в своей спальне, я принялась облачаться в наряд, который принесла мне Сассия. Теплое белье, платье для верховой езды из нежнейшей серебристо-серой ткани, плащ в тон и, наконец, накидка с гербом: алый с золотом гиппогриф, гарцующий над зелено-голубой вздыбленной полосой моря.

Волосы я заплела в тугую косу, сверху накинула вуаль, так чтобы она падала на лицо, и капюшон.

– Меня бы тебе провести не удалось, – подвела итог моим стараниям Сассия. – По счастью, лорд Имгри с племянницей едва знаком, не говоря уже о его свите и невестах. Запомни: ты ничем не должна выдать себя, пока вы не преодолеете большую часть пути. Когда обман

раскроется, лорд Имгри не посмеет повернуть назад – у него не останется на это времени. Не бойся, он не причинит тебе вреда: он обещал Всадникам тринадцать невест и от обещания своего не отступится.

Я вздрогнула, представив себе, чем может обернуться для меня гнев лорда Имгри, однако ничем не выдала Сассии своего страха.

– Желаю тебе удачи, Гиллан.

– Спасибо, она мне понадобится, – отрывисто поблагодарила я и подняла с пола сумку со снадобьями.

Я знала, что все делаю правильно, и, даже будь у меня такая возможность, ни за какие блага не отказалась бы от задуманного.

Остаток ночи я провела в спальне Мэрим. Поспать мне удалось совсем немного, но благодаря снадобью – одному из тех, которыми была полна моя сумка, – я чувствовала себя бодрой и отдохнувшей.

Когда в дверь постучали, я закрыла лицо вуалью и взяла плащ. Я ждала.

– Готова? – прошептала Сассия.

Я вышла в коридор. Сассия обхватила меня рукой за плечи, словно утешая, и мы направились в каминный зал. Шла я дрожа и пошатываясь, как и полагается человеку, убитому горем. В зале для нас были приготовлены лепешки и горячее питье, и, побуждаемая заботливыми уговорами Сассии, я съела больше, чем собиралась. Сассия тем временем шепотом поведала мне, что убедила подружек Мэрим не заговаривать с нею, ибо их сочувствие может запросто вызвать у бедняжки очередной приступ истерики. А поскольку вчерашний срыв Мэрим не был ни для кого секретом, все девушки единодушно послушались совета Сассии.

После завтрака ко мне подошел лорд Имгри, до сего момента старательно меня избегавший. Склонившись, чтобы казаться ниже, и тихонько плача, я последовала за ним на улицу, где меня ждало последнее испытание – благословение аббатисы. Я встала перед Юлианной на колени, подняла вуаль, подставив лоб для поцелуя, и в ужасе замерла, приготовившись к худшему. Однако аббатиса даже не изменилась в лице: она наклонилась, коснулась губами моего лба и произнесла:

– Ступай с миром, дочь моя.

И слова эти – я знала точно! – предназначались вовсе не Мэрим.

Когда аббатиса благословила последнюю из нас, лорд Имгри помог мне сесть в седло, и несколько минут спустя ворота Норстеда, в котором я провела почти десять лет своей жизни, захлопнулись за мной навсегда.

3

Глотка ястреба

С первых дней весны до поздней осени пологие холмы Норсдейла были застланы густым ковром из травы и цветов, а кусты и деревья радовали глаз нарядным одеянием. Теперь же это была заснеженная пустыня, суровая и неприятная, которую, словно черные шрамы, пересекали узкие полосы леса.

Ближе к Хэрроудейлу дорога сузилась. Освоение этих девственных земель началось давно, еще до войны: целые семьи устремлялись на север в поисках лучшей доли и оседали в этом благодатном краю. Но грянула война, и широкие дороги, по которым некогда проезжали бесчисленные повозки, груженные товарами и домашним скарбом, превратились в узкие, заросшие бурьяном тропы.

По пути мы хранили молчание. Лошадки наши были невзрачны и неуклюжи, не чета боевым лошадям лорда Имгри, однако необычайно выносливы. Сначала мы ехали компаниями по три-четыре человека – один-два сопровождающих на каждую пару невест, – но вскоре дорога сузилась настолько, что проехать по ней можно было лишь по одному.

Долго-долго сидела я в седле ни жива ни мертва, думая о том, что за спиной вот-вот раздастся топот копыт и нас нагонит всадник, высланный за мной из аббатства, объявит меня лгуньей и мошенницей и с позором увезет назад... Но почему аббатиса сразу меня не разоблачила? Неужели Мэрим ей так дорога, что она сама готова пойти на обман ради своей любимицы? А может, Юлианна не стала мне мешать, потому что была рада от меня избавиться? Вероятность того, что мы повернем назад, уменьшалась с каждым часом. Лорд Имгри уже дважды за утро советовался с нашим молчаливым проводником, и, стоило нам выбраться на более-менее ровный участок дороги, он тут же подгонял лошадь, побуждая и нас ускорить шаг. Я не представляла, как долго продлится наше путешествие, знала лишь, что место, где нас ждут, находится на границе с пустошами и само по себе столь примечательно, что не узнать его невозможно.

Дорога, петляя между редкими фермами Хэрроудейла, вела нас все дальше в горы. По пути нам не встретилось ни птицы, ни зверя, не говоря уж о человеке. В это неласковое время года люди редко выходят из домов: женщины коротают дни за рукоделием, мужчины – за делами, какие их душе угодны.

По крутому склону мы спустились в Хокердейл. Лорд Имгри с проводником остановились у пограничного поста, чтобы переговорить с несущими службу стражниками. Во время этой краткой передышки со мной поравнялась одна из невест.

– Долго еще они будут нас мучить? – спросила она, очевидно желая, чтобы ее слова достигли слуха лорда Имгри.

– Не думаю, – тихо ответила я.

Она нетерпеливо дернула за край вуали, и капюшон сполз назад, открыв мне ее лицо. Это была Килдас, о которой столь нелестно отзывалась вчера Толфана, но сейчас от ее цветущего вида не осталось и следа. Лицо ее выглядело увядшим, под глазами цвета морской волны пролегли черные тени, а вокруг пухлого рта собрались мелкие морщинки.

– Все-таки он тебя вынудил. – Килдас кивнула в сторону лорда Имгри. – Почему же ты за всю дорогу ни звука не проронила? Он что, так тебя запугал? Еще вчера ты клялась, что никуда не поедешь, а сейчас...

В ее голосе не было сострадания, одно лишь любопытство, будто, наблюдая за чужим горем, она меньше ощущала свое собственное.

– Ночью я все хорошо обдумала, – уклончиво ответила я.

Она рассмеялась:

– Видимо, даже чересчур хорошо: вчера твои крики слышали во всей деревне, а сегодня ты само спокойствие. Неужто смирилась с тем, что придется выйти за колдуна?

– А ты? – рассеянно спросила я.

Да уж, истерику, которую устроила вчера Мэрим, запомнят надолго, но меня это уже не касается – я не Мэрим, притворяюсь плохо и скоро наверняка себя выдам. Лорд Имгри пока не заметил подмены потому, что сейчас его заботит лишь одно – вовремя доставить невест к месту встречи, но скоро он поймет, что его одурачили, – и что тогда? Остается уповать лишь на его благоразумие, ведь без меня Великой Сделки не состоится...

– Я?

Голос Килдас вывел меня из задумчивости.

– Мне, как и всем нам, выбирать не пришлось. Но если эти Всадники похожи на наших мужчин – мне нечего бояться! – Она горделиво вскинула голову, прекрасно осознавая силу оружия, которым наградила ее природа. – Я знаю: от того, кто ждет меня, я не увижу зла!

– Какие они, эти Всадники? Тебе доводилось их видеть?

До сего момента все мои мысли крутились вокруг моего побега, и я не предпринимала никаких попыток выяснить, что за будущее мне уготовано. Пришла пора это исправлять.

– Видеть? – Килдас начала со второго вопроса. – Нет. В Долины они спускались лишь для очередного набега на войско Алисона, и то приходили только по ночам и никогда при свете дня. Какие они? Нам они являлись в человеческом обличье. А еще у них есть необыкновенная Сила... – Она осеклась и снова несколько раз дернула за вуаль, закрывавшую горло, словно пытаясь ослабить стянувший ее невидимый шнур. – Это все, что мне известно.

Слева от себя я услышала судорожный вздох, похожий на сдавленное рыдание. Оказывается, я и не заметила, как к нам присоединилась еще одна девушка, в наряде столь жалком, что рядом с блистательной Килдас она могла бы сойти за нищенку. Это была Солфинна.

– Хватит рыдать, Солфинна, – фыркнула Килдас. – Ты ничего не изменишь, можешь хоть ослепнуть от слез.

Солфинна пошатнулась в седле, будто ее хлестнули кнутом.

– Но ты едешь туда по своей воле, и потому ты достойнее всех нас, – мягко произнесла Килдас, по-видимому устыдившись собственной жестокости. – А коль уж ты веришь в силу молитвы, поверь и в то, что рано или поздно будешь вознаграждена за свою жертву.

– Так ты сама вызвалась? – спросила я.

– Я хотела... спасти семью. – Солфинна перевела дух, а когда вновь заговорила, голос ее звучал твердо. – Ты права, Килдас. Плакать от страха, исполняя то, что считаешь правильным, – значит отречься от всего, во что веришь. И все же много бы я отдала, чтобы хоть на день вернуться в Уоскот-Кип и увидеть мать и сестер. Увы, этому уже никогда не бывать.

– Но, выйди ты замуж за какого-нибудь лорда или капитана из южных Долин, ты бы тоже не вернулась, – тихо сказала Килдас.

– Я это знаю, – быстро ответила Солфинна. – Мы не выбираем себе мужей – такова наша судьба, из века в век. Радует одно: те, кого я больше никогда не увижу, больше ни в чем не будут нуждаться. И все же эти Всадники меня пугают...

– Но что, если взглянуть на это с другой стороны? – предложила я. – Сама подумай: они так отчаянно нуждались в женах, что даже согласились ввязаться в войну, лишь бы их заполучить. А если в твоих руках оказывается сокровище, ради которого ты рисковал своей жизнью, ты наверняка будешь беречь его как зеницу ока.

Солфинна уставилась на меня, усиленно сжимая и разжимая покрасневшие веки, словно прогоняя застывшую глаза пелену. Килдас тихонько вскрикнула и подъехала ближе:

– Кто ты такая? – Она не спрашивала, а требовала ответа. – Ты не та подвывающая от страха девица, которую вчера силком уволокли в ее спальню!

Я решила, что притворяться перед ними мне незачем, да и бóльшая часть пути уже позади – лорд Имгри ни за что не повернет назад.

– Ты права. Я не Мэрим...

– А кто же? – продолжала настаивать Килдас, тогда как Солфинна смотрела на меня круглыми от изумления глазами.

– Меня зовут Гиллан, в Норстед я провела почти десять лет. Семьи у меня нет, и здесь я по своей воле.

– Но какой тебе от этого прок? – удивилась Солфинна.

– Есть кое-что и похуже, чем неизвестность.

– И что же? – спросила Килдас.

– Будущее, которое известно слишком хорошо.

Солфинна в ужасе отпрянула:

– Так ты совершила преступление...

– Не бойся, – засмеялась я. – Я бегу не от правосудия, а от жалкой жизни. Какая судьба была мне уготована, останься я в аббатстве? Стать послушницей? Но это не по мне, не таков мой характер. Мучительно тянулись бы мои дни, неотличимые один от другого, и до самого их конца я чувствовала бы себя несчастной узницей.

Килдас качнула головой:

– Да, думаю, так бы оно и было. Но что случится, когда он, – Килдас кивнула в сторону лорда Имгри, – узнает правду? Ты спутала ему все карты, а он не из тех, кто легко прощает подобное нахальство.

– Не сомневаюсь. Но время у него на исходе: он уже не сможет вернуться в Норстед за новой невестой, а дать Всадникам двенадцать девушек вместо тринадцати ему не позволит честь.

– А ты молодец, все просчитала! – рассмеялась Килдас.

– Тебя что же, совсем не страшат эти дикари? – спросила Солфинна.

– Я не боюсь того, что еще не случилось. Бессмысленно думать о тенях на вершине горы, пока ты стоишь у ее подножия, – храбро ответила я.

И пусть храбрость эта была напускной, я не призналась бы в этом даже самой себе.

– Отлично сказано, – похвалила меня Килдас, хотя голос ее прозвучал скорее насмешливо, чем одобрительно. – Пусть это правило и дальше бережет тебя от невзгод, сестра по несчастью... Ну надо же, кажется, нам все-таки позволят отдохнуть.

По приказу лорда Имгри его люди спешили и направились к нам, чтобы проводить нас в сторожевую башню. Внутри мы сгрудились у камина, подставляя ладони к огню; кто-то ходил по комнате, потягиваясь и разминая онемевшие ноги. Мы с Килдас и Солфинной стояли поодаль от всех, прихлебывая из кружек предложенный нам горячий суп. Я, как и всегда, старательно избегала лорда Имгри, а он, уверенный, по-видимому, в том, что племянница ненавидит его, считая единственным виновником своего нынешнего горестного положения, тоже держался в стороне от меня.

Мы еще не покончили с обедом – слишком громкое слово для столь скромной еды, – как лорд Имгри объявил:

– Снегопад в горах прекратился, пора ехать. У Глотки ястреба мы должны быть ровно через сутки, поэтому до крепости Кроф нужно добраться еще до заката.

По залу пробежал недовольный ропот, но открыто спорить с лордом Имгри никто не осмелился. Название Глотка ястреба мне ни о чем не говорило, наверное, это и была конечная цель нашего путешествия.

Когда мы прибыли в Кроф – военную крепость, которая теперь почти пустовала, – нам предоставили отдельную комнату, где нас ждали те же «удобства», которыми когда-то доволь-

становались защищавшие этот форт солдаты, – набитые соломой матрасы, лежавшие на голом полу.

Совершенно разбитая, я тут же провалилась в глубокий сон без сновидений. Среди ночи я резко проснулась, уверенная, что кто-то меня зовет, – кажется, это почтенная дама Алу-сан приказывала мне сделать что-то важное. Ощущение было столь реальным, что несколько секунд я оглядывалась по сторонам, не понимая, где нахожусь.

Усталости больше не было. Я ощущала лишь беспокойство, тревожное ожидание, какое охватывает человека всякий раз накануне решающей перемены в его жизни.

Проснулась и та глубинная часть моей души, которую я давно смутно осознавала и научилась не бояться, – мой Дар. В кои-то веки я не стала противиться ему, и все мое естество охватило радостное возбуждение – как после глотка крепкой травяной настойки, дарующего долгожданную бодрость телу и смелость духу.

Жажда вырваться из этих стен на свежий воздух, я тихонько встала и облачилась в еще не просохшую одежду. Поеживаясь от неприятного холодка, я крадучись направилась к двери.

Килдас, спавшая на матрасе рядом со мной, шевельнулась во сне и что-то пробормотала, – кажется, это было чье-то имя. За дверью слышалась тяжелая поступь стражника. Дождавшись, когда шаги удалятся, я приоткрыла дверь и выскользнула в коридор. В это же мгновение стражник, дошагав до конечной точки своего пути, начал разворачиваться. Еще доля секунды – и он меня заметит! И тут я, повинуясь едва осознаваемому порыву, впились в него немигающим взглядом, отчаянно желая, чтобы он меня не увидел...

И он не увидел! Я юркнула в боковой коридор и прислонилась к каменной стене. Обесилевшая, не смея до конца поверить в случившееся, я с наслаждением смаковала это новое для себя ощущение – смесь удивления, восторга и триумфа. Потом я поднялась по лестнице и очутилась на открытой террасе. Небо было затянуто рваными облаками, сквозь которые просачивался серебристый лунный свет. В лицо мне дул свежий ветер, навевавший мысли о далеких землях, диких и свободных. Вот только я больше не чувствовала ни восторга, ни радостного предвкушения, погнавших меня сюда, – лишь пронизывающий холод, от которого наброшенный на плечи плащ ничуть не спасал. Я поежилась на ветру и попятилась к двери.

– Что ты здесь делаешь?

Я не могла бы спутать этот голос ни с чьим другим. По непостижимой воле случая лорду Имгри сегодня тоже не спалось.

– Хотела подышать свежим воздухом... – выпалила я первое, что пришло в голову.

Обернувшись, я заслонила глаза рукой, потому что он направил на меня ослепительный свет ручной лампы. Очевидно, он рассмотрел герб на плаще, потому что его рука метнулась вперед и схватила меня за плечо с карающей силой, притягивая ближе к себе.

– Глупая, глупая девчонка! – В стальном голосе на сей раз проскользнули нотки тревоги.

Отчего-то это придало мне уверенности. Я убрала руку от лица и смело взглянула ему в глаза.

– Ты не Мэрим. – Не отпуская меня, он поднес лампу ближе. – Тебя вообще не было среди невест. Кто ты такая?

Его пальцы, словно стальные когти, впились в мою плоть, и я едва сдержалась, чтобы не взвыть от боли.

– Я одна из них, господин. Я Гиллан из Норстеда...

– Так эти мерзкие ведьмы меня обманули...

– Все нет, господин. – Я не стала высвобождаться из его железной хватки – это было бесполезно, – но, как могла, расправила плечи. Думаю, он никак не ожидал, что я стану ему перечить, потому на мгновение замешкался. – Они здесь ни при чем. Я все сделала сама...

– Ты? Да что ты о себе возомнила? Ты горько пожалеешь о содеянном.

Я снова призвала на помощь всю свою волю. Не для того, чтобы заставить этого человека, подобно тому стражнику, подчиниться моему желанию (я знала, что на сей раз у меня ничего не выйдет), но для того, чтобы защитить себя.

– Время для сожалений уже прошло. Или еще не наступило. – Я тщательно выбирала слова, стремясь завладеть его вниманием. – Однако в любом случае, господин, сейчас оно не на вашей стороне. Задумаете повернуть назад или отослать меня в Норстед с кем-то из ваших людей – и позора вам не избежать. В Глотке ястреба ждут невест – и их должно быть ровно тринадцать.

Лорд Имгри с силой тряхнул меня, а потом отшвырнул от себя с такой легкостью, будто я была не тяжелее тряпичной куклы. Я упала на колени в снег, у самого парапета. Думаю, если бы я перелетела через край и исчезла в пропасти, лорд Имгри не стал бы возражать против такого исхода.

Я поднялась на ноги. Пусть я была до смерти напугана, тело мое сотрясала дрожь, а плечо пылало от боли, я вскинула голову и встретила взглядом с лордом Имгри:

– Мой господин, вы обязались предоставить одну из невест. Вот она я. И если потребуется, я присягну, что оказалась здесь по вашей воле. Мэрим же, эта необычайная красавица, остается у вас, и рано или поздно вы подыщете ей удачную партию. Так неужто вы считаете, что и правда понесли урон?

Лорд Имгри тяжело дышал, словно человек, долго преследуемый неприятелем и наконец загнанный в угол. Однако я не ошиблась: он был из тех людей, кто умеет забыть об унижении и обуздать эмоции, если они мешают осуществлению его планов. Высоко держа лампу, он не спеша направился ко мне. Я знала, что самое страшное позади и лорд Имгри уже раздумывает над моими словами.

– Так, значит, Гиллан. – Мое имя из его уст прозвучало грубо и мрачно. – Но можешь ли ты быть невестой?

– Я девственница, мой господин, и мне навряд ли больше двадцати лет. Я была пленницей Алисона. Лорд Фурло из Тэнтоба освободил меня и взял к себе на воспитание. Он полагал, что Гончие оставили меня в живых неслучайно. Возможно, причиной тому было мое благородное происхождение.

Лорд Имгри тем временем нахально разглядывал меня с головы до ног. Это было гадко и непристойно, и он это прекрасно сознавал. Думаю, о том, что внутри у меня все кипит от гнева, он тоже догадывался. Впрочем, навряд ли мои переживания были хоть сколько-нибудь ему интересны.

– Ты права – время не ждет. Они получают тринадцать невест. Готовься, девочка: все может обернуться вовсе не так, как ты надеялась.

– Тот, кто ничего не ожидает, не ведает разочарования, – резко ответила я.

По его лицу пробежала легкая тень.

– Откуда Гончие взяли тебя? – Впервые в его голосе прозвучал интерес ко мне как к личности, а не безликой пешке в его игре.

– Этого я не знаю. Я помню лишь, как плыла на каком-то корабле, его бросало на волнах, словно щепку. Помню порт, где нашел меня лорд Фурло. Больше ничего.

Это была чистая правда.

– Гончие ведут войну и за морем. Эсткарп! – Последнее слово он произнес резко и громко, словно желая увидеть мою реакцию, может, даже уличить меня во лжи.

– Эсткарп? Это враги Алисона? – предположила я, поскольку понятия не имела, что означает это слово.

Лорд Имгри пожал плечами:

– Так говорят. Но сейчас это не имеет значения. Ты сделала свой выбор и исполнишь то, что должна.

– Большого я и не прошу, мой господин.

Зловеще ухмыльнувшись, он отвел меня назад в спальню. Втолкнув меня внутрь, он приказал стражнику ни на шаг не отходить от двери. Я пробралась к своему матрасу и легла. То, чего я страшилась больше всего, позади, теперь можно поразмышлять и о другом... Теперь я думала о том, кто будет ждать меня у Глотки ястреба.

Живя в аббатстве, я видела мужчин очень редко, лишь когда родственники мужского пола наносили визит девушкам, нашедшим здесь временное убежище, – да и то издалека, поскольку во время таких визитов я, как и почтенные дамы, не выходила из своей комнаты. Поэтому о мужчинах я не знала ровным счетом ничего, что, впрочем, было обычным делом и среди благородных девиц.

В сознании каждой девушки смутно маячит мысль о замужестве, но чаще всего оно кажется делом слишком уж отдаленного будущего. Бывает, однако, и так, что судьба девицы решается чуть ли не с детства, и тогда, слушая разговоры о предстоящем ей выгодном союзе, она узнает о замужестве намного больше сверстниц. Можно смело сказать, что я в нашей компании была самой несведущей, ведь почтенные дамы, среди которых я воспитывалась, были бесконечно далеки от этого вопроса. Поэтому, когда я пыталась нарисовать себе, что меня ожидает, мне было совершенно не на что опереться. Страхом невест я не разделяла, ибо и обычные мужчины, и Всадники были для меня выходцами из одного и того же непостижимого племени. Оставалось лишь следовать собственному совету: не бояться того, что еще не наступило.

Поутру мы тронулись в путь. Лорд Имгри не обронил ни слова о том, что произошло между нами ночью. Я снова тщательно укрыла лицо вуалью, чтобы не вызвать подозрений среди девушек, но, думаю, все они были столь глубоко погружены в себя, в собственные надежды и страхи, что, даже не сделай я этого, никто бы не обратил на меня внимания.

Насколько мне позволяла судить моя осведомленность, мы были уже далеко за пределами Долин. Тропа, достаточно широкая, чтобы по ней могли пройти два пони в ряд, вела нас по крутому склону вниз, в мрачную, припорошенную снегом равнину. Деревья здесь были низкорослые, с кривыми стволами; кое-где сквозь тонкий слой снега щетинился кустарник, то тут, то там проглядывали пучки жухлой травы.

Через реку был перекинут мост – грубое творение рук человеческих из досок и вогнутых в дно столбов, – но на другом берегу мы не встретили никаких следов людского присутствия. Нам снова предстоял подъем, на сей раз более крутой, чем раньше. Преодолев его, мы увидели некое подобие укрытия, сложенное из камней, и яму, почерневшую от огня. Здесь мы остановились. Вскоре к нам подъехал лорд Имгри с проводником и одним из провожатых.

– Вы останетесь здесь, – объявил он.

С этими словами он развернулся и вместе со своими спутниками поскакал к видневшейся впереди расселине между двумя высокими скалами. Мы спешили. Двое оставшихся мужчин разожгли костер и выдали нам еды, однако мы были так вымотаны дальней дорогой и взволнованы, что едва к ней притронулись.

– Это и есть Глотка ястреба, – сказала Килдас, показывая рукой на расселину. – Но что-то я не вижу женихов, радостно приветствующих своих долгожданных невест.

Едва она договорила, как из расселины, разгоняя сгустившийся мрак, брызнул свет. Не желтый свет лампы и не красноватые отблески костра, а зеленоватое сияние, подобного которому мне еще никогда не доводилось видеть. На его фоне чернели три знакомые фигуры, но больше никто не появлялся.

– Да уж, – буркнула Килдас. – Гостеприимство у них явно не в чести.

– А вдруг... – пролепетала с надеждой Солфинна, – вдруг они решили...

– ...что и без невест обойдутся? И не мечтай, – жестко отрезала Килдас. Лицо ее внезапно будто постарело. – Мы не в сказке, глупо ждать счастливого конца. А напрасные надежды в итоге лишь разобьют тебе сердце.

Мы еще долго стояли у костра, с благодарностью принимая его тепло, однако вздрагивали всякий раз, как обращали взгляды на расселину, озаренную странным зеленоватым светом.

4

Дары Единорога

– Знаете, какая сегодня ночь?

Девушка, задавшая вопрос, откинула вуаль и сдвинула назад капюшон. Пряди светлых волос свободно упали на лицо. Я ее узнала: это была Алдит – прошлой ночью она спала на матрасе слева от меня.

Килдас ответила:

– Если ты о том, что сегодня последняя ночь уходящего года...

– Именно об этом. Наступает год Единорога.

– Некоторые расценят это как добрый знак, – сказала Килдас. – Ведь Единорог – хранитель дев и невинных душ.

– Сегодня ночью, – едва слышно произнесла Солфинна, – мы бы собрались в главном зале, увешанном гирляндами из плюща и остролиста. Остролистом бы украшали себя мужчины, а плющом – девушки. Вместе мы подняли бы чашу во славу грядущего года и предали бы пламени соломенного человека. Мы жгли бы благоухающие травы, чтобы уродились хлеба, а удача не обходила стороной наш дом...

Однажды мне довелось побывать на таком празднике и видеть обряды, о которых говорила Солфинна, – бесхитростные, но столь важные для тех, кто зависит от благосклонности природы. Сегодня ночью их будут справлять в каждом жилище – и в крестьянском доме, и в богатом поместье, и лишь в аббатстве не будет ни веселья, ни ритуального сожжения соломенных кукол – почтенные дамы не признают языческих традиций.

– Хотела бы я знать, похожи ли их обычаи хоть в чем-то на наши. – Голос Килдас отвлек нас от воспоминаний. – Пламени они не поклоняются – сама его природа чужда их миру. Каким богам молятся эти Всадники? А вдруг у них и вовсе нет никаких богов?

Солфинна тихонько ахнула:

– Нет богов? Но как может человек жить, не полагаясь на силу более великую, чем он сам?

Алдит презрительно рассмеялась:

– Ты судишь их по нашим меркам, но кто тебе сказал, что они люди? Глупышка, ты до сих пор ничего не поняла? Давным-давно пора забыть о доме и прошлой жизни. Тебя, как и всех нас, ждет совсем иной мир – такова уж немилосердная воля звезд.

– Почему ты убеждена, что иное непременно таит в себе зло? – спросила я ее. – Если повсюду выискивать одних лишь недругов, в конце концов начнешь шарахаться от собственной тени. Сами подумайте: если отбросить все домыслы и слухи, что нам в действительности известно о Всадниках?

Девушки наперебой принялись отвечать. Килдас, послушав этот невразумительный хор, рассмеялась:

– «Говорят»? А кто говорит? Назовите мне хоть одно имя! Нет, права наша подруга. О Всадниках мы знаем лишь то, что донесла до нас молва. На деле же мы не видели от них никакого зла, напротив, они согласились отомстить за нас нашему врагу и заключить с нами договор. Скажите мне: чем вольный странник, черноволосый и одетый в серое, отличен от белокурого Всадника в алом плаще? Ведь внутри и того и другого течет красная кровь, а в телах из одной и той же плоти обитает душа, и оба они важны для земли, которая их носит. Так почему же Всадники должны быть от нас отличны и внушать нам ужас?

– Да потому, что они не люди! – воскликнула Алдит.

– Откуда ты это знаешь? Да, они наделены Силой, которой нет у нас, но разве таланты, присущие людям, каждый разделяет в равной мере? Положим, одна из нас вышивает столь искусно, что кажется, будто цветы на ее канве источают аромат, а птички вот-вот залются

трелями; другая, стоит ей тронуть струны лютни и запеть, способна погрузить нас в сладкие грезы или глубокую тоску. Есть великое множество талантов, о которых мы даже не слышали, но означает ли это, что тот, кто владеет ими, – не человек?

Верила Килдас сама в то, что говорила, или нет, но от ее слов всем нам стало немного легче.

– Госпожа Алдит, – вступила я в их разговор, – на вашем табарде я вижу саламандру, уютно свернувшуюся среди языков пламени. Скажите, вы видели подобное существо в природе? Или, быть может, для вас и вашего дома – а также его друзей и недругов – это изображение означает нечто большее, нежели обычную горящую в огне ящерку?

– Оно означает: «Мы можем оказаться в опасности, но нас не уничтожить», – последовал быстрый заученный ответ.

– Я также вижу здесь василиска, феникса, виверну... Должна ли я заключить, что все эти создания действительно существуют? Наверяд ли. Скорее они несут в себе некое послание, идею, отразившую дух каждого из домов. И если это так, разумно предположить, что у тех, к кому мы идем, тоже есть особые символы, непонятные и пугающие для тех, кто в них не разбирается. Согласны?

Так я, воодушевившись речью Килдас, попыталась рассеять страх, сгустившийся в девичьих сердцах. Не думаю, однако, что я преуспела: свет в расселине по-прежнему не угасал, лорд Имгри со своими спутниками все не возвращался, и единственное, что оставалось этим бедным пташкам, – истязать себя мыслями и бояться еще больше.

Мы сидели на камнях вокруг костра, когда наконец вернулся один из спутников Имгри и сказал, что мы должны немедленно отправляться в Глотку ястреба. Взволнованные и испуганные, мы последовали его приказу.

Однако и там нас никто не встретил. В глубине расселины было раскинуто несколько шатров. Пол и скамьи в них были устланы звериными шкурами, а в самом большом стоял низкий длинный стол, заставленный яствами.

Мы расселись и принялись утолять голод. Хлеб с ягодами, копченое мясо, орехи в меду – наши гостеприимные хозяева устроили нам настоящий пир. Я замороженно пробежала пальцами по устилавшей скамью серебристой шкуре с темно-серыми пятнами: мех был нежен, точно шелк, наряд из такого с гордостью носила бы даже самая знатная дама.

Когда мы закончили трапезу, лорд Имгри, сидевший во главе стола, поднялся со своего места. Я вдруг почувствовала, как между нами и этим хмурым человеком выстраивается невидимая стена. Он покидает нас, мелькнула в моей голове мысль, но на сей раз она не вызвала страха, наоборот, я снова ощутила этот странный порыв – нужно куда-то бежать, что-то делать... Но куда и что – в этом я не отдавала себе отчета.

– Послушайте меня. – Голос его прозвучал слишком резко и мрачно, и все мы тут же притихли. – Завтра поутру вы услышите, как трубит горн. Это условный сигнал. Ступайте по тропе, что начинается от этого шатра, и придете к вашим мужьям...

– Но постойте... – запротестовала Солфинна. – Как же церемония, благословение Чашей и Пламенем...

Губы Имгри изогнулись в бледном подобии улыбки.

– Вы покинули мир, где чтут Чашу и Пламя, госпожа. Здесь царят другие обычаи, но брак, заключенный в соответствии с ними, столь же свят и нерушим. Итак... – Он умолк и посмотрел по очереди на каждую из нас, включая меня, впрочем на мне его взгляд остановился не дольше, чем на остальных. Потом поднял руку, в которой, отразив зеленоватый свет ламп, блеснул кубок. – Сейчас я говорю с вами как отец! Да будет благосклонна к вам судьба!

И, не дожидаясь ответа на свое отеческое благословение, лорд Имгри быстро удалился.

– Да будет так. – Я поднялась со своего места, и все двенадцать пар глаз с изумлением воззрились на меня. – Думаю, лорда Имгри мы больше не увидим.

– Так что же – нам идти к этим Всадникам в одиночку?.. – послышался чей-то ропот.

– В одиночку? – недоуменно переспросила я.

Тут мне на помощь поспешила Килдас:

– Что ты такое говоришь, глупышка? Нас тринадцать! К тому же оглянись – неужто ты считаешь, что нам оказали недостойный прием?

Она поднесла к лицу край покрывала из черного меха, в ворсинках которого, казалось, переливаются крошечные бриллианты.

Вопреки моим опасениям, брошенные на произвол судьбы невесты не взбунтовались. Поговорив немного, они начали готовиться ко сну, причем вели себя так, будто наутро их ожидала самая настоящая свадьба. Каждая была погружена в собственные мысли, и время от времени на лице то одной, то другой появлялась тень улыбки. Я же, накрывшись серебристым мехом, почти сразу погрузилась в сон.

Спала я крепко и проснулась лишь с первыми лучами солнца.

– Гиллан!

У входа в шатер стояла Килдас, и вид у нее был встревоженный.

– Взгляни на это.

Я нехотя покинула свое уютное меховое гнездышко и подошла к ней. Наши лошади исчезли, а второй шатер был пуст.

– Похоже, они испугались, что мы вздумаем бежать, – заметила я.

Килдас улыбнулась:

– Как по мне, то напрасно. А ты как думаешь, Гиллан?

Она была права: даже если бы мне посулили золотые горы за возвращение в Норстед, я и тогда не согласилась бы свернуть с избранного пути.

– Хорошо еще они не забрали с собой наши наряды, – Килдас кивнула на лежащие на земле свертки, – и нам не придется краснеть за себя перед нашими мужьями. Что ж, не будем терять время.

И, повернувшись к невестам, которые уже начали пробуждаться ото сна, воскликнула:

– Вставайте! Приветствуйте Единорога и принимайте его дары!

В пустом шатре для нас были приготовлены чаши из странного материала, с виду напоминающего рог, и кувшины с теплой ароматной водой. Мы умылись, затем разделили между собой содержимое свертков и переоделись, так что теперь каждая из нас, даже та, что покинула отчий дом в лохмотьях, выглядела как наследница знатного рода.

Мы с аппетитом позавтракали. Килдас предложила пригубить вина за удачу, и, едва мы поставили кубки на стол, вдалеке протрубил рог. Это не было сигналом к началу охоты, вовсе нет – скорее в нем слышалось дружеское приветствие и приглашение.

– Идем?

– Да, медлить нет нужды, – промолвила Килдас. – Пора нам встретиться с судьбой лицом к лицу.

Мы вышли из шатра – и очутились в облаке густого тумана. Весь мир скрылся за непроницаемой белой пеленой, лишь тропа по-прежнему была хорошо видна. Мы с Килдас пошли первыми, за нами, опустив вуали и придерживая юбки, чтобы они не подметали землю, поспешили остальные. Никто из нас уже не испытывал страха и сомнений.

Всего рог трубил три раза. Второй сигнал мы услышали, когда расселину за нашими спинами поглотил туман, а третий – когда тропа оборвалась. Но в это же мгновение белая завеса перед нами отступила, словно ее отдернула гигантская рука, и нашим взорам предстало удивительное зрелище. Перед нами расстилалась ярко-зеленая поляна, на дальнем ее краю рос кустарник, образуя стену с аркой, увешанную цветами – белыми и золотыми колокольчиками. От них исходил тонкий аромат свадебных венков.

Но самым поразительным было другое. Повсюду на земле лежали плащи, прекраснее которых никому из нас в жизни не доводилось видеть. Каждый был сшит из великолепной ткани и украшен изумительным, неповторимым узором и драгоценными камнями.

И вдруг случилось и вовсе невероятное: пока я созерцала эту картину, она изменилась. Я словно бы видела два слоя, наложенные друг на друга: верхний – зеленая трава, цветущая арка и плащи невероятной красоты, но под ним – бурая земля, устланная жухлой травой, ошетилившийся голый кустарник, а плащи... под сияющими камнями и вышивкой темнело грубое полотно, того же цвета, что и земля, с вереницами рун, значение которых было мне неизвестно.

Однако, взглянув на своих подруг, я поняла, что их зрению доступна лишь иллюзия: позабыв обо всем на свете, они, с жадностью и восхищением смертных созданий, взирали на предложенную им роскошь, и лица их светились от счастья. Я знала, что не смогу вырвать их из власти чар, да и не хотела этого.

Первыми на поляну поспешили Килдас и Солфинна, через мгновение, влекомые каждая к какому-то одному из плащей, их примеру последовали и остальные. Килдас выбрала голубой, с прекрасным неведомым зверем, вышитым драгоценными камнями. Прижимая его к груди, точно самое дорогое ее сердцу сокровище, она решительно направилась к арке и, шагнув в нее, растворилась в тумане. За нею ушла Солфинна, потом Алдит, и так, одна за одной, все они покинули меня. Я растерянно огляделась: если не потороплюсь – могу навлечь на себя беду, но как же сделать выбор, если все плащи одинаковые? Однако, присмотревшись внимательнее, я поняла, что надписи на них отличаются числом и размером рунических знаков.

И тут мое внимание привлек плащ, лежавший в стороне от прочих, на самом краю поляны. Руны на нем были начертаны отдельно друг от друга, а не связаны в единую строку. Я сосредоточилась, пытаюсь увидеть наведенную на него иллюзию. На мгновение мне почудилось какое-то крылатое существо из кристаллов на голубом или зеленом фоне, но затем видение исчезло. Этот плащ, единственный из всех, привлек мое внимание. Отчего-то я знала, что действовать нужно быстро, иначе мое отсутствие вызовет подозрения.

Я пересекла скованный морозом клочок земли, подняла плащ и поспешила к арке из голых переплетенных ветвей. На поляне осталось еще с полдюжины плащей: руническая вязь на них побледнела, а потом и вовсе исчезла.

Войдя в арку, я услышала залиvistый смех – где-то за этой белой пеленой пировали и веселились. Однако я никак не могла определить, откуда исходят эти звуки, – стоило мне двинуться в их направлении, как они раздавались уже с другой стороны. Я угодила в ловушку! Мое беспокойство росло, и все самые жуткие слухи о Всадниках всплывали в памяти. Тяжелый плащ оттягивал мне руки, жесткий серо-белый мех опушки неприятно колот кожу. Я продрогла, а тонкое промокшее платье ничуть не спасало от холода.

Вдруг в тумане перед собой я увидела черный силуэт. Кто-то подкрадывался ко мне, словно дикий зверь, – а может, это и был зверь? Существо шло на двух ногах, как человек, – но вдруг у него звериный лик? Ведь Всадники – оборотни, это каждому известно. Но если мои подруги повстречали здесь чудовищ, отчего же тогда то и дело доносятся до меня радостные девичьи голоса?

Существо приблизилось, и мне стало ясно, что на плечах у него вполне человеческая голова. Я опустила глаза: плащ, который я удерживала в руках из последних сил, был по-прежнему бурого цвета, а значит, сейчас я видела незнакомца в его истинном облике.

Наконец завеса тумана между нами истончилась и окончательно рассеялась, и я смогла рассмотреть того, кто пришел за мной. Довольно высок, но воины-горцы намного выше; тело стройное и гибкое; лицо с острым подбородком гладкое, словно у юноши, вот только зеленые глаза под косыми бровями вовсе не юные – в них будто скопилась тысячелетняя усталость. На лбу лежала прядь черных густых волос. Я не могла бы назвать его красивым, равно как и некрасивым. Попросту он был другой.

Он был одет в кольчугу, которая доходила ему до середины бедер, и плотно прилегающие бриджи из серебристой шкуры с коротким мехом – такую же я видела в шатре. На ногах была обувь из шкуры чуть более темного оттенка. Талию обхватывал ремень из какого-то мягкого материала с большой пряжкой, украшенной неведомыми мне молочно-белыми самоцветами.

Таким впервые предстал передо мной Херрел, Всадник-оборотень.

– Мой господин? – пролепетала я, решившись первой нарушить молчание.

Он улыбнулся, хотя улыбка эта походила скорее на кривую ухмылку.

– Моя госпожа. – В его голосе слышались насмешливые нотки, но почему-то я знала, что причина насмешки вовсе не во мне. – Если ты и вправду держишь в руках мой плащ, значит мне удалось совершить невозможное. – Он забрал у меня плащ и пару раз его встряхнул. – Я Херрел.

– А я Гиллан, – ответила я и растерянно умолкла. Я понятия не имела, что теперь должна делать, ведь так далеко я не заходила даже в своем воображении.

– Добро пожаловать, Гиллан.

Он развернул плащ и накинул мне на плечи, завернув меня в него от горла почти до самых пят.

– Я беру тебя в жены, Гиллан, если таково твое желание.

Он ясно давал мне понять, что я вправе отказаться от своего выбора, но я была твердо намерена довести начатое до конца.

– Таково мое желание, Херрел.

Некоторое время он стоял не шевелясь, как будто ожидая чего-то, а потом вдруг подался вперед и резко произнес:

– Что у тебя на плечах, Гиллан?

– Плащ цвета земли, отороченный мехом...

Он издал тихий возглас:

– А кто я в твоих глазах, Гиллан?

– Мужчина, юный лицом, но древний душой; на тебе меха и кольчуга с поясом, на нем серебряная пряжка с белыми камнями; у тебя черные волосы...

Слова мои гулко отдавались в зловещей тишине. Рука его вдруг метнулась к моему лицу и сорвала вуаль с такой силой, что волосы, заплетенные в косу, разметались по спине и плечам.

– Кто ты такая?

Голос его теперь звучал почти так же жестко, как у лорда Имгри во время нашей с ним встречи на террасе.

– Мне лишь известно, что имя мое – Гиллан. – Я решила, что скрывать от него правду бессмысленно. – Пленницей я прибыла издалека на вражеском корабле, лорд из Высшего Холлака удочерил меня, а здесь я нахожусь по своей собственной воле.

Он бросил вуаль на землю и принялся чертить в воздухе линии, которые, слабо мерцая, складывались в какой-то непонятный мне знак. Улыбка слетела с его губ, лицо сделалось суровым, словно он приготовился к битве.

– Не случай свел нас, Гиллан, а судьба. Но послушай меня: ты должна видеть обычным зрением – истинное зрение сейчас опасно.

Как это сделать, я не знала, поэтому просто попыталась увидеть под ногами зеленую траву, яркие краски вокруг себя. Сначала у меня ничего не выходило, но затем картина перед моими глазами снова как будто расслоилась. Через несколько мгновений я уже стояла посреди дивной поляны, где царил весна, с плеч моих ниспадал роскошный сине-голубой плащ, усыпанный сияющими самоцветами, а мужчина, которого я видела перед собой, был пленительно красив. И все же я отметила про себя, что предыдущий его облик нравился мне больше.

Он молча взял меня за руку, и, пройдя сквозь арку, мы очутились в месте еще более чудесном. Здесь, среди цветущих деревьев, на ковре из изумрудной травы, сидели мои подруги,

каждая в компании мужчины, наружностью схожего с Херрелом. Муж и жена ели из одного блюда – таков же был и свадебный обычай Долин.

Поодаль от них стояли мужчины, которым посчастливилось меньше, но их, казалось, никто не замечал. Все они повернули голову, удивленно глядя на нас, а один, что-то сдавленно крикнув, бросился было к нам, но другие оттеснили его назад. Херрел привел меня на крошечную полянку, огороженную сладко пахнущим кустарником, и исчез, но совсем скоро вернулся с хрустальными бокалами и золотым блюдом с яствами.

– Смейся, – тихо приказал он мне. – Разыграй из себя счастливую невесту. Вокруг много лишних глаз, а нам нужно о многом поговорить – но ни слова из нашего разговора не должно достичь чужих ушей.

Я отщипнула кусочек хлеба и, с трудом проглотив его, заставила себя улыбнуться и даже рассмеяться, ни на мгновение не упуская из виду все, что происходило вокруг.

5

Испытание магией

Херрел тоже улыбнулся и поднял кубок, наполненный янтарным вином.

– Со мною тебя ждет счастливая судьба! – нарочито громко провозгласил он.

– Постой, – тихо произнесла я, – почему ты сказал, что вокруг много лишних глаз и ушей?

Он осушил кубок, я сделала то же самое, но, пока пила, не отрываясь смотрела ему в глаза.

– Потому что, миледи, так оно и есть. Он не должен был приглядываться ни одной из вас. – Херрел провел рукой по плащу из восхитительной ткани, спадавшему с моих плеч. – По закону Стаи мне не могли запретить оставить на поляне свой плащ. Однако ни Халс, ни Хирон не верили, что я заполучу невесту, – я ведь здесь самый бестолковый и неудачливый. Вот кого ты выбрала себе в мужа, Гиллан.

В его словах не было ни стыда, ни боли, словно он уже давно смирился с когда-то вынесенным ему приговором.

– Этого не может быть...

– Не забывай улыбаться! – Он отломил кусок лепешки. – Ты говоришь это из чистой вежливости, госпожа.

– Я говорю то, что думаю.

Лицо его внезапно стало серьезным, и он посмотрел мне прямо в глаза. Казалось, он глядит в самую мою душу и беспрепятственно читает даже те мысли, в которых я сама себе пока не отдаю отчета. Вдруг из груди его вырвался тяжелый вздох.

– Ты ошибаешься. Пусть я и одной с ними крови, но не такой, как они. Они без труда добиваются желаемого, я же вечно терплю неудачу, а Сила, которой наделены мы все, времени мне не повинуется. Ты вышла замуж за того, кто всеми презираем, Гиллан.

Я прикоснулась к плащу:

– Похоже, на сей раз тебе удалось подчинить эту Силу.

Херрел кивнул:

– Тем самым я преступил грань дозволенного.

– И потому боишься, что грядет нечто ужасное?

Навряд ли он действительно боялся. Что бы он о себе ни думал, это был настоящий воин – из тех, что храбро встречают врага лицом к лицу.

– Ты ничего не знаешь, – сказал он спокойно. – Но уже совсем скоро поймешь, что путь, уготованный нам с тобой, не будет легким. Мы просили тринадцать невест, но мужчин в отряде вдвое больше. Потому мы предоставили магии решить нашу судьбу. Однако среди нас есть те, кто никогда не примет иной исход, кроме желаемого. Ты говоришь, что прибыла из далекой страны на вражеском корабле и тебя удочерила знатная семья. Родом ты не из Высшего Холлака, это ясно, – люди оттуда не владеют истинным зрением. Кто знает, может, ты и вовсе из племени, родственного нашему... А значит, тоже не человек?

– Я не знаю, кто я, Херрел. Я помню, как плыла пленницей на корабле Алисона, помню порт, где меня нашли. А сюда я прибыла по собственной воле, вместо другой, которая до смерти боялась этой доли...

– Будь осторожна: никто не должен узнать, что ты владеешь истинным зрением. Всадники в последние годы и без того чересчур подозрительны к чужакам, а уж с той, кому приглянулся мой плащ, они и вовсе глаз не спустят. – Он замолчал, глядя в кубок, на дне которого осталось немного вина, словно силился увидеть на янтарной поверхности будущее. – Если враг дремлет неподалеку, ступай бесшумно... Мои речи пугают тебя, Гиллан?

– Не настолько, чтобы мне потребовалось держать перед твоим лицом зеркало.

– Зеркало?

– Зеркало – это защита от демонов. Собственное отражение вселяет в них такой ужас, что они бегут прочь либо тут же умирают от страха. Как видишь, я тоже кое-что смыслю в магии.

Он рассмеялся, и на сей раз совершенно искренне.

– Похоже, это мне не помешало бы вооружиться зеркалом, миледи. Впрочем, против столь прекрасного создания оно было бы бесполезно.

Лицо мое запылало от смущения.

– Так это... это ваш лагерь?

– Разве что на пару часов.

Он по-прежнему улыбался. Мое замешательство не ускользнуло от его взгляда, но, по счастью, он согласился переменить тему разговора.

– Если ты грезил о маленьком уютном гнездышке или величественном замке, то будешь разочарована. Сейчас у нас нет другого дома, кроме пустоши.

– Куда же мы тогда направимся?

– На север – далеко на север, потом на восток. – Пальцы его гладили молочно-белые драгоценные камни на пряжке пояса. – Мы изгнанники, Гиллан, и хотим наконец вернуться домой.

– Изгнанники? Откуда же вы пришли? Из-за моря? Быть может, из той же страны, что и я?

– Нет, мы испокон веков живем на этих землях. Наш род древнее людского рода Высшего Холлака. Наши женщины и мужчины обладали Силой: им ничего не стоило обратиться в зверя или птицу, если такова была их прихоть. Кто-то, приняв обличье сокола, летал в небесах, другой, превратившись в быстрого коня, привольно скакал по полям и долинам. Если кому-то хотелось окружить себя роскошью, он мог наколдовать себе великолепный наряд и украшения из бесценных камней и металлов и носить его, пока не наскучит. Однако эта Сила несет с собой и великую опасность: когда все дозволено, в конце концов наступает пресыщение и ничто больше не радует глаз, не воспаляет сердце. И тогда, в погоне за еще неизведанным, открываются двери, открывать которые не следует, и на свободу вырывается то, что обуздать невозможно.

Это с нами и произошло. Мы старели, росли наша усталость и скука. И тогда те из нас, кому мятущийся их дух не давал покоя, совершили то, чего делать было никак нельзя. После этого нашу страну поразила смерть – и кое-что похуже смерти. Наши души исполнились подозрением и ненавистью, и мы стали убивать тех, кого раньше называли братьями. В ход шли не только мечи, но и оружие гораздо более страшное.

Однажды разразилась великая битва, после которой был принят закон: отныне все наделенные от рождения неумным духом должны отправляться в изгнание, дабы не навредить благополучию нашего племени. Они будут скитаться по миру до тех пор, пока звезды не изменят своего положения на небесном своде, и лишь после этого смогут найти ворота в свою страну. Если изгой справится с испытанием, им будет дозволено вновь увидеть родную землю.

– Но в Высшем Холлаке говорят, что не было такого времени, когда бы люди не знали о Всадниках...

– Потому что в мире людей время течет по-другому. Однако близится день, когда мы достигнем ворот. И даже если с испытанием мы не справимся – наш род не будет прерван. Когда мы исчезнем, вместо нас здесь будут жить наши дети.

– Дети-полукровки. Но разве чистая кровь не сильнее?

– Так и есть. Но не забывай, миледи: мы искусны не только в наведении чар.

– И сколь долговечна власть этих чар? – спросила я, обводя взглядом моих счастливых подруг. Каждая из них с обожанием взирала на своего спутника, не замечая ничего и никого вокруг.

– Сколько того пожелают хозяева плащей.

– А я?

– Ты? Пожалуй, заклинание, сплетенное несколькими колдунами, и могло бы ввергнуть тебя во власть иллюзии, но я не уверен. Одно могу сказать наверняка: лучше притворись, что ты уже в этой власти. Ибо среди нас есть те, кто не обрадуется присутствию существа, волю которого они бессильны подчинить себе. И это великое счастье, госпожа моя!

Перемена в его словах и голосе была столь внезапной, что я вздрогнула и насторожилась. Позади нас кто-то стоял. Однако я не подала вида, что знаю об этом, и, подобно своим заколдованным подругам, во все глаза смотрела лишь на мужчину рядом с собой.

Некто за нашими спинами не издал ни звука, но я отчетливо ощущала его эмоции. Это была не ненависть – столь сильное чувство мы приберегаем для равных себе или тех, кто превосходит нас, – а скорее ярость. Ярость, вызванная тем, что недостойный посмел встать на пути воли, доселе считавшейся непрекаемой. Не знаю, почему я так была в этом уверена, – возможно, магия этого места обострила мои чувства.

– Приветствую, Халс! – обратился Херрел к тому, кто стоял у меня за спиной. – Присядь, выпей за невесту!

Как-то раз во время праздничных гуляний в Норстеде мне довелось увидеть, как двое мужчин сошлись в шуточной схватке...

– За невесту? – переспросил глумливый голос. – В кои-то веки Херрел Криворукий не опростоволосился с заклинанием. Ну, давайте взглянем на ту рыбку, что прельстилась твоей приманкой.

Херрел молниеносно вскочил на ноги. Будь у него в руках меч, он бы обнажил его, не раздумывая.

– Господин? – Изо всех сил разыгрывая из себя ничего не понимающую невесту, ослепленную своим избранником, я взяла Херрела за руку. Кожа у него была прохладная и гладкая. – Что с тобой, господин мой?

Он рывком поднял меня на ноги, и теперь наконец я смогла обернуться. Подошедший к нам мужчина был немного выше Херрела, такой же стройный и мускулистый, но намного шире его в плечах. Одежда его отличалась лишь по цвету: штаны и сапоги были сшиты из ржаво-коричневого меха, а на пряжке ремня поблескивали маленькие красные камешки. Лицом мужчина походил на Херрела – они могли бы быть братьями или близкими родичами, – однако сходство было лишь внешним. От незнакомца веяло такой непримиримой злобой, гордыней и высокомерием, что на ум мне тут же пришла мысль об изгоняющем демонов зеркале – сейчас оно было бы весьма кстати. Я почувствовала себя беспомощной мышкой, что вот-вот погибнет в хищных когтях птицы, однако именно этот страх придал мне сил. Я приготовилась защищаться.

– Госпожа. – Херрел крепко сжал мою руку. – Позволь представить тебе Всадника из нашего племени. Это Халс Сильнорукий.

– О мой господин, – ответила я, мужественно играя свою роль, – для меня большая честь познакомиться с вашим славным соратником.

В глазах Халса вспыхнули красные огоньки. Он улыбнулся, и улыбка эта была равносильна удару тонкого хлыста по обнаженной коже.

– Какая красавица. Воистину, Херрел, в кои-то веки удача от тебя не отвернулась. Но что скажете вы, миледи? Не считаете ли вы, что вас удача обошла стороной?

– О чем вы говорите, господин? Клянусь милосердным Пламенем, сегодня счастливейший день в моей жизни!

Теперь, сама того не желая, удар нанесла я. Губы его по-прежнему были растянуты в улыбке, но я-то видела, что за ней бушует настоящий ураган чувств, который он сдерживает лишь усилием воли.

– Да продлится это счастье вечно, госпожа.

Он поклонился и, не сказав больше ни слова, ушел.

– Чему быть, того не миновать, – произнес Херрел. – Война началась. Отныне, Гиллан, будь осторожна. Следи за каждым своим словом, взглядом, улыбкой – и даже мыслью. Халс был уверен, что уж он-то уедет отсюда с невестой, но там, где победа его была несомненной, преуспел не он и не кто-то иной, а я – и оттого он взбешен еще больше.

Тут я увидела, что остальные пары поднимаются со своего травяного ложа.

– Пора в путь?

– Да, идем.

Он обнял меня за талию и повел прочь от цветущих деревьев, к месту, где стояли лошади.

Мы снова очутились во владениях зимы. Скакуны, ожидавшие нас, имели странный окрас: шкура их вперемешку была покрыта черными и серыми пятнами, отчего животные, стоило им шевельнуться, до того сливались с зимним ландшафтом, что становились невидимы человеческому глазу.

Лошади были под стать самим Всадникам: высокие, стройные, тонконогие, – в Долинах я таких никогда не встречала. Седла, покрытые меховыми шкурами, были меньше обычных и не столь громоздкие. К некоторым были привязаны сумки, но я не заметила, чтобы кто-то торопился наполнить их тем, что осталось от нашего пиршества на поляне.

Херрел остановился возле одной из лошадей. Та повернула голову и окинула меня внимательным, разумным взглядом.

– Это Раткас, – сказал Херрел. – Она будет служить тебе.

Кобыла по-прежнему смотрела на меня так, будто оценивала, достойна ли я этой чести. Я приблизилась и положила ладонь ей на шею. По коже животного пробежала дрожь. Раткас вскинула голову и тихонько заржала. Остальные лошади – все как одна – повернули морды в нашу сторону.

Херрел быстро положил свою руку поверх моей, и Раткас тут же низко опустила голову. Ее соплеменницы, мгновенно утратив к нам интерес, снова отвернулись. Однако лицо Херрела сделалось суровым, а в глазах вновь появилась настороженность бойца, ожидающего нападения. Он быстро оглянулся через плечо, но, похоже, никто из Всадников не обратил внимания на то, что произошло.

– Будь начеку, – шепнул он, помогая мне взобраться в седло.

Мы тронулись в путь. Пусть свадьба и свершилась, я совершенно не ощущала себя невестой, а Херрела – своим женихом. Остальным невестам подобные сомнения явно были чужды. И вновь я, пусть и окруженная людьми общей со мной судьбы, оказалась одна. Мы мчались вперед с головокружительной быстротой, однако лошади под нами не выказывали ни малейших признаков усталости. Во времени я совершенно запуталась. Когда мы дошли до поляны с зачарованными плащами, было утро, но что сейчас – все еще утро или уже вечер? А может, с того момента вообще миновало несколько дней? Угадать было невозможно, ведь Всадники – в этом я ничуть не сомневалась – умели наводить иллюзию не только на пространство, но и на время.

День дважды сменился ночью, а мы все скакали куда-то не останавливаясь. Я не чувствовала ни голода, ни усталости – причиной тому, видимо, были яства, которыми нас угощали на свадебном пиршестве. Подруги мои вовсе не замечали хода времени, храня на лицах неизменное выражение блаженной неги. Я пыталась подражать им, но давалось мне это непросто: как бы я ни заставляла себя видеть одну лишь прекрасную иллюзию, сдерживать истинное зрение подолгу я не могла.

Всадники, оставшиеся, подобно Халсу, без невест, разделились на два отряда. Один скакал впереди, второй – позади нас, словно их целью было защищать нас от опасности, хотя на многие мили кругом не было никаких следов ни дикого зверя, ни человека. Эти земли, хоть

и назывались пустошью, вовсе не выглядели враждебно (как я рисовала себе в своем воображении) и напоминали мне малые долины. То тут, то там проглядывали сквозь снег верхушки пригорков, покрытые бурой прошлогодней травой, иногда попадались маленькие рощицы и густые кустарники.

Однако вскоре меня охватил безотчетный страх, и чем больше мы углублялись в пустошь, тем мне становилось страшнее. Я хотела закричать, прогнать этот чудовищный морок и лишь невероятным усилием воли смогла удержать себя от этого. Наконец мы въехали на какой-то холм. Я увидела каменную стену высотой примерно в два человеческих роста, над ней нависала неопрятная крыша из соломы и веток.

– О господин, какое великолепие! – воскликнула Килдас.

Я снова напрягла всю свою волю, пока наконец не увидела то, что восхитило мою подругу. Мы въехали во двор, где стояло несколько прекрасных домов: стены их были выложены из ровных камней, а деревянные крыши украшены хитроумной резьбой.

– Это наше временное убежище, моя госпожа, – пояснил Херрел.

Едва я ступила на землю, как вся усталость, накопившаяся за бесчисленные часы, проведенные в дороге, разом навалилась на меня, и я рухнула на руки вовремя подоспевшего Херрела. Что случилось потом, я помню плохо. Я была как в дурмане, не понимая, происходит ли это на самом деле, или я брежу... В конце концов я провалилась в сон.

Когда я проснулась, было темно. Некоторое время я лежала неподвижно, настороженно вслушиваясь в размеренное дыхание того, кто лежал рядом. Потом осторожно поднялась и села на кровати, ни на секунду не прекращая прислушиваться к вдохам и выдохам слева от себя. В комнате было тепло, как будто недавно здесь на совесть протопили печь, но, несмотря на это, меня трясло от холода. Я вдруг поняла, что мне во что бы то ни стало нужно увидеть не столько обстановку, сколько того, кто лежал рядом со мной. Я спустила ноги с кровати, и они утонули в густом мягком ворсе ковра. Шажок за шажком, выставив руки перед собой, я начала продвигаться вперед, отчего-то уверенная, что обязательно отыщу источник света.

Как я ни старалась сохранять спокойствие, удавалось мне это скверно. Лихорадочно шаря по стене руками, я наконец нащупала окно и отбросила щеколду. Тут же ставни распахнулись, впустив в комнату лунный свет. Он оказался столь ярким, что на мгновение ослепил меня. Вдруг я услышала какой-то новый звук. Он походил на человеческий стон – или звериный рык?

Я обернулась. У существа, смотревшего на меня, была большая голова, покрытая гладким блестящим мехом, горящие зеленым огнем глаза и острые обнаженные клыки. Горная кошка! Или сама смерть?.. Верхняя губа сморщилась. Поползла вверх, открывая глазам ряд смертоносных зубов. Чудовищная пасть распахнулась. Сейчас оно кинется на меня, разорвет на куски...

«Смотри! Вот каков твой избранник!»

Едва эти слова пронеслись в моей голове, как злые чары ослабли, и видение расслоилось. Под меховой шкурой проступила гладкая кожа, под кошмарной маской зверя – человеческое лицо. Глаза тоже стали человеческими, и хотя один из них по-прежнему оставался зеленым, это были глаза не бездумного чудовища, а мыслящего существа.

Я приблизилась к кровати. Теперь, когда я видела его человеческий облик, мне не было страшно – но в меня вселяло ужас то, что пробудило меня и увлекло к окну.

– Я знаю, что это ты, Херрел. – Едва я произнесла эти слова, как звериная оболочка исчезла. Существо, лежавшее передо мной, было полностью человеком.

– Но ты видела меня... в другом обличье, – утвердительно произнес он.

– Да. Когда в комнату проник лунный свет.

Он выбрался из кровати. Стоя спиной к окну, я наблюдала, как он быстро водит руками, что-то бормоча на незнакомом мне языке.

Вдруг в воздухе у двери разлилось зеленоватое мерцание. Из этого цветного облака побежали тоненькие ручейки света: один – к кровати, на место Херрела, другой – к моим ногам.

И вновь поверх человеческого лица возник искаженный яростью звериный лик, однако Херрел быстро совладал с собой. Схватив плащ, он накинул его на плечи и двинулся к двери. Он уже собирался отодвинуть задвижку, как вдруг обернулся.

– Наверное, так будет лучше... – проговорил он, словно его осенила какая-то мысль. – Да, так и поступим... Послушай, – теперь он обращался ко мне, – ты должна сделать вид, будто смертельно напугана. Сможешь закричать?

Не представляя, что он задумал, но всецело ему доверившись, я закричала – пронзительно, с неподдельным ужасом.

Херрел распахнул дверь и подбежал ко мне. Он прижал меня к себе, словно успокаивая, и шепнул на ухо: «Помни, ты до смерти испугалась».

Раздались громкие возгласы, в коридоре послышался топот бегущих ног, и через несколько секунд на пороге нашей спальни возник Хирон с фонарем в руке. Предводитель Всадников незамедлительно потребовал объяснений:

– Что тут творится?

Благодаря Херрелу ответ у меня уже был готов:

– Я проснулась оттого, что в комнате было слишком душно. Я подумала, хорошо бы открыть окно... – Тут я поднесла ладонь ко лбу, делая вид, что вот-вот потеряю сознание. – А потом я обернулась – и увидела громадное чудовище...

Повисло молчание, которое нарушил Херрел.

– Посмотрите сюда! – грозно сказал он, указывая на побледневшую, но все еще видимую полосу света, тянущуюся ко мне.

Хирон помрачнел:

– Ты требуешь поединка?

– С кем, Предводитель? У меня нет доказательств.

– Верно. И сейчас лучше не заниматься их поисками.

– Так ты ничего не предпримешь? – Голос Херрела звучал холодно и отстраненно.

– Ты сам знаешь, куда мы направляемся и для чего. Сейчас не время для личных обид.

– Обиду затаил не я, ты это знаешь.

Хирон кивнул, но мне показалось, что он слушает Херрела с неохотой и лишь потому, что так велит ему его долг.

– Но больше никаких игр, – продолжил Херрел. – Мы все принесли клятву не препятствовать тем из нас, кому улыбнется удача.

– Этого не повторится, – снова кивнул Хирон.

И слова его тоже прозвучали как клятва.

– Какого зла удалось нам сегодня избежать? – задумчиво произнес Херрел, когда мы вновь остались одни. Он испытующе посмотрел мне в глаза. – Почему ты не убежала, увидев чудовище?

– Потому что я видела и человека, а человека я не боялась. Однако объясни мне, что это было?

– Кто-то напустил морок, чтобы ты испугалась меня, а может, даже бросилась бежать – и угодила в объятия того, кто ждал за дверью. Зачем тебе понадобилось открывать окно?

– Я... я будто повиновалась чьему-то приказу. – Теперь-то я поняла, откуда взялось это чувство, погнавшее меня из постели. – Это дело рук Халса?

– Его или кого-то другого. Я ведь говорил тебе – никто из них не верил, что мне удастся заполучить невесту. Но ты выбрала мой плащ, и это унизило их в собственных глазах. Теперь они жаждут унижить меня, затем и показали тебе мой звериный облик.

– Ты хочешь сказать, что и правда умеешь обращаться в зверя?

Херрел долго молчал, глядя в окно.

– Это тебя пугает?

– Не знаю. Мне стало страшно, когда... Но, думаю, я смогу сделать так, чтобы видеть тебя лишь в человеческом обличье.

Он повернулся ко мне, но лицо его оставалось в тени.

– Клянусь тебе, Гиллан, никогда по своей воле я не поселю страх в твоём сердце!

На мгновение мне показалось, что на плечах его блестит мех, а вместо лица – морда горной кошки... Но я пожелала видеть перед собой лишь мужчину – и мне это удалось.

6

Испытание мечом

– Неужели в вашем доме нет зеркал? – Вот уже несколько минут я безуспешно пыталась уложить косу кольцами вокруг головы. – Неужто в древнем поверье о демонах есть крупица истины?

За спиной раздался смех, и через мгновение передо мной возникло зеркало – отполированный до блеска металлический диск, призванный скорее защищать от вражеского меча, нежели помогать девушкам причесываться. Глядя на свое отражение, мутное и бледное, я уложила волосы, сожалея, что шпилек слишком мало и коса будет держаться не так крепко, как бы мне того хотелось.

– Что поделать – ты стала хозяйкой не самого богатого дома, Гиллан, – сказал Херрел. И добавил: – Если, конечно, ты не пожелаешь видеть то же, что и остальные...

– Меня устраивает истинный облик вещей, – быстро ответила я. – И незамутненный разум. Херрел, чего нам следует опасаться больше всего?

– Больше всего – разоблачения.

На перевязь, украшенную теми же молочно-белыми камнями, что и пряжка его ремня, он повесил меч в ножнах, а в руки взял серебряный шлем, – по крайней мере, мне показалось, что он из серебра. На гребне шлема вместо перьев, как у лордов Высшего Холлака, красовалась небольшая, но с невероятным мастерством выполненная фигурка – оскалившаяся горная кошка, приготовившаяся к прыжку.

«Разоблачения, – подумала я. – Значит, я должна безукоризненно сыграть свою роль».

Херрел словно прочел мои мысли, потому что тут же подошел ко мне:

– Сегодня нам бояться нечего. События прошедшей ночи преподали им хороший урок. Но если вдруг заметишь что-то необычное, сразу дай мне знать. – Тут его глаза блеснули тем же холодным светом, что и камни в глазницах серебряной кошки. – Возможно, Гиллан, ты действительно сделала неудачный выбор. Халс, да и любой другой здесь, несравнимо сильнее меня в чародейном искусстве. Если я узнаю, кто из них замыслил недоброе, то смогу вызвать его на поединок, однако мне нужны доказательства его вины. Я не смогу тебя защитить...

– Быть может, я смогу? У меня кое-что есть...

Я сдернула с кровати плащ, благодаря которому оказалась здесь: под ним лежала моя сумка с зельями. Когда я брала ее с собой, то сама толком не понимала, как она может мне пригодиться, зато теперь была рада своей предусмотрительности.

Из дальнего кармашка я вынула маленький амулет. Я сделала его интереса ради, без ведома почтенной дамы Алусан – узнай она об этом, мне пришлось бы долго выслушивать нравоучения о том, что девице, живущей в святом месте, стыдно поддаваться деревенским суевериям.

Амулет представлял собой мешочек с дудником, сушеными лепестками пурпурной мальвы, парой листиков плюща и ягодами рябины. Эти компоненты известны своими защитными свойствами, однако никогда еще не использовались вместе. Вдобавок на мешочке я вышила несколько рун.

Я надела амулет на шею, скрыв его под высоким воротом табарда. Даже почтенная дама Алусан соглашалась с тем, что некоторые из верований имеют в основе своей логическое объяснение, однако традиция, к которой прибегла я, создавая свой амулет, была древнее, чем религия моей наставницы, и связана с совершенно иной верой.

Едва амулет коснулся кожи, я ощутила исходивший от него жар. Я повернулась к Херрелу.

– Что это? – спросил он, выставив вперед руку.

– Лесные травы, листья и ягоды.

Он принялся быстро водить рукой в воздухе, потом резко вскрикнул, отдернул ее и облизнул пальцы, как будто их обжег невидимый огонь.

– Этого они точно не ожидают, – улыбнулся он. – Если увидят – могут подумать, что это всего лишь безделушка. Но если заподозрят, что в этой вещице скрыта Сила, – спасет ли она тебя от их колдовства? Надеюсь, у нас никогда не появится повод узнать это наверняка.

На сей раз седельных мешков было намного больше: мы направлялись к воротам чудесной страны, откуда не могло быть возврата. И снова земля, по которой пролегал наш путь, была нам не рада. Казалось, все мы, даже Всадники, для нее – нежеланные пришельцы. Впрочем, возможно, таково было действие охранных чар, наведенных самими Всадниками, чтобы отвлечь от этих земель чужаков?

Дорога постоянно шла в гору. Снега не было, однако дул ледяной пронизывающий ветер, и мы были благодарны, когда на пути нам попадался лес, где хотя бы ненадолго можно было укрыться от его беспощадных ударов.

Мы с Херрелом почти не разговаривали. Он ехал слева от меня и время от времени поднимал голову и принимался. Оглядевшись, я увидела, что остальные ведут себя точно так же, но их спутниц, с чьих лиц не сходили довольные улыбки, это ничуть не настораживало. Херрел походил на горного кота, а человек, который ехал рядом с Килдас, – на птицу, похожую на орла: крылья ее были слегка расправлены, как будто она собиралась взлететь.

А за ним ехал некто, похожий на медведя, – покрытый красно-коричневой шерстью обитатель горных лесов, коварный и злобный, повергавший в ужас отважнейших из охотников. Всадник повернул голову, и я узнала Халса. Осторожно, боясь, как бы мои движения не привлекли нежелательного внимания, я посмотрела по сторонам. Клыкастый кабан, волк... Да кто же они? Колдуны, которые и вправду по своему желанию способны обратиться в зверей, или то, что я видела прошлой ночью, было не более чем иллюзией, сотканной для того, чтобы вызвать у меня отвращение к Херрелу? Но я почувствовала не отвращение, а страх, ибо страх – первое, что пробуждает в нас неизведанное. Говорят, Всадники в бою непобедимы, но как они сражаются? Как люди Высшего Холлака, с мечом и луком в руках, или как дикие звери, но наделенные человеческим разумом, – разрывая свою добычу когтями и клювами? Ответ на этот вопрос мне предстояло выяснить еще до заката.

Солнце стояло в зените, когда мы выехали на небольшую поляну. Здесь и было решено устроить короткий привал. Мне казалось, наш курс все больше отклоняется на восток. Пока девушки отдыхали, мужчины не находили себе места от беспокойства. Я видела, как Херрел постоянно втягивает носом воздух; остальные ходили по поляне, и их движения напоминали движения диких животных, почуявших опасность.

Всадники без спутниц собрались вокруг Хирона. Через минуту трое из них вскочили на лошадей и куда-то умчались. Я старательно делала вид, что, как и мои зачарованные подруги, ничего не замечаю, но, когда Херрел поднес мне кубок с янтарным вином, осмелилась прошептать:

– Что-то не так?

Он честно ответил:

– С востока приближаются враги. Это люди...

– Из Высшего Холлака? – спросила я, хотя сама не верила, что лорды, ставившие честь выше прочих добродетелей, способны на столь низкий поступок.

– Не знаю. Может, и Гончие Алисона.

– Но с Алисоном на этих землях покончено! – горячо возразила я, не в силах скрыть удивления.

– Да, Алисон был разбит, а корабли его захвачены или уплыли. Но это могут быть его солдаты, покинутые своими в этих чужих землях и отчаявшиеся. Ведомые толковым предво-

дителем, они промышленяют разбоем и обращают хитрость полководцев Холлака против них же самих. Гончие Алисона безжалостны и упрямы. Пусть даже весь мир ополчится против них, они не сложат оружия и не станут просить мира.

– Но так далеко на север им не забраться...

– Какой-нибудь баркас из флота Алисона мог ускользнуть из захваченного порта с людьми на борту. А на север они могли отправиться потому, что знают: пустоши Высший Холлак не патрулирует, потому что хозяева на этих землях – мы.

– Но ведь Гончие наверняка наслышаны...

– О Всадниках? – Он поджал губы, и на секунду мне показалось, будто лицо его омрачила тень. – Не стоит недооценивать Гончих. Люди Холлака столько лет не могли одержать над ними победу. Но люди не созданы по единому образу и подобию. Пусть все они имеют один и тот же облик – у каждого есть руки и ноги, голова, разум и сердце, – но то, что содержится под этой оболочкой, то, что ею повелевает, вовсе не одинаково. Были и те, кто признал власть Алисона и стал сражаться против своего народа. После того как с захватчиками было покончено, многих отступников постигла справедливая кара. Многих, но не всех. А теперь представь: отряд головорезов, которым нечего терять, нападет на нас под видом отряда из Холлака, а после мы, убежденные в бесчестье наших союзников, объявим войну Долинам – разве не хитроумный план?

– И ты в него веришь?

– Такое вполне может быть.

– Но кто станет нападать на Всадников?..

Сама эта мысль казалась мне дикой. Никто на свете – если только он в здравом уме – не решится бросить вызов Всадникам. В этом были свято убеждены все жители Долин от мала до велика, и я – не исключение.

– Гиллан, – улынулся Херрел, – твоя вера в нас делает нам слишком много чести. Да, мы наделены Силой, но мы уязвимы: из наших ран течет кровь, а если они слишком глубоки, мы умираем. Этот отряд – все наше войско, и плачевна будет наша судьба, если мы вовремя не достигнем врат.

Не дав мне времени как следует осмыслить услышанное, он продолжил:

– Представляешь ли ты, чего стоит удерживать чужой разум под властью чар? Одной только воли здесь мало. Посмотри на этих девушек: все двенадцать находятся во власти иллюзий – они видят то, что должны видеть по замыслу своих спутников. Сегодня ночью ты спросила меня, присущ ли мне в самом деле облик зверя? Да. Я обращаюсь в зверя в схватке с врагом. И если на нас нападут, твои подруги увидят то же, что видела ты. Скажи мне, Гиллан, кто из них примет своего мужа, узрев его вторую натуру?

– Я недостаточно знакома с ними, чтобы судить...

– И все же твои догадки?

– Немногие.

Возможно, суждение вышло резким, однако, вспомнив, как в ущелье девицы испуганно жались друг к другу и недовольно роптали, я решила, что не так уж и далека от истины.

– Именно. И это дает еще одно преимущество нашим врагам.

– Как же быть?

Он пожал плечами:

– Отправим вперед разведчиков, чтобы они отыскивали быстрый обходной путь. Будем надеяться, нам удастся избежать битвы.

Но надеялся он напрасно.

Вскоре мы снова отправились в путь. Через час почти все Всадники, не имевшие жен, отделились от нас и галопом умчались на восток, а трое остались, чтобы нас сопровождать. Они скакали взад-вперед вдоль колонны, напоминая пастухов, перегоняющих стадо скота. Одним

из них был Халс. Каждый раз, как он поворачивал голову, глаза медведя на его шлеме зловеще блестели, и казалось, будто это не просто украшение, а живой зверь, зыркающий по сторонам и примечающий все вокруг.

Зимние сумерки сгустились быстро и незаметно. Теперь наша дорога пролегла не по лесу, а петляла меж скальных выступов, увенчанных шапками снега. Конь Херрела перешел на медленный шаг, и я развернула свою кобылу, чтобы поравняться с ним. К тому времени наш отряд уже почти скрылся из виду.

– Что тебя тревожит?

– Сам не знаю. Беспокоиться словно бы не о чем, но...

Не договорив, он резко обернулся, задрал голову, раздувая ноздри. Рука его взлетела в воздух, призывая меня прислушаться.

Я услышала лишь затихающий топот копыт и поскрипывание седел. Но Халс или другой Всадник наверняка скоро обнаружит, что мы отстали, и бросится за нами.

Херрел спрыгнул на землю. Он поднял голову, но выражение его лица, скрытого тенью серебряной кошки на шлеме, я прочесть не могла.

– Уезжай!

Он опустился на одно колено и принялся ощупывать ноги коня над копытами. Вдруг пальцы его застыли, тело напряглось.

– Что происходит? – снова спросила я.

И в тот же момент раздалось пение – оглушающее, заунывное, пронзительное пение. Конь Херрела заржал и вскинулся на дыбы, отбросив Херрела мощным ударом копыт.

Моя кобыла, точно обезумев, пустилась в бешеный галоп. Я схватилась за поводья и, призвав на помощь всю свою волю, мысленно приказала лошади остановиться. Тщетно. Тогда я вцепилась ей в гриву, прижалась к шее и тут же почувствовала жжение на груди, словно в кожу мне впился раскаленный уголек. Мой амулет! Я нащупала мешочек, дернула его несколько раз, пытаюсь разорвать шнурок, и, когда мне это удалось, прижала амулет к потной лошадиной шее. Что побудило поступить меня так, а не иначе – объяснить этого я не могла. Как и все свои поступки, совершенные за последние несколько дней.

Дикое ржание, напоминавшее скорее полный ужаса женский крик, тут же прекратилось, кобыла замедлила шаг и, повинувшись наконец моей воле, развернулась и поскакала назад. наших лошадей напугала не какая-то непостижимая шутка природы, а чье-то намеренное воздействие, это было ясно как день.

Я боялась, что заплутаю среди этих одинаковых скал, но все равно подгоняла кобылу вперед, прижимая к взмокшей от пота шкуре амулет. Я чувствовала, как животное сотрясает дрожь; сам воздух будто сгустился и стал омерзительно липким от страха.

Вдруг позади я услышала топот копыт, и пару мгновений спустя со мной поравнялся Халс. Плащ за его спиной хлопал на ветру, в глазах горел огонь – такой же, как и в глазах медведя на его шлеме. Он наклонился, намереваясь схватить мои поводья. Я попыталась отбросить его руку, при этом амулет, зажатый в моих пальцах, задел его обнаженное запястье.

Халс взревел от боли, как будто его стегнули по руке хлыстом. Его лошадь, громко заржав, отпрянула, и он отстал от меня. Я же, понукая кобылу, помчалась туда, где в последний раз видела Херрела.

Конь его, расставив ноги и опустив морду до самой земли, стоял на том же месте. Когда я приблизилась, он задрожал и дернулся в сторону, однако убежать не стал. А за ним, на выступе скалы, лежало существо, представшее передо мной сегодня ночью в лунном свете.

«Это человек, человек!» – кричал мой разум, сражаясь с нахлынувшим страхом, однако на сей раз рассеять иллюзию ему не удалось.

Громадная кошка меня даже не заметила. Взгляд горящих зеленых глаз был устремлен на склон, над головой плясали язычки бледно-зеленого пламени.

– Херрел!

Забыв о всякой осторожности и желая лишь одного – вновь видеть перед собой мужчину, а не зверя, я соскользнула с седла и бросилась к скале. Кошка, услышав мой голос, спрыгнула со скалы, перемахнув через парализованного страхом коня.

Шерсть на ее спине встала дыбом, уши прижались к голове, хвост неистово молотил по земле. Не отрывая взгляда от дороги, она вдруг открыла пасть и завывала.

Конь Херрела пронзительно заржал, моя кобыла рванула с места в галоп. Вой перешел в рычание, и кошка, припав животом к земле, скользнула в просвет между скалами. Я же, чувствуя, как земля уходит из-под ног, вжалась в каменную стену и затихла.

Что-то больно обожгло ладонь, и только тогда я вспомнила, что до сих пор сжимаю амулет. Перехватив его за шнурок, я опустила руку и вдруг заметила, что из щели в скале торчит какой-то странный предмет – стержень длиной в половину моей руки. Он засветился, когда амулет оказался вблизи него. Я вдруг ощутила столь глубокое отвращение, что не раздумывая вырвала стержень из камня, швырнула на землю и несколько раз топнула по нему каблуком, пока он не разлетелся на мелкие щепки.

– Харру-у-у! – эхом разнеслось по долине.

Это кричал человек. Следом раздались еще крики вперемешку со звериным рычанием, и мимо меня с быстротой, поразительной для такого грузного животного, пронесся медведь. Над головой захлопала крыльями какая-то громадная птица, а перед глазами промчались два чудовищной величины волка – серый и черный – и еще одна горная кошка с черными пятнами на оранжево-красной шкуре. Всадники приняли вызов.

Я не видела битвы людей и чудовищ, но последние, кажется, одерживали верх, ибо воздух сотрясали нечеловеческие, леденящие кровь крики. Скрючившись у подножия скалы, прижав ладони к ушам, я вдруг принялась молиться. Я, которая считала службы в аббатстве пустой тратой времени, сейчас взахлеб бормотала молитвы, свято веря в то, что их сила защитит меня от творящегося вокруг кошмара.

Кто-то тронул меня за плечо, но я не открыла глаз. Что, если это не человеческая рука, а когтистая лапа? Как мне смотреть в глаза чудовищу?

– Гиллан!

Меня несколько раз тряхнули, однако не так, как лорд Имгри – с озлобленной силой, – а мягко, как человека, который никак не очнется от дурного сна.

Я подняла голову – и встретилась со взглядом зеленых глаз. Лицо было вновь человеческим, но серебряная кошка на шлеме служила слишком ярким напоминанием о том, что мне довелось увидеть. Я хотела высвободиться, отползти подальше, но мне не хватило на это сил.

– Она видела нас, она знает... – донеслось откуда-то издалека.

– Ей известно даже больше, чем вы думаете, братья. Взгляните, что у нее в руке!

Их ярость нарастала, подобно волнам прилива, сгущалась вокруг меня почти зримыми клубами красноватого тумана. Я чувствовала, что еще немного – и меня забьют камнями насмерть, и ничто мне уже не поможет.

– Это она завела нас в ловушку, никаких сомнений...

Херрел обхватил меня рукой и привлек к себе. Еще недавно я думала, что смогу принять его в любом облике, но теперь он вызывал во мне ужас и отвращение, и лишь неимоверным усилием воли я удерживала себя от того, чтобы с громким криком не броситься от него прочь.

– Остановитесь! Это охранный амулет, он не причинит вам зла! Харл, Хисин, Хулор, дотроньтесь до него и сами в этом убедитесь. Ну же, Харл, произнеси над ним Семь слов.

И он произнес. Мои уши пронзили чужеродные, звенящие звуки, от которых голова взорвалась болью.

– Ну так что?

– Это чары, но действуют они лишь на силы Тьмы.

– А теперь взгляните на это!

Красноватый туман рассеялся, мои эмоции утихли, уступив место разуму. От земли в том месте, где я растоптала странный стержень, распространяя тошнотворную вонь, поднималась ниточка черного маслянистого дыма, как от огня, тлеющего под слоем гнили. Ниточка вилась и загибалась, рисуя очертания самого этого стержня.

– Это крикун, черная магия!

Снова раздались жуткие слова, на сей раз произносимые хором голосов. Дым заколыхался и, обратившись в облачко, растаял в воздухе.

– Теперь поняли? – спросил их Херрел. – Тот, у кого такой амулет, не может забавляться черной магией. Но есть и еще одно. Харл, подойди, взгляни на левую переднюю ногу Рошана.

Всадник с орлом на шлеме подошел к коню, опустился на колени и ощупал выступ над левым копытом. Когда он поднялся, в руке у него была зажата тонкая веревка.

– Путы!

– Вот именно. Что, скажешь, и это – деяние недруга или моей жены? – Херрел обвел всех взглядом, подолгу глядя на каждого. – Быть может, кто-то сотворил это заклинание забавы ради, вот только его шутка чуть не привела меня к гибели, как и всех, кто поспешил сюда. А может, кто-то и вправду желал избавиться от меня?

– Так чего медлить – вызови его на бой! – взорвался Халс.

– Вызову. Как только выясню, кто стоит за этими кознями. И вы мне все свидетели.

– С этим решено, – вмешался тот, чей шлем был украшен фигуркой кабана, – но с ней что будем делать? Кто она и почему смыслит в столь странном колдовстве?

– Гиллан обучалась у одной из мудрых женщин Высшего Холлака, а их мастерство известно нам не понаслышке. В каждом народе найдутся те, кто владеет магическим искусством.

– Но этой среди нас не место!

– Ты говоришь за всех, Хулор? Гиллан... – тихо проговорил Херрел, будто обращаясь к перепуганному ребенку. – Расскажи, что ты знаешь об этой черной стреле?

И, словно ребенок, я рассказала все без утайки:

– Я стояла у скалы и вдруг почувствовала, как амулет жжет мне ладонь. Я опустила глаза и увидела в трещине какую-то палку. Я вырвала ее оттуда и растоптала.

– Что ж, братья, – Херрел повернулся к остальным, – похоже, мы перед ней в долгу. Не растопчи она стрелу, пришлось бы вам возвращаться к своим женам в зверином обличье. Приняли бы они вас такими, как по-вашему?

Всадники вполголоса посоветовались, и Халс сказал:

– Ее судьбу должна решить Стая.

– Да будет так, но все вы расскажете о том, что видели здесь, – спокойно произнес Херрел. Он крепче прижал меня к себе, и я снова задрожала, противясь его прикосновению. – И помните: лишь благодаря храбрости и мудрости моей жены вы обнимете сегодня своих любимых.

Если он ждал, что его братья согласятся с ним, то ждал напрасно: они удалились, не проронив ни слова. Херрел помог мне забраться в седло, а сам сел позади и обнял меня за талию. Человек, ставший мне совершенно чужим, вез меня к тем, кто ненавидел меня всей душой. Никогда еще не было мне так холодно и одиноко.

7

Ночные кошмары и дневные сны

Последние часы дня прошли для меня как в тумане, но приснившееся той ночью врезалось в память навсегда.

Я бегу по лесу. Все деревья вокруг мертвы, у них скукоженные серые листья, как будто деревья умерли в одно мгновение и стали застывшими призраками самих себя. За их обугленными стволами прячутся какие-то злобные и ужасные твари... Я не вижу их, но знаю, что они – воплощенное зло и они следят за мной, охотятся на меня...

Лесу не видно конца. Я бегу, задыхаясь, цепляясь за стволы деревьев, чтобы не упасть, чувствую под пальцами их грубую кору... Впереди меня ждет ловушка, я знаю точно. Я до боли напрягаю слух, пытаюсь услышать моих преследователей, – но ни малейший звук не нарушает могильную тишину. Снова и снова твержу я себе, что нужно оглянуться, посмотреть в лицо этому невыносимому ужасу, и тогда он отступит, но снова и снова мужество изменяет мне, и все плотнее обступают меня деревья-скелеты...

Я знаю, развязка близка и то, что мне уготовано, не под силу вынести никому...

Сломленная, я безумно кричу, колотя кулаками по черному стволу. В голове нарастает гул, сначала я разбираю лишь отдельные звуки, потом наконец они складываются в слова:

«Выброси его, выброси, и все обойдется...»

Что я должна выбросить? От надрывных рыданий уже больно в груди. Я гляжу на руки: они в крови, ногти сорваны, но в ладонях ничего нет.

Тогда я оглядываю свое тело: одежды нет, под изодранной кожей торчат кости. Но на груди висит маленький черный мешочек с вышитыми на нем рунами. Я никак не могу понять, отчего он кажется мне знакомым. Я стискиваю мешочек, внутри его что-то хрустит, и я ощущаю исходящий от него тонкий аромат.

«Сейчас же выброси его!»

Я слышу какой-то шум, но теперь он не только в моей голове, но и вокруг меня. Сжав мешочек в руке, я оборачиваюсь – и вижу чудовищ, стоящих на задних лапах. Медведь, кабан, огромная кошка, волк и другие твари – еще страшнее и омерзительней!

Обезумев, я со всех ног бросаюсь прочь. Я бегу назад, туда, где за деревьями прячется невидимое зло. Сердце рвется из груди, еще немного – и треснут ребра. За спиной я слышу вой дикой кошки...

Наверное, я бы так и умерла от невыносимого ужаса, если бы не мешочек, крепко зажатый в кулаке. Нет, он не вернул мне мужество – какое может быть мужество у существа, потерявшего от испуга остатки разума? Но он придал мне сил, и, когда я поняла, что оторвалась от чудовищ, душу мою осветил робкий лучик надежды. Скоро всему этому придет конец. И лучше я встречу его лицом к лицу, чем буду сходить с ума от страха.

Задыхаясь, я упала под мертвым деревом и прижала мешочек к груди.

Мои враги – это всего лишь жуткие маски, за которыми скрываются люди. Маски можно сорвать... На этот раз они просчитались. Они хотят меня уничтожить – но я им не по зубам... Им меня не сломить. Я должна лишь пожелать выбраться отсюда, вложить в это стремление всю свою волю...

Воля... но я так скверно владею этим оружием. Нужно срубить эти гадкие деревья, в них прячется зло! Что это блещит у моих ног? Топор! Нет, должно быть другое решение... Воля... Так ведь я – Гиллан!

Деревья дрогнули.

Я – Гиллан!

Я прижала мешочек к потрескавшимся губам. У меня есть Сила... Свет разгоняет тьму... Я хочу, чтобы был свет!

Мрак вокруг меня рассеялся.

Я – Гиллан, и я хочу вернуться домой! Такова моя воля!

В глаза мне ударил зеленый свет лампы. В воздухе разлилось благоухание трав, запах еды приятно защекотал ноздри. Где-то неподалеку раздавались людские голоса. Это был реальный мир – мой мир. Я, Гиллан, вернулась домой!

Я чувствовала себя совершенно разбитой. С трудом проведя рукой по телу, я убедилась, что одета в свой обычный наряд и накрыта плащом с меховой опушкой. Я лежала под навесом из шкур. Снаружи, в бледном свете начинающегося зимнего дня, я увидела Всадников. Кто они сейчас – люди или чудовища?

Опершись на руки, я приподнялась, чтобы лучше их рассмотреть, но тут передо мной возникла Килдас. Килдас... сколько времени прошло с того дня, как мы, пожелав друг другу счастья, отправились навстречу своей судьбе? Пара дней? Вечность?

– Гиллан! – Сейчас на лице Килдас было написано искреннее участие, а не счастливая отрешенность. – Как ты, Гиллан? Тебе повезло, что обошлось без сломанных костей!

– Что? – Я тупо уставилась на нее. Вид у меня, надо полагать, был наиглупейший.

Она прислонила мою голову к своему плечу, поднесла мне ко рту рог для питья, наполненный до краев, и заставила сделать глоток. Напиток оказался пряным и горячим, но теплее мне от него не стало. Я по-прежнему дрожала, словно на ледяном ветру.

– Ты что же, совсем ничего не помнишь? Твоя кобыла понесла и выбросила тебя из седла. Ты всю ночь пролежала без сознания.

Но мои воспоминания были совсем о другом. Я оторопело качала головой из стороны в сторону. А что, если мои воспоминания – не что иное, как последствия удара, а ночные кошмары вызваны лихорадкой? Однако жара у меня не было, а дикую кошку я видела еще до того, как мы въехали в пустоши. Да я и сейчас могу ее увидеть, если захочу. Я поднесла трясущуюся руку к глазам.

Должно быть, Всадникам была введена исцеляющая магия: с каждым глотком питья у меня прибавлялось сил, а дрожь утихала. Вот только внутри я по-прежнему ощущала холод. Это был страх.

– Господин, – Килдас взглянула на кого-то поверх моего плеча, – она проснулась. Думаю, ей становится лучше.

– Благодарю вас, госпожа Килдас. Гиллан, дорогая, как ты себя чувствуешь?

И на плечи мне легли мужские руки. Я не обернулась. Мне было страшно... Его слова – сплошная ложь...

«Да что со мной? – кричал внутри меня чей-то голос. – Я ведь не боялась его, не вздрагивала от его прикосновений, я даже...»

Но я заглушила этот голос. Я отстранилась от происходящего, сошла с пути, ведущего во тьму и ужас. По крайней мере, я надеялась, что это так.

– Мне уже лучше, да, намного лучше, – глухо проговорила я. – Во всем виновата моя неловкость.

Я по-прежнему не смотрела на него – боялась, что если увижу его, то не сдержусь и задрожу от ужаса и отвращения.

– Как думаешь, сможешь ехать верхом? – спросил он, на сей раз более холодно.

– Килдас, – позвал знакомый голос. Это был Всадник с орлом на шлеме – или же громадная птица, хищно раскрывшая клюв и выпустившая смертоносные когти?

– Мне пора! – радостно рассмеялась Килдас. – Выздоровливай, Гиллан. Надеюсь, больше с тобой не приключится никакого несчастья!

Когда мы остались одни, я взяла себя в руки и повернулась лицом к Херрелу.

– Так я упала с лошади и ударилась головой? – быстро спросила я, заставляя себя взглянуть на него.

И пусть вместо звериной морды я увидела лицо человека, я не испытала облегчения.

Не отвечая, он протянул руку, чтобы погладить меня по щеке, и я отшатнулась, словно уворачиваясь от удара. Его глаза сузились, придавая ему сходство с кошкой, однако облик его, вопреки моим ожиданиям, не изменился.

– Так ты смотришь сейчас другим зрением, госпожа. И какая же иллюзия...

– Иллюзия? – вскричала я. – Я вижу то, что есть, оборотень! Говори мне что хочешь, твои речи не усыпят мой разум! Ты и твои братья хорошо потрудились, плетя свои чары, но отныне они меня не ослепят! Все, что вам остается, – насыпать кошмары в надежде, что хотя бы во сне вам удастся меня сломить!

– Кошмары?

– Лес-призрак из пепла, погоня... думали вернуться с добычей? Да только ничего у вас не вышло!

– Лес-призрак?

– Хватит повторять за мной, оборотень! И хорошенько послушай, что я тебе скажу. Если долго пребывать в страхе, то свыкаешься с ним. Власть его пусть медленно, но слабеет, и наконец, господин Херрел, приходит день, когда из беспощадного хозяина он превращается в верного слугу. Можешь и дальше терзать меня в моих снах, я...

Тут он снова схватил меня и с силой привлек к себе, заставляя посмотреть ему в глаза. На миг я почувствовала, будто меня затягивает в глубокий зеленый омут...

– Гиллан!

Зеленые, нечеловеческие глаза на окаменевшем мертвенно-бледном лице...

– Это не я. Гиллан, ты слышишь? Это не я!

Его слова возымели нужное действие. Я и сама не верила до конца в его вину, а теперь со всей ясностью осознала: случившееся не было кошмаром – это происходило на самом деле, но в иной реальности.

– Кто же тогда?

– Клянусь, я призову его к ответу – как только узнаю, кто он. Но до тех пор...

– ...он будет выслеживать меня, как добычу, – закончила я. В памяти внезапно всплыло еще кое-что. – Что это за «путы», о которых вы вчера говорили?

– Чары, которые накладывают на лошадь, чтобы замедлить ее или покалечить. Кто-то решил надо мной подшутить, а может, надеялся на мою погибель. Но твои кошмары – не чья-то дурная шутка. Кто-то напал на тебя, и действовал он не в одиночку.

– Они хотят избавиться от меня, верно? Медведь, орел, кабан...

– Тем самым они нарушат договор, а значит, навечно лишатся людского облика. Думаю, больше они пытаться не станут...

– Потому что послушают тебя?

– Меня? Самого никчемного из них? – проговорил он без тени горечи и стыда. – Впрочем, они еще плохо меня знают... Ну так что, сможешь ехать верхом?

– Думаю, да.

Он кивнул:

– Дорога займет день, не больше. Ворота уже близко. Но помни: все вокруг нас – иллюзия. Сейчас не время давать отпор, если только нам не останется ничего другого.

Херрел говорил так, словно мы заодно и опасность угрожает нам обоим. Но в глубине души я чувствовала себя одинокой. Не было Херрела, на которого я могла положиться. Был человек – и был дикий зверь, и ни одному из них я не доверяла.

– Я упала и ударилась головой, – покорно произнесла я. – И не было никакой битвы?

– Не было.

– Хорошо, она мне только приснилась. И все же скажи: что за Силы преследовали нас и какое оружие пустили в ход, чтобы разрушить ваши чары?

– Так ты все помнишь?

– Помню.

– На нас напали Гончие Алисона. По-видимому, и среди них есть сведущие в темном искусстве. Думая сбить нас с толку, они навели чары, которые обратили нас в зверей и не давали принять прежний облик, – и этим обрекли себя на верную смерть.

– Сколько их было? И чего они хотели?

– Мы обнаружили двадцать человек. Они пустили нас по ложному следу, а когда мы разделились, ударили по той части отряда, которую посчитали наиболее уязвимой. Чего они хотели? Поссорить нас с Долинами, это ясно – иначе не напали бы на нас со щитами и знаменами Холлака. Единственное, чего мы никак не поймем, – откуда взялась та черная стрела.

– Херрел. – Это был Хирон. Но фоне светлеющего неба я отчетливо видела вставшего на дыбы жеребца, украшавшего гребень его шлема. – Госпожа. – Он приветственно взмахнул рукой, однако даже не посмотрел в мою сторону. – Пора выдвигаться в путь. Вы готовы, госпожа?

Я хотела ответить ему, что слишком слаба, что, даже если каким-то чудом и удержусь в седле, у меня нет ни желания, ни сил скакать целый день по этой земле, дышащей ненавистью ко всей людской породе. Но вместо этого лишь улыбнулась и молча кивнула.

Несколько Всадников поскакали вперед на разведку, а остальные ехали позади, высматривая возможную угрозу. Моих спутниц, Килдас и Солфинну, эта перемена ничуть не встревожила.

– Хисин сказал, что у нас сегодня последняя ночевка в пути. – Голос Солфинны прервал мои размышления. – Всего два дня – и наше путешествие закончится. Как прекрасна, должно быть, страна, которая ждет нас... – Она мечтательно улыбнулась.

– Гиллан, а ты все молчишь. Как твоя голова? – Килдас чуть развернулась в седле и внимательно посмотрела на меня.

– Болит. К тому же всю ночь снились дурные сны.

– Да-да, – кивнула она, – ты иногда даже кричала. Херрел места себе не находил, он пытался тебя разбудить, но Хирон ему не дал, тогда Херрел сунул тебе что-то в руку, и ты затихла.

– Интересно, почему Хирон так разозлился? – вставила Солфинна. – Что бы это ни было, тебе стало лучше.

– Хирон разозлился? – переспросила я.

– Да, он... – начала было Солфинна, но Килдас ее оборвала:

– Не думаю, он скорее испугался. Как и все мы, Гиллан. Ты так страшно кричала, но слов было не разобрать.

– Надо же, а я ничего не помню, – солгала я. – Так бывает, если сильно удариться головой. К тому же посмотрите вокруг: какие еще сны могут сниться на этой унылой, неприятной земле?

И тут только я поняла, какую совершила ошибку.

– О чем ты? – удивленно спросила Килдас. – Здесь совсем не хуже, чем в Долинах! Гляди, как снег переливается под солнцем – точно россыпь бриллиантов! А как чудесно блестит лед!

Но я не видела никакого солнца. Над нашими головами висело тяжелое свинцовое небо, земля была засыпана мелкой белой крупой, а вовсе не бриллиантами, а обледеневшие ветки выглядели не чудесно, а безжизненно. Как бы я хотела попасть под власть иллюзии! Но сколько бы я ни напрягала волю, ничего не выходило: все вокруг по-прежнему было серым и пугающим. Деревья походили на застывших чудовищ, тянущих к нам свои тонкие страшные руки, а любая тень казалась злобной тварью, которая только и ждет, когда зазеваается путник.

Я закрыла глаза, сосредоточилась, открыла... Ничего. Все тот же удручающий пейзаж. Тут я с ужасом поняла, что не чувствую Силу: раньше, стоило мне напрячь волю, Сила изливалась из меня мощным потоком, а теперь это был тоненький, почти пересохший ручеек. Что, если она больше не вернется ко мне? О, как же я была самонадеянна! Но нет, нельзя поддаваться страху, я не позволю им узнать о моей слабости!

Время от времени кто-нибудь из Всадников – муж одной из девушек – составлял нам компанию, но Херрел не появлялся. Я вообще не видела его с тех пор, как мы покинули лагерь. Зато Халс уже во второй раз проезжал вдоль нашего маленького отряда. Улучив момент, когда конь его замедлил шаг, а кобыла Солфинны живо затрусила вперед, я непринужденно спросила:

– Мой господин, а где же Херрел?

Губы Халса изогнулись в издевательской ухмылке, и он с преувеличенной вежливостью ответил:

– Он скачет позади, госпожа. Передать ему, что вы желаете с ним поговорить? О деле, несомненно, великой важности?

– Не нужно. Скажите лишь, что у меня все хорошо.

Взгляд его красных глаз блуждал по моему лицу, словно Халс силился прочесть мои мысли, но отчего-то мне казалось, что это ему не под силу.

– Очень мудро с вашей стороны, госпожа, не отвлекать его – Хирон уверен, что сейчас умения Херрела пригодятся как никогда. Когда грозит опасность – на счету каждый Всадник... – произнес Халс и, понизив голос, добавил: – Поначалу меня злило, что Херрел, этот криворукий убогий Херрел, умудрился заполучить женщину. Но теперь я вижу, что судьба распорядилась справедливо, одарив его невестой под стать ему самому.

– Благодарю вас, господин, – невозмутимо произнесла я. О, каких усилий мне это стоило! – Все мы зачастую склонны превратно судить о ближних. Если мой муж счастлив, то счастлива и я.

Я лгала, и Халс это знал, но ложь эта была для меня спасительной соломинкой, за которую я продолжала отчаянно цепляться.

Что мы, в сущности, знали о Всадниках? Мои спутницы, пребывавшие в сладком плену чар, были не в состоянии увидеть истину. А я... я была измучена страхами и подозрениями и уже сама себе не доверяла. Однако мне совершенно точно не нравился Халс, от тяжелого взгляда Хирона мне делалось неприятно, и я помнила, с какой ненавистью смотрели на меня вчера остальные.

А что же Херрел? Я подумала о нашей первой встрече, когда он провозгласил меня своей женой, набросив на плечи свой плащ; о ночи, когда я, подгоняемая чужой злой волей, проснулась и увидела его в обличье горной кошки. И о вчерашнем дне, когда в этом же обличье он бросился в битву и я чуть не оглохла от воя и криков.

Там, в Глотке ястреба, я думала, что готова принять этого незнакомца. Но так ли оно и было на самом деле? Как можно принять того, чья природа тебе неизвестна? И вот теперь на проверку оказалось, что я такая же трусиха, как и Мэрим, – разве что скрывать свое малодушие у меня получается лучше. Кто же ты, Херрел? Человек или зверь? Какое из твоих обличий истинно – не знаю. Вот почему я избегаю твоих объятий и радуюсь, что не стала тебе настоящей женой... Килдас, Солфинна и остальные – им подобные сомнения неведомы, и потому они счастливы делить ложе с мужьями. Вот только с кем они проводят каждую ночь – с человеком или зверем?..

Халс тем временем подъехал ко мне вплотную.

– Истинное зрение, госпожа, может принести немало разочарований, – сказал он едва слышно. – Тебе не место среди нас.

– Если и так, господин, говорить об этом слишком поздно. Как знать, быть может, вы еще измените свое мнение обо мне.

Он пожал плечами:

– Быть может. По крайней мере, ты ничего не рассказала своим сестрам, и это мы запомним. Я передам твои слова Херрелу.

Развернув коня, он поскакал прочь, а я горько пожалела, что вообще дала ему повод встретиться с Херрелом. Остаться сейчас одной мне совсем не хотелось, поэтому я подстегнула кобылу и нагнала Килдас.

– Харл говорит, у Халса острый язык, – сказала она. – Однако в галантности ему не откажешь. Просто он обижен, что ему невесты не досталось.

– Может, потому, что его плащ был недостаточно красив?

Килдас засмеялась:

– Только не вздумай сказать это при Халсе! Он очень тщеславен и привык всегда и во всем быть первым. Надо признать, он весьма привлекателен...

Привлекателен? Да ведь это коварный медведь, кое-как натянувший на себя человеческую кожу и притворяющийся человеком!

– Одного лица мало.

– Это правда, ну, да Халс мне неинтересен. Он всегда улыбается и выглядит довольным, пусть так и будет. Не знаю, говорил ли тебе Херрел, но мой муж сказал, что у них с Халсом давняя война, и теперь все стало только хуже, ведь Херрел получил то, что причиталось Халсу...

– Неужто меня? – рассмеялась я, немало удивленная ее словами, которые в корне отличались от той правды, что была мне известна.

– Тебя или другую невесту. Он все похвалялся, что ему достанется самая красивая из нас, а вышло вот что. Теперь Всадники то и дело над ним подшучивают. Это так странно. – Она взглянула на меня. – Раньше я думала, что Всадники – полчище неотличимых друг от друга существ, которые одинаково мыслят и действуют... А оказалось, они такие же, как наши мужчины, – каждый живет своим разумом, у каждого свои пороки, страхи, мечты.

– Это ты от мужа узнала?

Она улыбнулась – не так, как Халс, а искренней, счастливой улыбкой.

– Я многое от него узнала...

И она умолкла, вновь погрузившись в мир грез.

За весь этот долгий день Херрел ни разу меня не навестил. Я не знала, что было тому причиной: его нежелание меня видеть или чужая воля. Наконец мы подъехали к узкой, длинной долине, скрытой за высокой непроницаемой стеной деревьев и кустарников. Выстроившись в цепочку по одному, мы двинулись за проводником в обход по извилистой тропинке. Вскоре деревья расступились, и нашим глазам предстала открытая площадка, окруженная крутыми скалистыми склонами. На одном из них блестела полоса замершей воды, спускавшаяся к скованному льдом ручью. Площадка заканчивалась узким ущельем, наполовину заваленным камнями.

Шатры уже были раскинута, костер разведен, а зеленые огоньки ламп приветливо подмигивали, разгоняя быстро сгущавшийся мрак.

Всадник, шлем которого украшал волк, подошел, чтобы помочь мне спешиться.

– А Херрел?

– Их отряд задержался в пути, госпожа, – последовал быстрый, явно заготовленный заранее ответ.

Но, говоря откровенно, если бы вместо волка на меня смотрела дикая кошка, едва ли мне стало бы от этого легче.

На подгибающихся от усталости ногах я дошла до костра и села в стороне от других, не в силах – да и не желая – участвовать в их веселье. Я думала о том, что теперь пути назад нет.

Мое решение, принятое столь легко и безрассудно, сожгло мост между прошлым и настоящим и обрекло меня на будущее, при одной мысли о котором я вздрагивала от ужаса.

Наступила ночь. Помню, как нещадно клонило меня в сон, как я боролась, страшась того, что настигнет меня, стоит мне лишь закрыть глаза. И вдруг...

– Гиллан?

Я с трудом повернула голову: ко мне шел тот единственный, для кого я имела хоть какое-то значение. И я протянула к нему руки:

– Херрел!

8

Могущество Стаи

– Как ты себя чувствуешь, Гиллан?

– Как человек, прошедший целый день в седле.

Я осеклась, испугавшись собственной радости.

– Сегодня тебе больше не придется садиться в седло, Гиллан. А сейчас прошу – не противься. Так будет лучше.

Он крепко сжал мою руку, и его прикосновение создало иллюзию. Мы оказались на дивной поляне сладкой весенней ночью. В мягком травяном ковре под нашими ногами светились крошечные бледные соцветия, наполнявшие воздух нежным ароматом. Из ламп, висящих на шатрах, струился золотисто-зеленый свет. Вокруг низкого стола, заставленного блюдами и кубками, сидели Всадники с женами, остальных нигде не было видно.

Херрел увлек меня за собой к столу, и я не сопротивлялась. Отдаться во власть иллюзии было так же приятно, как после дня, проведенного под палящим солнцем, окунуться наконец в озеро с чистой прохладной водой.

Мы ели с ним с одного блюда, как велел обычай, и яства, которыми Херрел угощал меня, были самой прекрасной пищей, которую мне когда-либо доводилось пробовать. Передо мной стоял бокал, но вино в нем было не янтарным, а темно-красным, и пахло оно щедростью осени и налившимися соком плодами.

Херрел поднял кубок и произнес:

– За тебя, моя госпожа.

Выпил он или же только сделал вид?.. Он протянул кубок мне, но я едва обмакнула губы в вино и, наклонив голову в знак благодарности, оставила кубок в сторону.

– Так наше странствие закончилось? – спросила я.

– Да, но начинается кое-что новое, – ответил он, почему-то глядя не на меня, а перед собой. – Потому мы и празднуем.

Все, кроме нас двоих, уже были одурманены вином, и отовсюду до нас доносились тихий смех и нежное бормотание.

– Вы хотите взять Ворота штурмом?

– Это невозможно. Они либо откроются сами, либо нет. И если нет...

Тут он умолк и надолго погрузился в свои мысли.

– Что же тогда? – осторожно спросила я, так и не дождавшись от него продолжения.

– Тогда мы снова отправимся в странствие.

– Но Великая Сделка запрещает вам возвращаться в пустоши.

– Мы можем жить и не в пустошах. Эта земля велика, и мы можем найти себе и другое место.

– Но ты надеешься, что другое место искать не придется?

Тут он повернулся ко мне, и при взгляде на его лицо все вопросы разом выскочили у меня из головы. Однако, когда он заговорил, голос его звучал ровно, не выдавая ни малейшего волнения.

– Мы надеемся, что наши скитания подошли к концу.

– Когда вы это поймете? И как?

– Когда? Уже завтра. Как? Этого я тебе сказать не могу.

Было ясно, что он попросту не хочет говорить.

– А что за страна ожидает нас за Воротами?

Херрел глубоко вздохнул. Глаза, которые всегда казались мне на многие века старше его юношеского лица, вдруг помолодели.

– В этом языке нет слов, чтобы ее описать. Это совсем иной мир.

– Давно ли вы покинули ее?

Теперь на меня вновь смотрели мудрые, усталые глаза существа, видевшего слишком много.

– Давно ли? Не знаю. Мы не ведем счет времени, только если имеем дело с народами этого мира. Когда мы отправились в изгнание, нам даровали милость: наши воспоминания потускнели и дом является нам лишь во снах, да и то нечасто.

Сны! Я задрожала, перед глазами все поплыло. Не хочу помнить свои сны! Я схватила кубок и поднесла его к губам. Может, вино прогонит этот нестерпимый холод внутри? Но едва я ощутила на языке пряный вкус, как вновь в душе шевельнулось неясное беспокойство.

Тем временем мужчины и женщины вокруг нас пара за парой поднимались из-за стола и, взявшись за руки, направлялись к шатрам. Приближался час, которого я страшилась больше всего.

– Пойдем, дорогая?

Теперь голос Херрела звучал совсем по-другому – тихо и нежно.

«Нет!»

Он обнял меня за талию. Любой счел бы нас сейчас парой разомлевших от вина влюбленных.

– Выпей, Гиллан. – Херрел взглянул на кубок. – За наше счастье. Пей же.

Его слова прозвучали как приказ, и я подчинилась. А затем покорно пошла с ним в шатер.

Там он начал целовать меня, и я отвечала на его поцелуи, но, когда его руки скользнули по моему телу, я отшатнулась. Нет, нет, не делай этого, кричало все мое естество! Ты больше не будешь прежней, это смерть, Гиллан! И тогда в ответ на это предостережение внутри меня поднялась мощная волна Силы и хлынула наружу. Забившись вглубь ложа, я видела, как на бледном лице Херрела проступают кровавые полосы. Кого я только что отвергла? Человека или зверя?.. Я закрыла глаза руками и, кажется, закричала.

– Ведьма... – произнес Херрел, отпрянув. – Так, значит, ты ведьма... Гиллан!

Я взглянула на него.

– Я не знал, – растерянно пробормотал он. – Не знал.

Он шагнул в мою сторону, и я сжалась от страха.

– Не бойся. Я не прикаснусь к тебе – ни в эту ночь, ни в какую другую. – В его голосе слышалась горечь. – Воистину, судьба зло посмеялась надо мной. Халс или любой другой взял бы тебя силой, ради твоего блага и блага всех нас. Но я от рождения не наделен таким правом. Что ж, Гиллан, ты сделала свой выбор, так будь же готова принять неизбежное...

Ничего больше не объяснив, он вынул из ножен меч и положил его посередине нашей постели.

– Можешь спать спокойно, моя госпожа, я не нарушу обычая Долин. – Он мрачно рассмеялся. – Но, может статься, скоро ты раскаешься в своем решении.

После этих слов Херрел лег рядом с мечом и закрыл глаза. Я ничего не понимала, голова моя раскалывалась от вопросов, но я не осмеливалась раскрыть рта. Лицо того, кто мог бы на них ответить, было чужим и отрешенным, и казалось, не меч разделяет нас, а непреодолимая пропасть.

Я думала, что не сомкну глаз, но едва легла на свою половину ложа, как меня тут же поглотила тьма, без мыслей, чувств и сновидений.

Проснулась я внезапно, словно от толчка. Говорят, так чутко спят солдаты на поле боя: пусть глаза их закрыты, но внутренний страж не дремлет ни секунды, готовый поднять тревогу при первом признаке опасности. Я ощущала какое-то движение, но, как ни напрягала слух, не могла уловить ни звука. Херрел? Я вытянула руку, ощупала ложе – меча не было.

– Херрел?

Я открыла глаза. Снаружи пробивался тусклый серый свет, шатер был пуст. Я вдруг ощутила нестерпимое желание выбежать вон. Какая-то сила гнала меня из постели – но куда и для чего?

Я быстро оделась и выбежала на улицу, где меня встретили холодные скалы и догорающий костер. Иллюзия рассеялась. Лошади стояли на месте, но людей нигде не было – в столь ранний час бодрствовала лишь я одна.

Чувствуя, что мне совершенно необходимо присутствие хоть одной живой души, я поспешила к соседнему шатру. Килдас спала в одиночестве, укрывшись плащом. Я обошла все шатры – Всадники исчезли, а их жены, счастливо улыбаясь во сне, крепко спали, и разбудить их я не смогла, как ни старалась.

Я подложила дров в костер, но сидеть спокойно, глядя на разгорающееся пламя, было выше моих сил. Внутри нарастало возбуждение: нужно что-то делать! Я чувствовала, что меня куда-то тянет, куда-то, где сейчас происходит что-то важное...

Ну конечно, вот же оно – решение! Нужно поддаться этому притяжению, позволить ему, а не доводам разума вести себя! Я встала, закрыла глаза. Отгоняя знакомые образы, возникающие перед внутренним взором, я попыталась полностью сосредоточиться на ощущениях. Меня качнуло, словно от сильнейшего порыва ветра, и развернуло к ущелью, заваленному камнями. Туда!

Позабыв об опасности, проклиная длинные юбки, я принялась карабкаться по обломкам породы. Выше! Еще выше! Сердце учащенно колотилось, и казалось, будто с каждым ударом воздух вокруг меня содрогается, отзывается гулким эхом... Или я и вправду слышала далекий гром, напоминающий звук барабана, и мое сердце лишь вторило ему?

Чем выше я забиралась, тем отчетливее слышался звук и тем сильнее становилось мое отчаяние. Что это? Я должна знать, должна! Я словно оказалась перед запертой дверью: иступленно молочу по ней кулаками, обдирая их в кровь, но открыть ее может лишь знание – а его у меня нет.

Наконец я добралась до вершины и посмотрела вниз. Всадники.

Они стояли в три ряда перед сплошной каменной стеной, держа в руках свои шлемы. Оружие было сложено у подножия скалы прямо подо мной.

Они молчали, но я слышала мольбу, рвущуюся из их сердец. Я заткнула уши, чтобы отгородиться от этого оглушительного, терзающего мозг зова, но он грохотал внутри меня. Голод, печаль, одиночество – и крошечный проблеск надежды. Всадники снова и снова обрушивали на стену свой зов, подобно тому как осаждающие крепость раз за разом сотрясают ее ворота тараном.

Всадник из первого ряда – мне показалось, это был Хирон – приблизился к стене и положил на нее ладони. Потом отошел в сторону, и его место занял другой. Так они сменяли друг друга, один за одним, пока не пришел черед Всадников из третьего ряда. Первым к стене, гордо вскинув голову, направился Халс. Кажется, он был уверен, что Ворота тут же перед ним распахнутся.

Следующий Всадник, за ним еще один... и наконец Херрел, последний из них. Они не требовали – они смиренно умоляли впустить их, но их мольбы оставались без ответа. Я уже начала думать, что они ошиблись, приняв за Ворота обычную гору, стоящую здесь с самого Сотворения мира. А может, разум их от долгих скитаний в бесплодных пустошах помутился, раз они ждут, что неприступная стена из камня расколется пополам?

Теперь, когда я свыклась со звуком, пульсирующим в моем теле, и поняла, чего добиваются Всадники, можно было возвращаться в лагерь. Однако, попытавшись шевельнуться, я не смогла сдвинуться с места – меня пригвоздило к скале. От ужаса я вскрикнула, но, по счастью, меня не услышали: взгляды Всадников были по-прежнему устремлены на стену. Я напрягла волю, стремясь высвободиться из невидимых пут, но ничего не вышло. Я оказалась в ловушке!

Ну уж нет, я не собираюсь беспомощно лежать здесь, пока Всадники меня не найдут! Не желаю! Я посмотрела на свои пальцы и сосредоточилась: ну же, давайте! Шевелитесь! Пальцы послушно поползли по камню, сжимаясь в кулак. Так, теперь рука. Рука!

Зов, мольба... откроются ли Ворота?..

Нет! Не отвлекайся! Я устремила все свое внимание на руку. Поднимайся! Пот струился по лицу, затекая в уголки рта. Поднимайся!

Наконец медленно, невыносимо медленно рука начала слушаться. Уперевшись кулаком в скалу, я смогла приподняться. Так, а теперь – нога...

Зов, словно грохот барабанов... Ворота, вот что сейчас важно...

Вовсе нет! Эти Ворота нужны одним лишь Всадникам! А мне – мне нужно оторвать от камня ступню, согнуть ногу и вырваться из этой проклятой невидимой паутины!

Я оттолкнулась и, тяжело дыша, привалилась спиной к скале. Из этого положения Всадников я не видела, но стена по-прежнему была в поле моего зрения – сплошная стена из гладкого камня без малейшего намека на какие-либо Ворота. К чему все это? На что они до сих пор надеются? Их старания закончились ничем – давно бы пора это признать...

О нет, нельзя о них думать, нельзя отвлекаться. Я с трудом повернула голову и сосредоточилась. Это всего лишь кусок камня. Между ним и моим телом нет ничего – ничего!

Наконец мои одеревеневшие конечности отозвались, и мне удалось подняться. Я стояла покачиваясь, не решаясь сделать шаг, – вдруг не удержу равновесие и рухну со скалы? Мой взгляд скользнул вниз: Всадники стояли там же, не сводя глаз со стены, но зова я больше не слышала. Они ждали ответа.

Я повернулась к ним спиной. Мне все равно, каким будет этот ответ. Мой мир отныне – это Гиллан и ее заботы, и рассчитывать в этом мире я собираюсь лишь на себя. Едва я подумала об этом, как в памяти всплыла картина: Херрел вынимает из ножен меч и кладет его на ложе... Пора!

Кое-как передвигая ноги, я заковыляла прочь. С каждым шагом сила чар слабела и движения давались мне все легче. Солнце стояло уже высоко, я чувствовала его тепло на лице и саднящих руках. К тому моменту, как скала осталась позади, я уже полностью владела телом, но теперь давала о себе знать смертельная усталость, преследовавшая меня с той минуты, как я вырвалась из леса-призрака.

Но не успела я сделать и нескольких шагов по направлению к лагерю, моему единственному убежищу, как раздался странный звук. Он напомнил мне звон колокола, возвещающего начало молитвы в часовне Норстеда, но только был несравнимо глубже и раскатистей. Гудели скалы и земля под моими ногами, гудело само небо. Все вокруг задрожало, сверху посыпались камни. Меня отбросило назад, я ударилась спиной о скалу так сильно, что одна рука онемела.

Эхо покатилося тяжелой волной по долине и горной цепи, и хотя сам звук понемногу угасал, эхо от него становилось все громче и призывнее. Это могло означать лишь одно: Ворота открылись. Всадники возвращаются на родную землю. Но это их земля, и мне там не место.

Снова послышался шорох камней, и я обернулась. На меня, раззявив слюнявую пасть, смотрел медведь; из-за его плеча выглядывала узкая волчья морда, где-то рядом раздавалось хлопанье гигантских крыльев. Мой кошмар сбывался наяву. Только теперь бежать мне было некуда.

– Гиллан!

Картина перед глазами дрогнула – и я снова увидела людей. Херрел, продравшись сквозь толпу своих собратьев, встал прямо передо мной.

– Убить!

Услышала ли я это или прочла в их глазах?

– Нельзя, – заявил Херрел. – Вы не можете убить нашу сестру.

Все как один повернули голову, глядя то на меня, то на Херрела.

– Она из мудрейших – ведьма по крови. Это удача, о которой мы даже не смели мечтать. Тут вперед вышел Хирон. Его прищуренный взгляд скользнул по мне сверху вниз, отмечая и порванную одежду, и царапины на руках.

– Зачем ты здесь? – едва слышно произнес Предводитель Всадников.

– Меня разбудил... чей-то зов... – честно призналась я.

– Вот видите? – воскликнул Херрел. – Только те, в ком течет истинная кровь, слышат, когда мы...

– Молчать!

Херрел повиновался, но я видела, как сверкнули его глаза.

– И откуда ты возвращаешься? – снова спросил Хирон.

Я повела глазами, указывая взглядом на скалу, с которой наблюдала за ними.

– Ты забралась так высоко, – медленно проговорил Хирон, – а потом смогла спуститься...

– Убить ее! – взревел кто-то.

Но Хирон покачал головой:

– Нет, братя, это мясо нам не по зубам.

Он быстро начертил в воздухе какой-то знак. Сначала символ был зеленого цвета, затем сделался голубым, а перед тем, как исчезнуть, стал серым.

– Да будет так. – Он словно вынес мне приговор. – Теперь мы знаем.

Херрел подошел, взял меня за руку, и мы медленно двинулись в сторону лагеря. Всадники держались поодаль.

– Так Ворота открыты?

– Да.

– А как же?..

– Сейчас не время для расспросов, Гиллан. Потерпи, скоро мы сможем беседовать часами напролет.

Наступило молчание, которое он сам и нарушил:

– Хотел бы я...

Он глядел под ноги, выбирая самый легкий путь среди камней.

– Чего бы ты хотел? – спросила я.

Откровенно говоря, сейчас меня волновало лишь то, чего хочу я сама. А моим желанием было поскорее забиться в темный угол, подальше от посторонних глаз, и наконец отдохнуть.

– Чтобы было больше... или меньше...

– Я не понимаю.

Но он так ничего и не объяснил.

Когда мы дошли до лагеря, костер уже догорел, а мои подруги все еще безмятежно спали. Херрел уложил меня на наше ложе, и я тут же заснула – а может быть, просто потеряла сознание.

Если бы только я умела обращаться с Силой, скрытой внутри меня, у этой ночи был бы другой исход. Хирон понял, что перед ним неопытная ведьма, которая не сможет противостоять тому, что он задумал. Теперь, когда Ворота открылись, Всадники стали сильнее, а я, отвергнув Херрела, лишила себя единственной защиты.

Я проснулась оттого, что Херрел подошел к ложу. Опустившись на колени, он протянул мне кубок и, пока я пила, нежно поддерживал меня. Это был тот же пряный напиток, что вдохнул в меня жизнь после дурного сна. Я с трудом подняла непослушную руку и погладила его по щеке. Херрел, милый Херрел, как я могла так несправедливо обойтись с тобой?.. Но почему на твоей щеке нет царапин?

Веки мои вдруг отяжелели, и последнее, что я увидела, была звериная морда с горящими глазами. Меня подняли с ложа и куда-то понесли.

– ...бояться его... – услышала я обрывок чьей-то речи.

– Его? – Глумливый смех. – Да вы посмотрите на него, братья! Он ведь даже не понимает, что происходит!

– И то верно. А завтра поскачет вместе с нами как ни в чем не бывало.

И меня окутала пелена удушающего черного тумана.

9

Гончие смерти

Я вновь стояла среди мертвых деревьев, и вновь на меня шла охота. Только на сей раз спасения ждать было неоткуда – амулет, висевший на моей груди, совершенно не источал тепла. Но, как я уже говорила, если страх приходит слишком часто, он теряет свою остроту. И вместо того чтобы броситься куда глаза глядят, я прижалась спиной к обугленному стволу и приготовилась.

Пепельные листья зашелестели, предвещая приближение чего-то могучего и устрашающего, но я не двинулась с места.

Потом появились бледные серые тени, имевшие очертания каких-то уродливых тварей. Они долго бесновались вокруг меня, но я даже не пошевелилась. В конце концов уродцы брызнули в разные стороны и притаились за деревьями.

И тут по лесу пронесся вой, такой пронзительный, что стало больно ушам. Ко мне приближались чудовища: медведь, волки, хищные птицы, кабан и много других, которых мне никогда еще не доводилось видеть. Все они двигались на двух ногах, что почему-то делало их еще более жуткими.

Я хотела закричать, назвать каждого по имени, но крик застрял в горле.

Позади чудовищ мелькали тени: их становилось все больше, они расплывались и вновь приобретали какие-то немислимые очертания. Вдруг стая чудовищ расступилась, пропуская вперед своего вожака – существо с лошадиной головой, глаза которого пылали диким, неукротимым огнем. В своих человеческих руках существо держало серебристый лук с тетивой, от которой исходило зеленоватое свечение.

Тот, на ком была маска кабана, протянул вожаку стрелу, которая тоже светилась зеленым светом.

«Призываю смерть, серебро и Силу Стаи, – прозвучали в моей голове слова заклинания. – Разделенные этой стрелой не сольются воедино вовек!»

Вожак натянул тетиву. Сейчас я и рада была бы убежать, но их воля накрепко пригвоздила меня к стволу. Тетива зазвенела, высвобождая полосу зеленого света...

Ледяной холод, не сравнимый ни с какой болью, насквозь прожег мое тело. Я устояла на ногах, но... вдруг оказалось, что я смотрю на происходящее со стороны. Я видела двух Гиллан: одна стояла у дерева, а вторая – лежала на земле. Первая шагнула навстречу чудовищам, те обступили ее и увели в лес, где все они и исчезли. А другая очнулась... и это была я.

Со всех сторон ко мне подтягивались тени-уродцы. Я как-то сказала, что если боишься слишком долго, то привыкаешь к страху, но эти твари вызывали даже не страх. Это было воплощенное зло – самое ужасное, мерзкое, невыносимое зло, само существование которого мой разум отказывался принять...

И этот холод, пронизывающий до костей, обжигающий холод... никуда мне теперь от него не деться, ведь он – часть меня самой... Холодно, как холодно...

Я открыла глаза. Надо мной было свинцовое небо, летел снег. Но почему я не в шатре?

Я с трудом села и огляделась. Да, это была та же лощина, где мы остановились на ночлег, последнее пристанище, но где шатры? Где лошади? Землю припорошило снегом, но там, где пылал костер, виднелось лишь кольцо из почерневших камней. Огонь, мне нужен огонь! Я подползла к кострищу, погрузила пальцы в пепел – но не ощутила желанного тепла: костер погас давным-давно.

– Херрел! Килдас! Херрел! – закричала я, но ответом мне было лишь эхо.

Разум отказывался признать очевидную истину: от меня избавились, выбросили, как лишний нежеланный груз. Но ничего, я пойду за ними – я ведь знаю, куда идти...

Пошатываясь, я встала на ноги, сделала несколько нетвердых шагов – и упала на колени. Перед внутренним взором возникла бесконечная каменная стена. Если в ней и были какие-то ворота, глупо надеяться, что они до сих пор широко распахнуты.

Боги, как холодно... Свернуться комочком, уснуть – и больше не просыпаться... Но засыпать страшно: вдруг снова обступят деревья-скелеты и жуткие тени?..

Я кое-как доползла до мехового коврика, на котором проснулась, и только сейчас заметила свою сумку с зельями, лежавшую тут же. Нашупав оледеневшими пальцами нужную склянку, я поднесла ее к губам и отпила немного содержимого, ожидая, что вот-вот по телу разольется тепло.

Тщетно – тепла я не почувствовала, зато в голове прояснилось, а руки снова стали слушаться.

Итак, у меня есть этот коврик и моя сумка – непростительная оплошность с вашей стороны, Всадники! К тому же я одета. Что ж, и на том спасибо. Начну с того, что разожгу костер, благо дрова еще остались.

Я сложила дрова, как смогла, и капнула на отдельные веточки немного жидкости из двух разных склянок. Веточки вспыхнули, а через несколько мгновений дрова, охваченные пламенем, весело затрещали.

Я чувствовала, как тепло ласкает мое лицо, руки, тело, но внутри по-прежнему зияла ледяная пустота... Вот оно! Наконец-то я нашла верное определение! Да, я была опустошена. Но чего же меня лишили? Я дышала и двигалась, как раньше. Чувствовала жажду и голод, которые удалось притупить снегом и снадобьем из сумки. И все же я знала, что в том мертвом лесу чудовища забрали у меня что-то... что-то ценное, без чего я – уже не я.

Когда мне приснился этот кошмар? Прошлой ночью – или много ночей назад? Всадники бросили меня на съедение тем тварям, рассудив, что если мне и удастся от них сбежать, то брошенная на произвол судьбы, я все равно погибну. Но почему они так меня боятся – или, скорее, ненавидят? Потому что не могут подчинить своей воле, околдовать, как остальных невест?

Херрел неспроста назвал меня ведьмой – он прекрасно понимал, что скрывается за этим словом.

Почтенная дама Алусан была мудрой женщиной, и, что бы она сама ни говорила, знания ее простирались далеко за пределы религиозной жизни аббатства. В своей библиотеке она хранила множество старинных книг, странные тексты которых были мне едва понятны. Магия и колдовство – это не выдумка. Всем известно, что это отголоски древнейших знаний народов, обитавших в Долинах задолго до людей Высшего Холлака.

Но магия опасна. Стоит научиться хоть чему-нибудь, как, опьяненный успехом, начинаешь желать все большего и в конце концов, если не найдешь в себе силы совладать с искушением, погрузишься во тьму, из которой нет возврата.

Как холодно... Я прижала ледяные ладони к груди. Никогда мне больше не согреться, если не заберу у них то, что они отняли у меня. Но как это сделать? У меня нет ничего, кроме этой сумки, снадобий в ней хватит, чтобы продержаться какое-то время, но что потом?

О, если бы только я знала больше о своей Силе! Ведьма, обреченная погибнуть от холода и голода из-за своего неумения колдовать, – вот так нелепица!

Я вдруг засмеялась. Смех вышел зловещим и пугающим, и я зажала рот рукой, продолжая беззвучно трястись в припадке истерики.

Я должна собрать себя воедино. При мысли об этом страшный смех, терзавший меня, унялся, и я медленно повернулась в ту сторону, где стояли каменные Ворота Всадников. Ко мне возвращались силы, сознание прояснилось. Меня тянуло туда – к Воротам, за которыми исчезло то, что мне было нужно.

Снег прекратился, огонь почти догорел. Я должна преодолеть эту стену. Найти проход, если он есть, или перелезть через нее, главное...

– А ну стоять!

Я вздрогнула.

Ко мне приближались какие-то люди. На них были шлемы с щербатыми гребнями и прорезями для глаз и короткие меховые плащи, а острые носки сапог загибались кверху.

Гончие Алисона...

Когда они впервые высадились на нашей земле, то сражались очень странным оружием, среди которого было и такое, что извергало огненные лучи. Но после того, как порт Алисона был захвачен, оно стало встречаться все реже. Эти солдаты держали в руках обычные мечи, луки и копья.

Лучше даже не думать о том, какая судьба ждет женщину, попавшую в лапы Гончих. Всего один глоток зелья из моей сумки мог бы избавить меня от этой судьбы, но добраться до него я не успею.

– Это женщина!

Один из них спрыгнул с коня и подбежал к костру. Из-за своего шлема-маски выглядел он даже более дико и нереально, чем чудища из моих кошмаров. Видя, что я не собираюсь убегать, он замедлил шаг и, бросив быстрый взгляд по сторонам, спросил:

– Что, красавица, бросили тебя твои дружки?

– Эй, Смаркл, осторожней, – крикнул кто-то. – Неужто о мышеловках не слышал?

Смаркл резко остановился и нырнул за скальный выступ, а все лучники как один натянули тетиву, целясь в меня. Долгое время ничего не происходило. Наконец, прикрываясь выдавшим виды щитом, в котором до сих пор можно было узнать оружие воинов из Долин, от группы лучников отделился какой-то человек.

– Эй, ты! Иди сюда, и чтоб без фокусов! Иначе живо пристрелим.

Наверное, мне стоило остаться на месте. Пусть бы их стрелы покончили с пустотой внутри, даровали мне чистую смерть... Но желание вернуть себе то, что у меня вероломно похитили, было сильнее усталости и страха. Поэтому я послушно прошла вперед и остановилась у скалы, за которой скрючился Смаркл.

– Она из этих долинских шлюх, капитан, говорю вам! – крикнул он.

Человек со щитом побежал, петляя, к ближайшему валуну и, укрывшись за ним, командовал:

– Иди сюда!

Я медленно подошла. Четыре лучника, Смаркл с капитаном – и еще бог знает сколько людей прячется в лощине. Они выслеживали нас, никаких сомнений. Херрел оказался прав: это отчаянные головорезы, которым нечего терять, потому-то они и забрались в такую даль от моря – их единственной надежды на возвращение к родным берегам. Это звери, может, даже еще более безжалостные, чем Всадники.

– Ты кто такая? – рявкнул капитан.

– Одна из невест, мы едем из Долин, – честно ответила я.

В конце концов эти люди, скитаясь по недружелюбной, голой земле пустошей, тоже познали одиночество и отчаяние и так же, как и я, утратили здесь часть себя.

– Где же тогда остальные? – взвизгнул Смаркл.

– Отправились дальше.

– А тебя одну бросили здесь? Не делай из нас дураков!

Вдруг меня осенило.

– Я заболела лихорадкой, а она для них очень опасна. Вы знаете, что Всадники вовсе не такие, как мы? То, что для нас лекарство, – для них может оказаться смертельным ядом...

– Что скажете, капитан? Как по мне, то будь это и впрямь ловушка, нас бы уже давно всех прикончили.

– Может, они просто не хотят ею рисковать? Ты давай назад, вон к той скале, рядом с костром. А вы держите ее на прицеле.

Я вернулась на место и встала, прислонившись спиной к скале.

– Эй, вы! А ну, назад! – крикнул он кому-то, повернувшись к ущелью, за которым начались Ворота. – Только дернитесь – и от вашей куколки живого места не останется!

Все замерли. Когда эхо его слов замерло вдали, капитан повернулся к Смарклу:

– Хватай ее!

Смаркл бегом бросился ко мне и прижал к скале, навалившись всем телом. В лицо мне ударила вонь из его рта, глаза, смотревшие сквозь прорези в шлеме, блестели хищно и жадно.

– Я ее держу!

Остальные двинулись в нашу сторону, настороженно озираясь. Смаркл тем временем что-то горячо шептал мне на ухо: большинство слов было мне неизвестно, но догадаться о его намерениях не составило труда. Потом он рывком оторвал меня от скалы и поставил перед собой, прижимая мои руки к телу.

– Она не из долинских, – заявил один из лучников, который свесился с седла, чтобы лучше меня рассмотреть. – У них волосы не такие.

Мои волосы, свободно рассыпавшиеся по плечам, на фоне белого снега казались иссиня-черными. Гончие молча оглядывали меня с головы до ног, и в глазах их ясно читалось беспокойство. Дело было не в том, что они по-прежнему считали меня приманкой в какой-то непонятной ловушке, – что-то во мне самой, в моем облике заставляло их нервничать.

– Клянусь рогами Хатэра! – воскликнул тот же лучник. – Да вы посмотрите на нее, капитан! Вы разве не слышали про баб этой породы?

Губы капитана скривились в злобной ухмылке.

– Слышал, Такмор. Вот только не думал встретить одну из них в этих землях. А ты неужто не знаешь, что есть один верный способ обезоружить колдунью? И способ весьма приятный...

Смаркл засмеялся и еще крепче сжал мои руки:

– Главное, капитан, не смотреть ей в глаза, а то нам конец. Эти хрычовки из Эсткарпа порчу одним взглядом навести могут.

– Но они тоже смертны. А мы сегодня отлично позабавимся.

В этот миг солнце выглянуло из-за облаков, и его лучи ударили мне в лицо. О чем говорят эти люди? Наверное, женщины из Эсткарпа – их давние враги?

– Разведите костер, – бросил капитан лучникам. – Из-за этих скал тут вечно темень и холод собачий.

– Капитан, – обратился к нему Такмор, – но если эта девица не приманка, как тогда она тут оказалась?

– Думаю, ее дружки поняли, кто она такая, потому и бросили.

– Но ведь они тоже колдовства не чураются...

– Верно. Да только волки в стае с голодухи начинают грызть друг дружку. Кто знает, может, они чего-то не поделили. А может, эти идиоты из Долин сами ее и подослали в надежде, что эта их «делка» сорвется, – а девчонка их подвела. Как бы то ни было, удача повернулась к нам лицом – а кто мы такие, чтобы разбрасываться ее щедрыми дарами?

Они собрали хворост и заново развели костер. Смаркл накинул кожаную петлю мне на плечи, другую затянул на лодыжках.

Подгоняемые голодом, они быстро ощипали каких-то птиц, которых принесли с собой, освежевали большого кролика и принялись готовить жаркое. Какой-то лучник достал кожаную флягу, попробовал отпить из нее, но, разразившись проклятиями, отшвырнул пустую посудину в сторону.

– Говори, ведьма. – Капитан навис надо мной, широко расставив ноги. – Куда направились Всадники-оборотни?

– Вперед. Туда, куда лежал их путь.

– А тебя с собой не взяли, потому что поняли, кто ты?

– Да.

Было ли это так на самом деле или нет, я не знала наверняка, но интуиция подсказывала мне, что его догадка верна.

– Так, значит, их магия оказалась посильнее твоей?

– Об этом я судить не берусь.

Недолго поразмышляв, он снова принялся допытываться:

– И что там – впереди?

И снова я дала честный ответ:

– Сейчас – ничего.

– А может, они просто в воздухе растворились? – Смаркл больно дернул за шнур, которым связал мне ноги. – Ну, зато ты, ведьма, никуда от нас не денешься.

– Они прошли через стену, но Ворота снова закрылись.

Капитан посмотрел на солнце, которое почти скрылось за скалой, потом перевел взгляд на ущелье. Эта картина явно пришлась ему не по душе, но каким бы он был капитаном, если бы позволил себе выказать слабость в присутствии своих людей? Поэтому он кивнул – и двое лучников, положив луки на землю, вынули из ножен мечи и направились к залежам обломков.

Смаркл тем временем подошел к меховому коврику, на котором я спала, и, поддев его носком сапога, пнул.

– Глупец! – гаркнул капитан. – Это же шкура оборотня! Тебе что, жить надоело?

Смаркла затрясло, самодовольная ухмылка разом сползла с его побледневшего лица. Он подобрал хворостину, лежащую у костра, приподнял коврик и откинул его еще дальше.

«Почему обычный кусок меха вызывает у этих людей такой ужас? – подумала я. – Быть может, он напоминает им о том, как им пришлось повстречаться со Всадниками в их зверином обличье?»

Отсюда я видела краешек ремня моей сумки, лежавшей в тени скалы. Если они найдут ее, то тут же уничтожат, испугавшись «магии», заключенной в пузырьках. Вот бы мне добраться до нее, – быть может, тогда я и правда сумела бы совершить нечто «магическое»...

Капитан между тем вернулся к допросу:

– Куда они ушли? Что за этой стеной?

– Этого я не знаю. Они говорили о какой-то стране...

Капитан резко откинул забрало и стянул с головы шлем. Оказалось, у него очень светлые волосы – не соломенные или светло-русые, как у жителей Долин, а почти белоснежные. Такие волосы бывают у стариков, но он был еще довольно молод. Его острый с горбинкой нос напоминал орлиный клюв (орлиный клюв... неужто я теперь вечно буду искать в человеческих лицах звериные черты?), лицо было широкое, с высокими скулами, а глаза маленькие и узкие, словно он шурился.

Он провел ладонью от виска к затылку, приглаживая волосы. У него был вид смертельно уставшего человека. Он сел на камень и уставился в огонь. Разведчики вернулись быстро.

– Что там?

– Ров с камнями, а за ним – скала. Они бы никак там не прошли.

– Но ведь они были здесь, – тихо произнес второй с дрожью в голосе. – Уйти отсюда тем же путем они не могли – мы бы их заметили. Так куда же они подевались?

Капитан перевел взгляд на меня:

– Ну? Куда?

– Они просили Ворота открыться – и те открылись.

Для них, но не для меня. Но это меня не остановит – как не остановит и эта жалкая горстка перепуганных мужчин. Где-то за этой стеной – часть меня: она взывает ко мне, направляет меня, и рано или поздно мы с ней соединимся!

– Она... она могла бы нас, туда... – Такмор кивнул в сторону ущелья. – Ведьмы ж вроде стихиями повелевают, вот пусть она нас туда по воздуху и перенесет.

Капитан покачал головой:

– Такое ей не под силу. Почему, думаешь, она тут сидит? Нас дожидается? Могла бы разрушить их чары – духу бы ее здесь не было. Ушла от нас добыча, вот что.

Смаркл облизнул губы, остальные нервно заерзали.

– И что теперь делать, капитан?

Капитан пожал плечами:

– Сначала поедим, потом... – он поглядел на меня и гнусно ухмыльнулся, – как следует развлечемся. А утром составим новый план.

Солдаты загоготали, похлопывая друг друга по плечам. Я бросила быстрый взгляд на костер, в котором жарилось насаженное на вертела мясо. Скоро их ужин будет готов, они быстро покончат с ним, а потом...

О, имей я хотя бы крупицу знания, я бы нашла способ защитить себя! Я чувствовала: оружие, которое мне нужно, – внутри меня, но как до него добраться? Быть может, если я вновь призову на помощь всю свою волю...

10

Никакой тени!

Моя сумка... Мои мысли все время отчаянно возвращались к ней. Солдаты набрали в котелок снега и поставили его рядом с костром. Капнуть бы туда всего несколько капель из одной маленькой бутылочки – и я спасена! Вот только сейчас бутылочка эта для меня не более досягаема, чем исчезнувшие Ворота.

Вот они принялись за еду: кромсали жареные тушки ножами, жадно вгрызались в куски сочного мяса. Как же мне захотелось есть! Действие снадобья закончилось, и голод дал о себе знать с новой силой. Со мною, конечно же, никто не поделился, оно и понятно. Что бы эти люди ни надумали сотворить со мной сегодня, завтра они уедут отсюда без меня: к чему им лишняя обуза, да еще и внушающая такой ужас?

Сумка. Мне нужна моя сумка. Я старалась не смотреть на нее, чтобы ненароком не привлечь к ней внимание солдат, но, в очередной раз исподтишка глянув в ее сторону, я обомлела: сумка лежала на виду. Но как?.. Она только что была между теми двумя валунами, а теперь – словно кто-то подвинул ее на несколько дюймов!

Может ли быть, что это мое отчаянное желание заставило сумку выползти из своего укрытия?.. Звучит совершенно невероятно, но что я потеряю, если попробую снова?

Сама не полностью понимая, что делаю, я уставилась на огонь и, сосредоточившись, начала рисовать перед внутренним взором крышку сумки с замком. О, как же это оказалось непросто! Так всегда бывает с вещью, с которой имеешь дело по сотне раз на дню: ты так привык к ней, что уже не замечаешь деталей ее облика, а когда пытаешься воссоздать его в памяти – зачастую выходит невесть что.

Ну же, сосредоточься! Итак... стержень поверх металлической петли... повернуть его вниз... готово! Теперь откинуть крышку... Флаконы и бутылочки... В каком порядке я их сложила?

В мыслях я перенеслась в мастерскую почтенной дамы Алусан и заново, шаг за шагом, повторила путь от самого порога... Пятый! То, что мне нужно, лежит в пятом кармашке!

Пузырек узкий, непрозрачный, с пробкой из черного камня... А ну, выползай!.. Я уронила голову на колени – пусть думают, что я в отчаянии, – и скосила глаза в сторону сумки. Крышка сумки шевельнулась! Я задохнулась от восторга и удивления, при этом чуть не сведя на нет все мои усилия. Но через пару мгновений мне снова удалось сосредоточиться – и желанный пузырек из кости выскользнул из сумки.

Хорошо... теперь прыгай в котелок. Мясо горячее и жирное – их точно одолеет жажда. Прыгай в котелок, косточка... Пузырек задрожал, приподнялся и поплыл к котелку.

Время от времени внимание мое слабело, косточка с заветным содержимым падала, но я вновь сосредотачивалась – и она вновь двигалась туда, куда направляла ее моя воля. Наконец она подпрыгнула – и плюхнулась в талую воду. Никто из Гончих этого не заметил.

Осталось последнее – вынуть пробку. Ну же, Гиллан, ты можешь... Я напрягла последние силы; по вискам потекли тоненькие струйки пота, подмышки взмокли, но я не сдавалась, не ослабляла волю...

Чья-то рука потянулась к котелку. Затаив дыхание, я смотрела, как маленький рог для питья погрузился в воду. Только бы этот лучник не увидел, что лежит на дне, умоляю, только бы не увидел... Лучник с жадностью опустошил рог, передал его другому, тот, напившись, – третьему. Так очередь дошла до каждого из них – кроме капитана.

Теперь оставалось лишь ждать.

Наконец последние кости были обглоданы и раскиданы среди камней, а все, кто напился из котелка, по-прежнему вели себя как ни в чем не бывало.

Смаркл поднялся и, мерзко ухмыляясь, вытер руки о бедра:

– Ну что, капитан, можно начинать?

Всю волю, сосредоточенную до сего момента на пузырьке, я обратила сейчас на капитана, отчаянно желая, чтобы он почувствовал жажду. И он действительно направился к котелку! Пил он долго и жадно, а закончив, повернулся к Смарклу:

– Можно, если уж совсем невмоготу.

Смаркл довольно крикнул и, сопровождаемый подбадривающим улюлюканьем, подбежал ко мне. Рывком поставив меня на ноги, он ткнулся своей рожей мне в лицо и начал срывать с меня одежду. Я сопротивлялась изо всех сил.

– Смаркл! – раздался чей-то громкий окрик.

– Не бойся, Мацик, и до тебя очередь дойдет! – рассмеялся Смаркл, не оборачиваясь.

– Капитан... Смаркл! – Один из лучников подскочил к Смарклу и дернул его за рукав. – Да посмотри же ты, идиот!

Тот выругался, ослабил хватку и повернулся к лучнику, занеся руку для удара.

– Гляди сюда! – Лучник тыкал пальцем в землю. – У нее ж тени нет!

Я наравне с остальными опустила глаза. Костер горел вовсю, и на земле отчетливо чернели тени солдат. Я машинально шевельнула рукой, но тени, повторившей бы мой жест, не увидела.

– Она вполне себе настоящая, из плоти и крови. – Смаркл скинул руку лучника. – Сам потрогай, если не веришь!

Но лучник попятился, мотая головой.

– Капитан, вы же знаете этих ведьм, – крикнул Смаркл. – Наведут морок, и будешь видеть то, что они захотят. Мы с ее магией на раз-два управимся – заодно и повеселимся!

– Морок, именно что! А вдруг это и не женщина вовсе? – стоял на своем лучник. – Может, это оборотень? Отвлекает нас, пока его дружки несутся сюда во весь опор, чтобы нас прикончить? Надо сперва проверить, настоящая она или нет. Давайте выпустим в нее заговоренную стрелу!

– Я бы с удовольствием, Яцмик, да только у нас ни одной не осталось, – вмешался в их спор капитан. – Ведьма ли, оборотень ли, эта чертовка опасна. Посмотрим, что сильнее – ее колдовство или сталь.

И, вынув меч из ножен, он направился ко мне. Остальные отступили назад.

Вдруг раздался крик. Лучник, который первым напился талой воды, завалился на спину, увлекая за собой солдата, стоявшего рядом. Другой лучник покачнулся и грузно опустился на землю.

– Ведьма! – взревел капитан, кидаясь на меня с мечом.

Клинок вошел между моей рукой и ребрами, лишь оцарапав мне бок, и уперся в скалу за моей стеной. Лицо капитана исказила гримаса ненависти и ужаса. Он снова замахнулся мечом, но сдавленные крики заставили его обернуться. Некоторые из солдат неподвижно лежали на земле, другие, шатаясь, словно пьяные, силились подняться на ноги. Капитан заморгал, махнул перед глазами рукой, будто прогоняя видение, и снова напал на меня. На сей раз клинок лишь распорол мне юбку, капитан же рухнул на колени, а потом повалился ничком на землю. Еще двое попытались достать меня мечами, но и они вскоре затихли. Я прижала ладонь к ране на боку и огляделась: вся банда спала крепким сном. Медлить было нельзя – кто знает, сколько продлится действие зелья, разбавленного в целом котелке воды.

Первым делом я обработала и перевязала рану. Потом взяла у одного солдата длинный охотничий нож и сунула его за пояс. Покопавшись в их сумках, я нашла несколько мешочков с сухим пайком, видимо береженных на самый безысходный случай. Мечи, луки и колчаны, полные стрел, я побросала в огонь, а лошадей отвязала и разогнала, размахивая одеялом. Подол

своей длинной раздвоенной юбки я укоротила, а оставшуюся от нее часть обмотала вокруг бедер. Теперь в путь!

О том, чтобы взобраться по гладкой отвесной стене, за которой скрылись Всадники, нечего было и думать, а значит, придется искать обходной путь – через скалы.

Эта мысль меня не страшила. Цель, стоявшая передо мной, была столь велика, что заполнила собою даже ледяную пустоту внутри. Под смертной оболочкой из плоти и крови вспыхнула неутолимая жажда жизни. Словно то, что сейчас произошло, пробудило – а может, придало внятные очертания? – той части меня, которую я столько лет безуспешно пыталась обратить себе на службу.

Я вцепилась в уступ и начала карабкаться по скале. К слову сказать, высоты я никогда не боялась. Помню, охотники, спускавшиеся с гор в Долины, чтобы продать пушнину, говорили, что самое главное – не смотреть вниз и не оглядываться. Но подъем давался мне тяжело: опыта у меня не было, а потому двигалась я медленно и с опаской. Дважды я в страхе прижималась к скале, едва успев увернуться от сорвавшихся сверху камней. Я карабкалась все выше и выше, подгоняемая мыслью о том, что вот-вот очнутя мои обидчики и бросятся за мной в погоню. Кажется, прошла вечность, прежде чем я добралась до небольшой ровной площадки. Уцепившись за ее край, я втянула себя наверх и без сил рухнула в сугроб.

Кое-как отдышавшись, я проползла вперед, на пяточок между двумя пиками. Там сняла со спины коврик, который примотала лоскутами, отрезанными от юбки, и забила под него, свернувшись комочком.

В небе стояла полная луна. Она ярко сияла, освещая мне путь, теперь же сияние ее, как и звезд, побледнело. Наверное, сейчас я как раз на уровне верхушки Ворот. О том, что мне еще предстоит, думать не хотелось – не было сил: все тело ломило от боли, а разум отказывался мне повиноваться. Но заснуть мне так и не удалось. Вместо этого я провалилась в какое-то странное состояние. Я словно бы наблюдала за собой со стороны: вот я сижу, замотанная в меховой коврик, отрешившись от всего мира... а через пару мгновений – я в незнакомом мне месте, шурюю от солнца, говорю с какими-то людьми, чьи лица, как ни стараюсь, не могу разглядеть.

Едва занялся рассвет, как я уже была на ногах. Рана почти полностью зажила и не доставляла мне беспокойства, а коврик прекрасно сохранял тепло, но лихорадочное нетерпение не давало мне наслаждаться покоем. Первые лучи солнца окрасили небо красными полосами. Что ж, значит, сегодня нас ждет прекрасный день!.. Я вздрогнула. Кого это – нас? Есть только я, я одна. Разве что судьба отвернется от меня и Гончие нападут на мой след...

Стена толщиной футов двенадцать пересекала долину, из которой я только что сбежала. Перелезть через нее невозможно – совершенно не за что зацепиться. Буду двигаться вдоль края, высматривая более благоприятный участок.

Облака на такой высоте уже не закрывали солнце, и вместе с ослепительным светом оно дарило и желанное тепло. Вдруг на глаза мне попались странные камни: они были не обычного серого или бурого цвета, а сине-зеленого. Я остановилась у одного такого и бросила взгляд на простиравшийся передо мной лабиринт из скальных стен и обломков породы: оказалось, эти камни образуют извилистую линию, которая четко выделялась на фоне ландшафта. Быть может, это следы древнего сооружения? Я пошла по этой странной тропе, но камни постепенно становились все выше и стояли все плотнее друг к другу, так что приходилось возвращаться назад и вновь искать между ними проход.

Я остановилась, чтобы перекусить и перевести дух. Еда Гончих оказалась сухой и безвкусной и не утоляла голод, но я надеялась, что она хоть немного восполнит мои силы. Все это время я не сводила глаз с диковинных камней: они выглядели как куски дикой необработанной породы, и все же я была уверена, что попали они сюда не случайно.

Вдруг произошло то, что заставило меня тряхнуть головой, крепко зажмуриться и вновь открыть глаза. Точно так же, как тогда, в свадебной долине, окружающая меня картина словно

расслоилась. Два этих изображения перетекали друг в друга, сливались воедино, снова разделялись, и на мгновение в этом колыхающемся, вызывающем головокружение видении справа от меня возникла широкая тропа. Миг – и она вновь исчезла среди сгрудившихся валунов. Это была иллюзия, но на сей раз неподвластная моей воле. Как я ни пыталась смотреть истинным зрением, картина перед глазами прояснялась лишь на доли секунды, и каждая попытка давалась мне ценою невероятных усилий. Голова начала раскалываться от боли, к горлу подступила тошнота. Я вскочила на ноги, но земля подо мной закачалась, и я схватилась за валун, чтобы не упасть. Я очутилась в ловушке, из которой мне было не сбежать...

Ну уж нет! Я закрыла глаза и замерла. Понемногу тошнота унялась, голова больше не кружилась. Я осторожно выставила одну ногу вперед – под нею совершенно точно была твердая земля. Камень, за который я держалась, стоял неподвижно, как и положено стоять камню. Быть может, все позади?.. Я открыла глаза – и закричала: стало еще хуже, теперь мир вокруг и вовсе кружился в бешеном вихре.

Вскинув на плечи сумку и коврик, я прислонилась к камню и задумалась. Это, безусловно, чары, но действуют они лишь на зрение. Но идти с закрытыми глазами нельзя – так я потеряю свой единственный ориентир, кромку скалы, а значит, буду обречена ходить кругами или же и вовсе сорвусь вниз.

Но может, то, что тянет меня за собой, та тонкая нить, протянутая от моего сердца к Воротам, за которыми исчезли Всадники, – может, она проведет меня по этому лабиринту?

Я решительно закрыла глаза, вытянула руки вперед и шагнула в том направлении, куда меня влекло. О, как труден был этот путь! Двигалась я невыносимо медленно и неуверенно, больно натываясь на камни. Много раз я открывала глаза, но тут же, испытав приступ дурноты, жалела об этом. Поначалу я боялась, что заблужусь окончательно, однако чем дальше я забиралась, тем отчетливее ощущала влекущую меня силу и тем тверже становилась моя поступь. Внезапно мои ладони, до сего момента ощупывавшие лишь шероховатую поверхность камня, уперлись во что-то гладкое. Это было так удивительно, что я открыла глаза.

И чуть не ослепла. На меня лился свет, столь яркий, что я подумала было, что охвачена пламенем. Не смея взглянуть на него, я вновь закрыла глаза и принялась водить руками по этой странной преграде. Она простиралась на всю ширину прохода, а высота ее превосходила мой рост, и сколь бы тщательно я ее ни ощупывала, я не обнаружила ни выступа, ни трещины. Я отошла назад, – быть может, я все же свернула не туда? – но это была единственная тропа, а неведомая сила тянула меня дальше, сквозь эту сияющую стену. Обессиленная, я опустилась на землю. Вот и все. Путь вперед закрыт, а дороги назад мне уже не найти... Я уронила голову на колени...

И вдруг вместо земли подо мной оказалось... седло! Я ехала верхом! Отказываясь верить своим ощущениям, я распахнула глаза – и увидела перед собой гриву своей кобылы Раткас. Вокруг все было в цвету и залито солнечным светом. Рядом со мной ехали Килдас и Солфинна с венками на голове, а в поводу их лошадей были вплетены белые цветы. И они пели – все кругом пели, включая меня.

Так вот что происходит с похищенной Гиллан, пока первая блуждает по каменному лабиринту... Я попробовала закричать, но без толку – голос мой продолжал послушно выводить слова песни.

«Херрел! – отчаянно взывала я про себя. – Херрел!»

Если бы только он знал, что произошло, то смог бы сделать так, чтобы половины соединились, и тогда я не ехала бы сейчас верхом и не сидела бы среди холодных камней – я была бы одним целым!

Я огляделась: мы ехали, вытянувшись цепью, по зеленому берегу реки. В облике Всадников, которые теперь выглядели как мужчины из Долин, не осталось ничего, что наводило бы

на мысли об их звериной природе. Вся компания пребывала в радостном настроении, но того, кого я искала, в ней не было.

– О Гиллан! – воскликнула Килдас. – Какой восхитительный день! Какая дивная страна! Словно весна и лето соединились, чтобы одарить нас прекраснейшими из своих чудес!

– Воистину так и есть, – вылетело из уст той, кто была Гиллан лишь наполовину.

– Представь себе! – рассмеялась Килдас. – Я уже почти не помню Долин, они словно сон, который исчезает из памяти, стоит проснуться. Впрочем, нам и помнить-то их незачем...

Неправда! Я хочу помнить Долины, я хочу снова стать единой!

Тут ко мне подъехал какой-то Всадник и протянул цветущую ветку. От белых цветов исходил сильный дурманящий аромат, от которого голова у меня пошла кругом.

– Они прелестны, госпожа, – сказал Всадник, – и все же недостойны красоты той, что примет их в дар.

Я протянула руку, чтобы взять ветку.

«Херрел...»

Я подняла глаза – и увидела шлем с медведем на гребне. Наши взгляды со Всадником встретились, он, прищурившись, пару мгновений смотрел на меня, а потом резко вскинул руку. В его ладони блеснула какая-то вещица, я отвлеклась на нее – и уже не смогла отвести глаз...

Я подняла голову: яркие краски исчезли, я снова сидела среди заколдованных камней, в темноте и холоде. Но я ничего не забыла: вторая Гиллан существует, и, пока мы не соединимся, я обречена на жалкое подобие жизни.

Это был Халс. Он понял, что я вернулась, и отправил меня сюда. Но что же Херрел? Каково ему с той, другой Гиллан?

С наступлением ночи иллюзия рассеялась, и я вновь двинулась вперед по проходу в надежде, что исчез и странный барьер. Однако он был на месте: теперь он излучал бледно-зеленое сияние, но по-прежнему возвышался передо мной прочной непреодолимой стеной. Теперь, когда сияние ослабло, я видела, что стена эта прозрачна и сине-зеленых камней, наводивших морок, за ней больше нет. Но как перебраться на ту сторону?

Привалившись к скале, я с тоской смотрела на зеленую стену. Навряд ли она слишком толстая – иначе я не видела бы так ясно, что за ней. Если бы я умела, превратилась бы в орла, и тогда одного взмаха крыльев хватило бы, чтобы перелететь через нее.

Но этой магией я не владею. Все, что у меня есть, – моя воля, но разве возможно одной лишь волей разогнать эти непостижимые чары?

11

Ужас, бегущий по скалам

Дрожа от холода, я в отчаянии взирала на обступившие меня со всех сторон каменные стены. В памяти вдруг всплыло, как летними днями мы с почтенной дамой Алусан вместе с деревенскими женщинами собирали травы в полях и мне на глаза часто попадались паутинки, раскинутые меж двух веток или кочек... Прозрачная преграда... Как и эта завеса света!

Я внимательно присмотрелась к камням: высотой в два моих роста, может, даже выше, совершенно гладкие, без единого выступа. Сразу видно, что все они – часть единого сооружения, возведенного давным-давно. Но два камня, между которыми и была «натянута» завеса, выделялись из этого единства, как косяки дверного проема на фоне сплошной стены, причем между ними и ближайшим камнем я нащупала зазоры, настолько глубокие, что туда можно было просунуть пальцы.

Паутина... Если разрушить опоры, ее липкие нити больше не опасны... Безумная мысль, ведь эти камни не костяной пузырек – чтобы сдвинуть их с места, понадобится сила нескольких мужчин, к тому же все мои усилия могут оказаться тщетными и завеса останется на месте. Но разве есть у меня иной выход?

Я прислонилась к стене, чувствуя даже сквозь меховой коврик ее ледяной холод, окинула взглядом каменные опоры. Сосредоточившись на левой, я призвала всю свою волю. Падай! Падай! Словно ударами, я осыпала ее своими немymi приказами. На этот раз время не имело никакого значения. Была лишь эта каменная колонна, завеса – и мое желание во что бы ни стало пройти сквозь нее. Падай!

Мир вокруг померк, я видела лишь черную тень, возвышавшуюся передо мной. Вот на вершине ее вспыхнули синие язычки пламени, потом они спустились к самому основанию. Земля размягчилась, корни ослабли... Падай! Падай!

Колонна задрожала и медленно накренилась...

Внезапно тишину распорол оглушительный звук, и мое тело пронзила острая, нестерпимая боль. Я скорчилась на земле, не властная больше ни над волей, ни над разумом, и меня поглотила тьма...

Я очнулась на холодной земле. В лицо мне летел дождь со снегом, а ноздри щекотал странный, совершенно незнакомый запах. Кое-как приподнявшись, я взглянула на завесу.

Колонна слева, вся в черных отметинах, завалилась вперед, словно указывая мне путь, а завеса... исчезла. Я подползла к опоре, дотронулась до почерневшего камня – и тут же отдернула руку: он был раскаленный. Я поднялась на ноги и, пошатываясь, побрела вперед.

День стоял мрачный и промозглый, одежда моя промокла, и холод пронизывал до самых костей, зато все вокруг выглядело привычно, и камни больше не плясали перед глазами, сливаясь в тошнотворный вихрь. А кроме того – прямо впереди в скале была прорублена тропа.

Однако едва я сделала по ней несколько шагов, как ноги мои подкосились от усталости. Я опустилась на землю и достала из сумки мешочек с сухим пайком. Камни, окружавшие меня, были обычного цвета и покрыты лишайником в отличие от сине-зеленых по ту сторону завесы – на них ничего не росло, – а воздух был напоен удивительной свежестью, какой мне еще не приходилось вдыхать.

Здесь, за порогом магической преграды, я отчетливее ощущала некий зов. Наспех перекусив, я снова отправилась в путь. Тропа оказалась не слишком широкой, зато, на мое счастье, ровной, но из-за плотного тумана было почти невозможно рассмотреть, что впереди.

Тропа, постепенно сужаясь, уходила вниз. Наконец она стала настолько узкой, что проехать по ней верхом было бы невозможно. Если в древности здесь и была крепость, то жители ее наверняка передвигались исключительно пешком. То там, то сям виднелись одинокие кривые

деревца, перемежавшиеся с колючим кустарником и островками жухлой травы. Вдруг тропа вильнула в сторону, снова пошла под уклон и через минуту вывела меня на открытое пространство. Оценить, насколько оно велико, мне мешал туман.

Пройдя через арку, я очутилась на овальной площадке, огороженной высокими стенами. В стенах виднелись ниши, почти полностью закрытые каменными плитами, лишь сверху оставалось небольшое окошко. На каждой плите был вырезан какой-то символ. Очертания некоторых почти нельзя было разобрать, другие же сохранились довольно неплохо, однако ни один из них не был мне известен.

Подойдя к первой нише, я замерла на месте. Из окошка вверху на меня смотрела чернота, но она не была безжизненной. Я отчетливо ощущала присутствие какой-то незримой Силы, и Сила эта вопрошала, требовала ответа. И я поняла, что должна сделать.

– Я – Гиллан из Долин Высшего Холлака, и я пришла за тем, что украдено у меня. Я ищу себя.

Внешне ничего не переменилось, однако я почувствовала, что на меня устремлено множество пар глаз. Мои слова, вроде бы ничего не значащие, пробудили стражей, охранявших эти места с начала времен, и теперь они смотрели на меня, изучали, оценивали. Я направилась к соседней нише, от нее к следующей и так обошла все их по порядку. От каждой из них исходило ощущение чьего-то присутствия: у ниш с четкими символами на плитах оно было слабее, чем у тех, где символы стерлись от древности. Сколько веков прошло с тех пор, как этих стражей призывали в последний раз?

Я остановилась у арки с противоположной стороны овала, где вновь начиналась тропа, и оглянулась назад. Я словно ждала чего-то. Наверное, мне хотелось получить знак того, что меня услышали и я могу смело продолжать свой путь, уверенная, что в конце непременно обрету то, что ищу... Но ничего не происходило. Вероятно, это и был знак – меня не посчитали угрозой и позволили беспрепятственно двигаться дальше, но мне хотелось чего-то большего...

Чувствуя как никогда остро, что я одна на всем белом свете, я побрела по вырубленной в скалах тропинке. Долгое время она шла под гору. Все чаще попадались деревья и островки бурой травы. По-прежнему шел дождь, но не столь холодный, как раньше. Неподалеку от тропы я обнаружила углубление в скале, наполненное водой. Я опустилась на колени и принялась жадно пить, зачерпывая воду ладонями. Она была почти ледяная, но имела приятный бодрящий привкус, как и сам воздух здесь.

Далее мой путь пролегал по краю скалы. Справа был резкий обрыв, глубину которого я не смогла оценить из-за вездесущего тумана. За все время я не слышала ни птичьей трели, ни звериного рыка, тишину нарушал лишь монотонный звук дождевых капель.

Я уже почти выбилась из сил. Ноги налились свинцовой тяжестью, каждый шаг давался с трудом, казалось, еще немного – и я рухну на землю без чувств, и все же я упрямо продолжала ковылять вперед. Наконец я вышла к небольшой рощице. Листьев на деревьях не было, но переплетенные ветви давали хоть какое-то прибежище от дождя. Я села под дерево и укуталась в коврик. мех намок, но шкура не пропускала влагу. Со своего места я все еще видела тропу: она выныривала из плотной стены тумана, под которой лежало плато Хранителей, и вновь исчезала в тумане, и мне оставалось лишь догадываться, что уготовлено мне впереди. Я свернулась в комочек и плотнее запахнула край коврика, чтобы не выпускать драгоценное тепло.

Мое состояние не на шутку меня встревожило. Несколько глотков зелья могли бы на какое-то время прогнать усталость, но зелья мало, а сколько еще мне предстоит пройти – неизвестно. Бездумно истрачу его в начале – и может статься, что в тяжелейшую минуту останусь без единственного спасительного средства. Если утром не станет лучше, тогда так и быть, выпью крошечный глоточек... Как же холодно, неужели теперь всегда будет так холодно?..

Нет, нет – не холодно, а очень тепло. Я открыла глаза и выглянула из шатра. Ярко светило солнце, воздух был напоен головкружительным ароматом цветов, где-то поблизости радостно журчал ручеек. Я снова оказалась в волшебной стране, ставшей пристанищем для второй Гиллан. В мою сторону шел какой-то мужчина, и пусть я видела лишь его профиль, я тут же его узнала:

– Херрел!

Он резко повернул голову. Лицо его было непроницаемо. Несколько мгновений он бесстрастно смотрел на меня, и вдруг в его зеленых глазах вспыхнуло удивление.

– Херрел! – умоляюще крикнула я.

Впервые в жизни я зывала о помощи.

Он бросился ко мне, упал передо мной на колени, заглянул в глаза. Я столько хотела ему сказать, но слова комом встали в горле. Я могла лишь раз за разом бормотать его имя. Вдруг послышались крики. В шатер ввалились Всадники, Херрела оттащили от меня и уволокли прочь. Я увидела Халса, лицо его было обезображено ненавистью, глаза пылали яростным огнем. Он снова поднес к моему лицу какой-то блестящий предмет, прогоняя меня назад, в дождь и тьму.

– Херрел, – тихо всхлинула я.

Теперь я знала – или, по меньшей мере, надеялась, – что Херрел непричастен к тому, что со мной случилось в том страшном лесу. Может ли быть так, что и он не заметил подмены? Халс говорил с Гиллан, словно с дамой сердца. Неужели они заставили ее полюбить этого ужасного человека?

Мысль о том, как далеко могло зайти их колдовство, вонзилась мне в сердце ледяным клинком. Но что-то здесь было не так. Халсу не составило труда прогнать меня прочь, когда он понял, что две Гиллан воссоединились. Халс – может, и кто-то другой, но я думала, что именно он, – в первую же ночь попытался отпугнуть меня от Херрела, показав его звериный облик. А когда Всадники увидели, что я обладаю Силой, Халс первым заявил, что от меня нужно избавиться. Так с какой же стати сейчас он старается меня очаровать?

Херрел сказал мне, что из Всадников он самый неудачливый, братья считают его бестолковым и ни во что не ставят. Конечно же, сама мысль о том, что его плащ привлечет кого-то из невест, казалась им всем смехотворной. Но его-то плащ я и выбрала. Почему?

Впервые я припомнила тот момент, когда очутилась на зачарованной поляне и увидела лежащие на ней плащи. Чем же привлек меня плащ Херрела? Уж точно не красотой – тогда я видела предметы, как они есть. Но именно к нему я направилась с той же решительностью, что и мои зачарованные подруги – к выбранным ими плащам.

Выходит, Херрел Криворукий превзошел своих братьев в том, где ему прочили неудачу, тогда как Халс остался ни с чем и, по-видимому, решил забрать себе то, что – как он считал – принадлежало ему по праву. Возможно, кроме него, были и другие недовольные Всадники, но противостоять Халсу никто не посмел.

Теперь Халс забрал у Херрела ту, другую Гиллан и всячески пытается подчинить ее себе... Но сколько времени отведено этой бедняжке? Девочкой мне доводилось слышать обрывки историй, которые обычно рассказывали далеко за полночь, сидя у весело потрескивающего камина. Из этих обрывков я узнала, что существуют фетчи. Это призрачные двойники живых людей, и появление их знаменует скорую смерть. Может, за фетчем и ухаживает сейчас Халс, сам того не зная?

Но та Гиллан – существо из плоти и крови, это очевидно. А что, если Халс сам ее создал, чтобы усладить уязвленное самолюбие или ввести в заблуждение тех, у кого отсутствие Гиллан могло бы вызвать вопросы, – Килдас, например? Или наказать ничего не подозревающего Херрела, лишив его невесты? Если верно последнее, то подозрений после нашей встречи в

шатре у него появилось более чем достаточно. Он понял, что есть две разные Гиллан, в этом нет никаких сомнений!

Но может, я смогу воздействовать своей Силой на вторую Гиллан, притянуть ее к себе, воссоединиться с ней? Я сосредоточилась – но ничего не почувствовала. Связь между нами была по-прежнему крепка, но дотянуться до нее-себя у меня не получалось. Наверное, Всадники, почуяв опасность, возвели между нами какой-то барьер.

Дождь уже перестал, но небо по-прежнему было затянуто тяжелыми тучами. Поначалу мой покой нарушал лишь звук падающих с ветвей капель, однако ночь принесла с собой новые звуки. Я вдруг услышала пронзительный крик – вероятно, на охоту вылетела хищная птица, – а потом, где-то совсем далеко, протяжный вой...

У меня не было никакого оружия, кроме ножа, украденного из лагеря Гончих. Внезапно эта небольшая рощица превратилась для меня в огромный лес, кишевший тварями, объявившими на меня охоту. Я будто снова очутилась в кошмарном сне.

«Беги! – кричал голос внутри меня. – Беги не оглядываясь!»

«Не шевелись! – приказывал другой голос. – Пока ты в тени – тебя не найдут».

«Беги, беги к Хранителям, они даруют тебе свою защиту!»

«Не смей. Если повернешь назад – ваша связь разорвется навсегда».

«Беги...»

«Нет!»

Измощенная этой внутренней борьбой, я уронила голову на колени и погрузилась в сон. Разбудил меня тошнотворный запах. Кашляя и задыхаясь, я подняла голову и увидела, что на дороге клубится мерцающее желтоватое облако. Ужасающая жуткая вонь, исходившая от него, оседала в горле и жгла легкие. Земля вздрагивала, словно неподалеку двигалось нечто невообразимой тяжести. Я приложила ладонь к земле: толчки были частыми, как будто бежало не одно, а множество существ.

Что бы это ни было, оно мчалось по дороге, которую отделяла от меня непроницаемая пелена тумана. Быть может, оно меня не заметит?.. Теперь, кроме вибрации, до меня доносился и топот: либо у этого чудовища было множество ног, либо бежали несколько двуногих существ. Мерцание зловонного облака усилилось, его желтые клубы приобрели зловещий красноватый оттенок, и тут же раздался низкий гул – как будто запела сотня голосов одновременно. Теперь стало ясно, что нечто движется в ту сторону, откуда я пришла, – к плато Хранителей.

Я впилась зубами в костяшки пальцев, чтобы сдержать рвущийся из груди панический вопль. Что лучше: видеть или остаться в неведении?.. В тумане запрыгали темно-красные пятна, гул голосов сделался столь оглушительным, что мне казалось, будто это гудит в моей голове, во всем моем теле... Я впала в состояние, близкое к беспамятству, – наверное, это меня и спасло. Когда я пришла в себя, красных пятен уже не было, а гул уже почти смолк вдали. На руке и во рту была кровь, и вся я, казалось, насквозь пропиталась этим удушающим смрадом, и теперь мне никогда от него не отмыться...

Я сидела, не в силах шевельнуться. Из меня будто разом выпили всю кровь. Все звуки исчезли, но дрожание земли говорило мне, что это *нечто* не остановилось. Если оно идет той же дорогой, то сначала на пути его будет плато, потом – разноцветные пляшущие камни...

Каким-то чудом мне удалось подняться на ноги. Идти вперед было страшно, но оставаться – еще страшнее. Что, если оно решит вернуться?.. Я побрела вдоль тропы, держась ближе к деревьям. Зловоние уже ощущалось не столь сильно, но сгустившийся туман обступал со всех сторон, не давая видеть дальше чем на пару шагов.

Вскоре начался резкий уклон вниз, и мне пришлось вернуться на тропу. Кое-как волоча ноги, я сделала несколько шагов и остановилась, чтобы перевести дух. Вдруг я услышала визг. Он раздавался позади, где-то очень далеко, но для моих истерзанных нервов это было последней каплей. Я закричала. Кто-то не сумел спрятаться вовремя и стал жертвой этого чудовищ-

ного нереального кошмара... который, возможно, теперь возвращается по этой же дороге. И я побежала.

Я бежала, шатаясь из стороны в сторону, хватаясь за валуны и скалы. Главное – удержаться на ногах... Не заметив мелкой лужи, ступила в нее, поскользнулась и упала на колени. Кое-как поднялась и упрямо поковыляла вперед, подгоняемая страхом, что вот-вот снова раздастся крик, только теперь совсем близко...

И вдруг впереди я увидела... свет? Этого не может быть! Зажав ладонью ноющую рану на боку, я привалилась к скале. Только сейчас до меня наконец дошло, что туман почти рассеялся и впереди действительно что-то светится. Это не было похоже на факелы или костры – эти желто-белые огоньки летали в воздухе, кружились и гонялись друг за другом, ярко вспыхивали и исчезали, чтобы вновь появиться в другом месте. От их мельтешения у меня вновь закружилась голова.

Однако я чувствовала, что это не было предупреждением об опасности, а потому направилась к ним навстречу. Тут же один из огоньков отделился от общего хоровода и полетел ко мне. Я инстинктивно пригнулась, но он не стал на меня нападать, а повис высоко над головой. Я различала жужжание и хлопанье крыльев, видела блестящие фасеточные глаза. У этого насекомого – на птицу существо походило мало – было ярко светящееся круглое тельце размером с мою ладонь. Оно так и летело у меня над головой, не пытаясь приблизиться. К нему присоединились еще двое, и теперь света было достаточно, чтобы двигаться без опаски. Совсем скоро тропа стала широкой и ровной, по обеим сторонам ее снова росли деревья, но на сей раз я слышала шелест листьев и чувствовала пленительный аромат цветов... Неужели я добралась до волшебного края, где обитала другая Гиллан?

Я отказывалась верить, что ночной кошмар, чуть не лишивший меня разума, мог возникнуть на этой прекрасной земле, но явился он именно отсюда, а значит, я все время должна быть начеку.

Повернув, дорога спустилась к бурной реке. Когда-то через нее был перекинут мост, но теперь центральная его часть отсутствовала, а попытаться добраться до другого берега вброд почти в полной темноте было бы самоубийством. Я присела на берег, прислонилась спиной к опоре моста и, радуясь временной передышке, вздохнула полной грудью.

Ноздри тут же защекотал знакомый пьянящий аромат, источник которого находился где-то слева от меня. Повернув голову, я увидела, что один из моих крылатых спутников сидит на цветущей ветке, изрядно прогнувшейся под его тяжестью. Это были те же белые с восковым отливом цветы, которые Халс подарил Гиллан. Я добралась до чудесной страны Всадников, скрытой за магическими Воротами. Но если то, что бежит по скалам, живет здесь, может быть, страна эта далеко не так прекрасна, какой представляется моим зачарованным спутницам? Мое зрение не затуманено иллюзией, я вижу все в истинном свете, но не станет ли это помехой на моем пути?

12

Страна призраков

Новый день возвестил о себе яркими красками и звонкими трелями птиц. Мои провожатые покинули меня еще с первыми лучами солнца, верно расценив, что долг их исполнен. Я больше не чувствовала себя одинокой. Ко мне вернулись силы и мужество, а ночной ужас, бегущий по скалам, остался в прошлом, как и моя прежняя жизнь.

Рядом с местом, где я нашла ночлег, была небольшая заводь, огражденная с одной стороны огромным валуном. Длинные, тонкие ветви деревьев, низко склонившиеся над водой, были усыпаны розовыми цветами, с которых при малейшем дуновении ветерка золотым снегом осыпалась пыльца. При свете солнца стебли тростника, росшие вдоль берега, казались изумрудно-зелеными.

Я вскарабкалась на камень и опустила руку в воду, которая оказалась восхитительно прохладной. Не медля ни секунды, я сбросила с себя одежду, затвердевшую от грязи, пота и слез, и погрузилась в воду. О, какое блаженство! Цветущие ветви то и дело задевали меня по голове и плечам, оставляя на волосах и коже чудный аромат, и я позволила себе расслабиться, не думать ни о пережитых невзгодах, ни о грядущих испытаниях. Даже если все это было лишь иллюзией, я желала бы подольше оставаться в ее власти.

Но пришло время возвращаться на берег. С отвращением натянув на чистое тело опостылевшее дорожное одеяние, я утолила голод, а потом вновь осмотрела мост. Казалось, он стоит здесь тысячи лет: опоры из серого камня были покрыты мхом и лишайником, основная часть, по-видимому, разрушилась давным-давно.

Я задумчиво смотрела в пустоту, как вдруг увидела нечто наподобие тончайшей нити, перекинутой от одной опоры к другой. Я сосредоточилась, глядя на нее истинным зрением, и через несколько мгновений поверх остатков древнего моста возникла другая картина: крепкий целехонький мост – и настоящим из них был именно он! Однако, как я ни старалась, я видела его лишь как призрачную тень. Отвернувшись, я обвела взглядом берег с изумрудным тростником, цветущие деревья, валун с маленькой бухтой, где только что плавала. Все вокруг выглядело как раньше, и только древний мост был вовсе не тем, чем казался. Очередной магический барьер для защиты страны от чужаков?

Крошечными шажками, с величайшей осторожностью ступая с камня на камень, я приблизилась к основной части моста, представлявшей собою лишь тень. Я опустилась на четвереньки и вытянула вперед руку, ожидая, что она встретит пустоту... однако, к моему удивлению, моя ладонь легла на твердую поверхность! И тогда я потихоньку поползла вперед. Не осмеливаясь взглянуть по сторонам, я смотрела лишь перед собой, в серую дымку, клубившуюся между опорами, – единственное, что отделяло меня от реющего внизу потока.

Лишь почувствовав под собой шершавые неровные камни, я поднялась на ноги и вцепилась в парашют, чтобы перевести дух. Будь начеку, Гиллан, какие еще иллюзии приберегла для тебя эта прекрасная страна?

Я продолжила путь и вскоре вышла к полям. Странные это были поля – ни пасущегося скота, ни посевов. Раз за разом я призывала истинное зрение, но не видела никаких призрачных образов. Зато в птицах недостатка не было. Не выказывая ни малейшего страха, они порхали вокруг, возились в дорожной пыли у самых моих ног, с любопытством оглядывали меня, покачиваясь на ветвях деревьев. Таких птиц мне еще видеть не доводилось. К примеру, одна из них, размером с небольшую индюшку, с диковинным хвостом из плотно скрученных красно-золотых перьев и рыжими крыльями, долго бежала рядом со мной по дороге, то и дело оборачиваясь на меня и вопросительно покрикивая – словно приглашая к беседе.

Как-то раз мне повстречалась лисица. Она сидела у обочины и не сводила с меня глаз. Если бы она твякнула, приветствуя меня, словно старую знакомую, я бы даже не удивилась. Потом я увидела двух белок. Шкурки обеих были золотисто-красными, а не серыми, как у белок в норстедских садах. Они громко верещали – по-видимому, наперебой спорили, что это за странное существо объявилось в их лесу. Не будь столь страшна причина, подгоняющая меня вперед, я бы, наверное, шагала сейчас с легким сердцем и счастливой улыбкой на устах.

Солнце стояло уже высоко в небе, и я остановилась, чтобы сложить и убрать подальше висевший на руке меховой коврик. В горах он столько раз спасал меня от верной гибели, а теперь превратился в тяжелое и бесполезное бремя. Я складывала его, когда заметила кое-что, от чего меня прошиб озноб.

У меня не было тени... Об этом говорил лучник в лагере Гончих, но слова его не запечатлелись в моем сознании, поскольку все мои мысли в тот момент были сосредоточены на том, как избежать грозившей мне участи. Но ведь я не была призраком: они видели меня, прикасались ко мне... Меня передернуло от этих воспоминаний, и все же я схватилась за них, как за спасительную соломинку. Я – человек из плоти и крови, я не призрак вроде того невидимого зачарованному взгляду моста!

Но если так – где же моя тень, этот верный спутник каждого осязаемого предмета? Уверенность, которая укрепилась во мне со вчерашней ночи, пошатнулась. Тень, которой я сроду не придавала значения, внезапно стала важнейшим моим сокровищем, жизненно необходимой частью моего существа.

Я сосредоточилась, в надежде увидеть ее истинным зрением, однако все без толку. Но когда я подняла голову...

Пейзаж вокруг переменился. Образы, сотканые из призрачной дымки, уплотнились и приобрели реальные формы. Слева от дороги появилась узенькая тропинка, которая вела к старому дому с остроконечной крышей. В Долинах я таких никогда не видела – все дома у нас имели покатую крышу и щедро украшались резьбой. Рядом стояли какие-то постройки, часть земли была обнесена стеной, – наверное, за нею находился сад. Во дворе перед домом двигались какие-то фигуры. Чем дальше я всматривалась в эту картину, тем четче она становилась. Я поняла: именно это было реальностью, а пустые поля – лишь иллюзия.

Не приняв никакого решения, я свернула с дороги и пошла по тропинке. Чем ближе подходила я к дому, тем внушительнее он становился. Он был построен из сине-зеленых камней – таких же, что преградили мне путь в горах, – с золотистым и изумрудным орнаментом. Крыша была покрыта шиферной плиткой. Над дверью висел какой-то предмет, который можно было принять за герб, но переплетенные символы, изображенные на нем, ничего мне не говорили.

Люди во дворе были заняты делом: мужчина поил лошадей, а девушка в чепчике выгоняла из загона длинноногих птиц с блестящим оперением.

Их лиц я рассмотреть не могла, но эти двое выглядели как обычные люди. На мужчине были серебристые обтягивающие штаны и короткая кожаная куртка, перехваченная на талии ремнем, на котором поблескивал какой-то металлический предмет. Девушка была в длинном красновато-коричневом платье из домотканого полотна и в желтом, в цвет чепца, переднике.

Девушка кормила птиц, бросая им из корзинки зерно.

– Прошу вас... – громко обратилась я к ней, но она даже не взглянула на меня. – Пожалуйста, – повторила я еще громче, отчаянно желая, чтобы она увидела меня, поговорила со мной...

Но она так и не подняла головы. Мужчина, держа коня под уздцы, прошел мимо и тоже меня не заметил. Лицо его напоминало лица Всадников: те же тонкие черты, росчерк бровей, такой же острый подбородок.

Во что бы то ни стало желая привлечь их внимание, я протянула руку и дернула девушку за рукав. Она вскрикнула, отпрыгнула в сторону и принялась испуганно озираться. Мужчина

остановился и, повернувшись, что-то произнес на незнакомом мне языке. Потом оба они уставились прямо на меня, но я по-прежнему была для них невидимкой.

Я отвлеклась – и образы начали таять, истончаться, пока не исчезли вовсе. Я снова осталась одна. Зато теперь я знала, что здесь под покровом иллюзии таится нечто удивительное, а не уродливое, как это было раньше. Жители этой страны были для меня призраками, а для них призраком была я!

Я добрела до дороги, уселась на обочине и обхватила голову руками. Значит ли это, что я и вправду бесплотный дух? Перестану ли я быть им, когда воссоединюсь с другой Гиллан? И кто она в этой стране – тоже призрак или человек из плоти и крови?

От еды Гончих остались лишь жалкие крохи. И как прикажете мне, призраку, добывать пропитание? Придется воровать, ведь просить бесполезно – все равно меня никто не услышит. О Великие Силы, правящие этой землей! Помогите мне вновь стать единой, настоящей Гиллан!

Я долгое время сидела так, думая обо всем, что мне довелось увидеть. Этот народ хорошо позаботился о своей защите: Хранители, смрадный ужас, бегущий по скалам, пелена иллюзии... Если Гончие и заберутся так далеко, то не найдут ничего, чем можно поживиться, – лишь бескрайние, пустые поля. Интересно, мимо скольких городов и деревень прошла я сама, не ведая об их существовании?

Однако пора подниматься и двигаться дальше, если я не хочу умереть от голода.

Вскоре я заприметила еще две усадьбы, но обе стояли слишком далеко, а с дороги мне сходить не хотелось, ведь она – я чувствовала это! – вела прямо к моей цели.

Было далеко за полдень, когда я увидела деревню. Она тоже располагалась довольно далеко от дороги, и это невольно навело меня на мысль о том, что дорога сама по себе – ловушка для чужаков, призванная отвлечь их внимание от полей, чтобы они ненароком не заподозрили о процветающей на них жизни.

Деревушка оказалась маленькой: всего десятка два домов вокруг высокой башни. По двум улицам скользили люди-тени, которых я не пыталась рассмотреть, – очертаний было вполне достаточно, чтобы избегать нежелательных столкновений. Я сосредоточилась на домах.

На крыльце ближайшего сидела женщина за прялкой, поэтому внутрь я войти не осмелилась. Вокруг соседнего гурьбой носились дети, а дверь следующего была плотно закрыта и, возможно, заперта изнутри. А вот четвертый по счету, судя по его размерам и вывеске над дверью, вполне мог быть таверной.

Изо всех сил напрягая зрение, чтобы картинка перед глазами не расплывалась, я прошмыгнула в приоткрытую дверь и очутилась в коротеньком темном коридоре. Пройдя несколько шагов, я увидела слева еще одну дверь, за которой оказалось просторное помещение, заставленное длинными столами и скамьями. На одном из столов лежала буханка ржаного хлеба и почти целая головка сыра – не хватало лишь одного треугольного куска. Вопреки моим страхам, ни хлеб, ни сыр не растворились в серой дымке, оставив меня ни с чем. Я быстро засунула их между складками коврика и, довольная собой, развернулась, чтобы уйти.

Но вдруг в дверном проеме мелькнула человеческая фигура – столь же призрачная, как и все обитатели этой деревни. Я прижалась к стене, чтобы ненароком с ней не столкнуться, но человек отчего-то не торопился переступить порог. Мне стало немного не по себе. Я сосредоточилась на очертаниях, пытаюсь его рассмотреть. Мужчина. Кожаные штаны, сапоги и кольчуга, на плечи накинута короткая шелковая плащ, почти такой же, как у Всадников, только без меховой опушки. На голове вместо шлема – шапочка с брошью, украшенной драгоценными камнями.

Он внимательно осмотрел комнату, один раз его взгляд даже скользнул по мне. И хотя меня он не заметил, что-то его будто насторожило. Он не вытащил меча из ножен, хотя, думаю, случись такая надобность, это заняло бы у него лишь долю мгновения. А быть может, в его распоряжении было и другое, неизвестное мне оружие, которое он не носил на виду.

Из комнаты вела еще одна дверь, но она была закрыта, и навряд ли у меня получилось бы отворить ее незаметно. Если бы только этот стражник прошел в комнату, хотя бы на пару шагов, тогда я могла бы проскользнуть мимо него, но он, кажется, даже не думал этого делать.

Мне стоило больших усилий удерживать перед глазами его ясный и четкий образ. Оказываясь, с удивлением отметила я про себя, «видеть» здания намного проще, чем людей.

Его ноздри затрепетали, словно он пытался почуять мой запах; он повернул голову в одну, потом в другую сторону и вдруг заговорил.

Язык его был мне непонятен, но фраза прозвучала как вопрос. Я перестала дышать. Он помолчал, затем снова повторил вопрос и, к моему облегчению, шагнул внутрь. Я бочком начала продвигаться к двери, отчаянно молясь, чтобы он не услышал шорох подошв. Но пол, к счастью, покрывал толстый вязаный ковер, и потому я беззвучно достигла двери. Как вдруг мужчина, который как раз остановился у стола, где только что лежал мой обед, резко обернулся. Неужели он каким-то непостижимым образом смог меня увидеть?.. Но опасения оказались напрасными. Хоть глаза его и смотрели прямо на меня, выражение его лица оставалось прежним. Длилось это всего мгновение, а потом... он направился обратно к двери.

Не придумав ничего лучшего, я опрометью бросилась вон из комнаты. Он что-то крикнул, в ответ тоже раздался крик, и на моем пути выросла еще одна фигура. Я кинулась прямо на нее, с силой оттолкнула в сторону и под удивленные вопли выбежала наружу. Что есть духу я мчалась к дороге, которая казалась мне теперь единственным безопасным местом во всей этой стране.

За спиной слышались крики и топот. Видят они меня или бегут наугад? Наконец, собрав остаток сил, сосредоточив внимание на одной лишь иллюзии, я добежала до спасительной дороги и ничком рухнула на обочине. Кое-как отдышавшись, я оглянулась на деревню, на месте которой теперь простирался зеленый луг. Крики, однако, все никак не утихали, но самое страшное – к ним добавился новый звук: топот копыт, который раздавался все ближе! Я вскочила на ноги и, прижимая к груди завернутый в коврик трофей, бросилась бежать. Прочь, прочь от невидимой деревни и ее призраков!

Когда я, окончательно выбившись из сил, остановилась, то услышала лишь щебет птиц. Меня не увидели, я была в безопасности. До поры до времени.

И все же я прошла еще с милую, прежде чем уселась на травяную кочку у дороги и принялась за еду. Ни одно яство из тех, какими Всадники потчевали своих зачарованных невест, не могло сравниться с пищей, которую я вкушала сейчас. Еда Гончих давала мне немного сил, но в этом ржаном хлебе, в этом сыре, который крошился в моих пальцах, была сама жизнь! Я не стала наедаться всласть, а лишь слегка утолила голод, – как знать, будет ли вторая вылазка столь удачной. Какая-то птаха спорхнула с куста, склевала оставшиеся от моего пиршества хлебные крошки и, подняв головку, жалобно чирикнула. Я отломил от буханки кусочек и раскрошила на землю: угощайся! Эта птичка, несомненно, видела меня, как и остальные птицы, встречавшиеся мне сегодня, и лиса, и белки, – так почему же для себе подобных я призрак? Или это обратная сторона защитных чар, оберегающих людей этой земли?

До заката оставалось совсем немного времени, а мне еще нужно было найти место для ночлега. Решив, что нечто темное впереди – небольшая роща, я прибавила шаг.

Мне так не терпелось добраться до укрытия, что я не сразу заметила происшедшую вокруг перемену. Если утром мне было легко и радостно на сердце, то теперь я ощущала, как внутри меня сгущается тьма. Как ни пыталась я противиться этому, в памяти одна за другой воскресали картины ужаса, пережитого во сне и наяву. Поля, простирившиеся по обеим сторонам дороги, теперь вовсе не казались мне пустынными: какие твари, незримые под покровом иллюзии, скрываются в них?

И вдруг мне показалось, будто за мной следят. Я то и дело оглядывалась, а иногда и замирала на дороге, с тревогой всматриваясь в даль. Птиц стало заметно больше, с громким

щебетом они прыгали по обочинам и порхали вокруг, но их незамысловатые песенки меня не развлекали: я не могла отделаться от ощущения, будто кто-то смотрит мне в спину, наблюдает за каждым моим шагом.

Пятно на горизонте оказалось огромным лесом, тянувшимся с севера на юг, но теперь он выглядел угрожающе, и ночевать в нем мне вовсе не хотелось.

Дорога стала уже и теперь больше напоминала мне тропу, по которой я брела в горах. Ветви почти смыкались над головой, но, к моему удивлению, в лесу было довольно светло: прожилки и зубчатые края зеленых листьев имели золотистый цвет, потому и создавалось ощущение, будто вопреки сгустившимся сумеркам здесь по-прежнему светит солнце.

Я видела белок, прыгавших с ветки на ветку, птиц, щебетавших на деревьях, а однажды даже снова заметила лису, но теперь меня не покидало тревожное ощущение, что следят они за мной вовсе не из любопытства.

Подходящего места для ночлега мне так и не попало, и я уже начала думать, что придется лечь прямо на дороге, когда увидела развилку: дорога в этом месте разделялась на две узенькие тропки, островок земли между которыми имел форму ромба. На нем был насыпан плоский курган, повторявший его очертания. На равном расстоянии друг от друга стояли три каменные колонны, средняя была на несколько ладоней выше, чем две другие. Несомненно, оказались они здесь не случайно, а по чьей-то воле. Несмотря на то что это место было на виду, оно внушало мне необъяснимое спокойствие, а потому я решила остаться здесь на ночлег.

Я взобралась на курган, расстелила коврик и села, прислонившись к центральной колонне за моей спиной. Тропинки передо мною вновь сливались в дорогу, которая исчезала за деревьями.

Я поела, завернулась в коврик и некоторое время сидела, вслушиваясь в пугающие незнакомые звуки. Наконец усталость взяла свое, и я провалилась в сон.

Проснувшись среди ночи. Сердце бешено колотилось в груди, я задыхалась, хватая ртом воздух. Голова моя лежала у подножия колонны. Мой островок ярко освещала луна, и колонны в ее свете блестели, точно были отлиты из серебра. Сама того не осознавая, я выбрала для ночлега Место Силы, но темная это Сила или светлая, распознать было выше моих способностей.

Я не испытывала страха, скорее благоговение – и отчаяние оттого, что это место пытается сказать мне нечто важное, а я не понимаю языка, на котором оно говорит со мной!

Не знаю, долго ли я так сидела, безуспешно пытаюсь проникнуть в суть этого мистического послания, как вдруг в моих ощущениях произошла резкая перемена. Я насторожилась. Меня о чем-то предупреждали, но вот о чем именно – этого я тоже не понимала...

И тут послышался топот копыт. Кто-то с бешеной скоростью скакал по дороге оттуда, куда лежал мой путь. Лес вокруг моего островка ожил. Масса невидимых глазу существ, до сего мгновения наблюдавших за мной, уползали, улетали и убежали прочь.

Но я не чувствовала страха – я лишь знала, что должна быть готова, должна ждать...

На залитой лунным светом дороге показалась лошадь. Грудь и плечи ее были покрыты хлопьями белой пены. Всадник так внезапно натянул поводья, что животное вскинулось на дыбы, молотя по воздуху ногами.

Всадник-оборотень!

Лошадь громко заржала и снова встала на дыбы, но Всадник тут же усмирил ее. И тогда я смогла рассмотреть гребень его шлема... Я вскочила на ноги, сбросила с себя коврик и побежала, протягивая руки и крича:

– Херрел!

Он спешился и пошел мне навстречу.

13

Зверь становится человеком

Представьте, что вы бредете один по заваленной снегом дороге, дрожа от холода и слушая завывания ветра, как вдруг – о чудо! – во мраке зимней ночи видите светящиеся окна жилища! Дверь распахивается, и хозяин гостеприимно машет рукой, приглашая усталого путника разделить с ним тепло очага. Вот как я чувствовала себя сейчас.

– Херрел!

Я звала его и тянула к нему руки, как тогда в шатре, когда на несколько мгновений соединилась с другой Гиллан.

Вдруг в воздухе между нами змейкой взвилась зеленоватая дымка, а когда она исчезла...

Когда я видела этого зверя в последний раз, он, распластавшись на скале, готовился терзать Гончих Алисона. Теперь глаза его смотрели только на меня. Он глухо зарычал, обнажил острые, не ведающие пощады клыки...

– Херрел!

Я попятилась. Серебристая кошка припала к земле, готовясь к прыжку, а я смотрела ей в глаза – в глаза моей смерти, не осмеливаясь повернуться к ней спиной. На поясе у меня висел охотничий нож, но сталь была мне здесь не помощник. Как знать, быть может, и другое мое оружие окажется не более эффективным, чем тростинка против меча, но это все, что у меня есть.

Я, не моргая, смотрела в глаза, в которых не было ровным счетом ничего человеческого. И все же где-то там, внутри этой звериной оболочки, прятался человек. И если я отыщу его, возможно, мне удастся его разбудить. Уж лучше встретиться лицом к лицу с разъяренным человеком, чем с голодным зверем, устроившим на тебя охоту.

«Херрел, Херрел, – мысленно взывала я к нему. – Херрел...»

Ничего не произошло, лишь из звериной глотки вырвался сдавленный рык. Все без толку. От этой мысли у меня потемнело в глазах, но я не ослабила волю. Вдруг огромная круглая голова с прижатыми ушами слегка приподнялась, и по лесу пронесся леденящий кровь вой. Такой же вой я слышала перед тем, как Всадники напали на Гончих Алисона.

– Херрел, нет!

Зверь повел головой из стороны в сторону, потом раздраженно тряхнул ею и выставил вперед когтистую лапу, приготовившись к прыжку.

– Ты человек – человек, не зверь!

Но моя уверенность в том, что внутри чудовища прячется человек, пошатнулась. Кто знает, какие силы стали доступны ему после возвращения на родную землю?

– Херрел!

Талисмана я лишилась давным-давно, а к каким божествам взывать о помощи на этой земле – не знала. Я вскрикнула, остатки моей Силы растворились в потоке животной ненависти. Зверь прыгнул.

Руку, которую я подняла в последнюю секунду, прикрывая лицо, обожгло невыносимой болью. Меня придавило к кургану с такой силой, что я не могла даже вздохнуть...

– Гиллан! Гиллан!

Я чувствовала, что меня обнимают руки, мужские руки, а голос, зовущий меня, был полон страха и боли.

– Гиллан!

Я открыла глаза и увидела искаженное от ужаса лицо Херрела.

– Гиллан, что же я натворил?

Подхватив меня на руки так легко, словно я была ребенком, он взбежал на залитый лунным светом курган и осторожно положил меня на коврик. С нежностью, которой я не замечала в нем раньше, он приподнял мою истерзанную руку и, увидев на ней две глубокие кровотокающие борозды, громко вскрикнул.

– Херрел?

Теперь он смотрел мне в глаза:

– Заставить меня причинить боль тебе – тебе! Да сгниют их кости, а бегущий в ночи пожрет души!.. Я соберу травы...

– Посмотри в моей сумке – там есть снадобья.

Боль раскаленным металлом текла вверх по руке, заливала плечо. Я с трудом дышала, перед глазами плясал вихрь из лунного света, колонны качались из стороны в сторону. Я почувствовала, как он вытащил из-под коврика сумку, и приготовилась объяснить, какие мази нужны, но, едва он дотронулся до моей руки, закричала от боли и потеряла сознание.

– Гиллан! Гиллан!

Я нехотя вынырнула из благодатного забытья.

– Гиллан! Золой и пеплом, молотом и клинком, ясной луной и светом Нив, моей кровью, пролитой во имя того, чей облик я ношу...

Его тихие слова окутывали меня, словно сеть, не давая вновь погрузиться во тьму.

– Время уходит, Гиллан... Ядовитым цветом, кнутом Горга, свечами оборотней заклиная тебя – вернись!

Это был приказ, которому я не могла не подчиниться. Я повернула голову и открыла глаза. Вокруг меня танцевали языки зеленого пламени, сладкий аромат щекотал ноздри, по щекам скользили цветочные лепестки. Херрел, обнаженный по пояс, стоял напротив серебристой колонны, и тело его тоже светилось серебристым светом. Но плечи были исполосованы, а в руках он держал длинную сломанную ветку.

– Херрел?

Он подбежал ко мне и опустился на колени. Лицо его было смертельно уставшим, словно у воина, долго сражавшегося на пределе сил, и теперь, когда битва завершилась, он был слишком изможден, чтобы волноваться о том, кто одержал победу – он или его враг. Но едва он взглянул на меня, лицо его просветлело. Он протянул было руку к моей щеке, но тут же отдернул:

– Как ты чувствуешь себя, Гиллан?

Я облизала губы, шевельнула рукой. Боли почти не было. Рука была перевязана, и я почувствовала знакомый аромат, значит он все-таки воспользовался содержимым сумки. Я медленно приподнялась и села. Оказалось, я лежала под плотным одеялом из цветов и изорванных в мелкие кусочки листьев.

Херрел повел рукой, и зеленое пламя без следа растворилось в воздухе.

– Как ты? – повторил он. – Тебе лучше?

– Лучше... Что ты имел в виду, когда сказал, что время уходит?

Я зачерпнула немного лепестков и листьев и вдохнула их аромат.

– Есть две Гиллан...

– Это мне известно, – оборвала я его.

– Но возможно, тебе неизвестно вот что: человек, разделенный надвое, – звучит отвратительно, как и само колдовство, применяемое для этой безумной цели, – не может существовать в таком виде. Рано или поздно, если он не становится вновь единым, одна из его частей умирает...

– То есть другая Гиллан умрет? – Ладонь моя разжалась, и лепестки посыпались на землю. Я снова ощутила холодную пустоту внутри и чудовищный, неутолимый голод.

– Либо она, либо ты.

Смысл его слов не сразу дошел до моего сознания. Херрел вскочил на ноги и принялся наносить удары кулаками по колонне, словно это был его враг.

– Они сделали это... чтобы избавиться от тебя... думали, ты погибнешь в пустошах... или в горах, ведь эта земля надежно защищена.

– Я знаю.

– Они были уверены, что ты не выживешь. Если бы ты умерла, та Гиллан стала бы единой, похожей на тебя лишь отчасти. Но когда ты вошла в Арвон, они переполошились. Узнали, что в стране появился чужак, и сразу поняли, кто это. Тогда они вновь прибегли к колдовству и... – Он осекся.

– И послали тебя, – закончила я вместо него.

Он снова взглянул на меня, и сердце мое сжалось. Если бы истерзанную душу можно было излечить так же легко, как телесные раны...

– Я ведь говорил тебе: я не такой, как они. Я в их власти. Они ослепили меня, заставили поверить, будто Халс добился своего и ты предпочла меня ему!

Я задрожала. Халс... Нет, только не это... не может быть, чтобы другая я блаженствовала в его объятиях!

– Но ведь настоящая я – это я, – пробормотала я, пряча в ладонях пылающее от стыда лицо. – Я человек из плоти и крови, а не призрак...

Но так ли это? Почему же тогда я невидима для людей? Я провела пальцами по забинтованной руке и даже обрадовалась, почувствовав боль: призраки боли не чувствуют!

– Да, но она – часть тебя. Если ты умрешь, она станет чуть сильнее, и Халсу этого будет достаточно. Стая боится тебя, Гиллан, потому что ты неподвластна их воле. Поэтому они и создали ту, которая подвластна.

– А если... что, если бы...

– Я убил тебя, как они и задумали? – прочел он мои мысли. – Обнаружив правду, я не смог бы жить дальше, и, таким образом, они избавились бы сразу от обоих врагов.

– Но ведь ты не убил.

Херрел печально качнул головой:

– Посмотри на свою руку, Гиллан. Если из-за того, что я сделал, мы не достигнем цели, считай, я исполнил их волю.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что время не на нашей стороне, Гиллан. С каждым часом, что вы порознь, ты теряешь силу и, может статься, воссоединиться со второй Гиллан попросту не успеешь. Не думаю, что ты из тех, кто вместо правды желает слышать слова успокоения, поэтому говорю все как есть.

Последняя его фраза прозвучала как похвала моему мужеству. Оставалось лишь надеяться, что он не замечает, как меня от ужаса трясет мелкой дрожью.

– Мне кажется, ты можешь больше, чем думаешь. – Я захотела переменить тему разговора, чтобы отвлечься от терзавших меня страхов. – Чем все они думают. Иначе как тебе удалось разрушить столь мощное заклятье?

Херрел подошел к лежащей на земле рубашке и поднял ее.

– Не пытайся увидеть то, чего нет, Гиллан. Хвала высшим силам, что я вовремя пробудился. Точнее, меня пробудила ты – это твой голос я слышал во тьме, куда они бросили меня... А теперь, если ты готова, мы должны ехать. Нужно нагнать Стаю.

Он надел кожаную безрукавку, сверху кольчугу и повязал вокруг пояса ремень. Взяв в руки шлем, он долго смотрел на серебряную кошку, и на миг мне показалось, что вот сейчас он отшвырнет шлем в сторону. Однако он все же надел его и, повернувшись ко мне, помог встать на ноги. На плечи мои он накинул свой плащ, приобнял меня, чтобы я не упала, и мы медленно спустились с кургана.

Приближался рассвет. Херрел свистнул, подзывая коня, и тот прискакал к нам, фыркая и беспокойно мотая головой, как будто что-то в лесу его испугало. Херрел, однако, не обратил на это внимания. Он посадил меня в седло, а сам сел позади. Его конь, не выказав ни малейшего недовольства еще из-за одного седока, бодро затрусил вперед. Рядом с Херрелом, в кольце его рук, мне было тепло и спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.